

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ»
ФАКУЛЬТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
Кафедра иностранных языков

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Москва
Российский университет дружбы народов
2017

УДК 81'272:316.42(035.3)
ББК 81.2+60.56
Я41

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

*Издание подготовлено в рамках инициативной НИР № 101601-0-000
«Языковая политика в условиях глобализации» на кафедре иностранных языков
при финансовой поддержке факультета гуманитарных и социальных наук РУДН*

Автор концепции, руководитель авторского
коллектива и ответственный редактор –
заведующая кафедрой иностранных языков ФГСН РУДН,
к.ф.н., доцент *Г.О. Лукьянова*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Л.В. Пономаренко*,
кандидат филологических наук, доцент *Е.Л. Гладкова*

Авторский коллектив:

*Г.О. Лукьянова, М.А. Егорова, М.С. Каменева, О.Б. Максимова,
Т.В. Селиванова, Л.М. Спыну, Е.Д. Терентьева, Г.А. Химич*

Ответственный секретарь – *О.Б. Максимова*

Я41 Языковая политика в условиях глобализации : коллек-
тивная монография / Г.О. Лукьянова [и др.] ; под ред.
Г.О. Лукьяновой. – Москва : РУДН, 2017. – 260 с.

В коллективной монографии представлены результаты научно-иссле-
дательской работы, проведенной в рамках инициативной НИР № 101601-0-000
«Языковая политика в условиях глобализации» на кафедре иностранных языков
при финансовой поддержке факультета гуманитарных и социальных наук РУДН.

В монографии рассматриваются основные направления и тенденции язы-
ковой политики ведущих стран различных регионов (Европы, Азии, Африки и
Северной Америки), а также перспективы развития национальных языков.

Научные исследования посвящены анализу языковой ситуации в странах
различных регионов, отличающихся своей позицией по отношению к глобализа-
ционному процессу (Египет, Марокко, Исламская Республика Иран, Франция,
Германия, Испания, Китай, Канада); анализу языковой политики, проводимой в
обозначенных выше странах; выявлению соотношения функционирования ан-
глийского и других европейских языков, с одной стороны, и национальных языков –
с другой, а также анализу перспектив развития национальных языков.

Издание адресовано специалистам в области языковой политики и плани-
рования, аспирантам и студентам, а также широкому кругу читателей, интере-
сующихся вопросами языкознания.

ISBN 978-5-209-08329-0

© Лукьянова Г.О., Егорова М.А., Каменева М.С.,
Максимова О.Б., Селиванова Т.В., Спыну Л.М.,
Терентьева Е.Д., Химич Г.А., 2017
© Российский университет
дружбы народов, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Глава 1. <i>Лукьянова Г.О.</i> Языковая политика арабских стран на примере Египта и Марокко.....	9
Глава 2. <i>Егорова М.А.</i> Политика Китая в области распространения государственного языка путунхуа.....	44
Глава 3. <i>Каменева М.С.</i> Языковая политика в Исламской Республике Иран.....	85
Глава 4. <i>Максимова О.Б.</i> Основные тенденции развития языковой политики Канады.....	125
Глава 5. <i>Селиванова Т.В.</i> Языковая политика Германии по отношению к мигрантам.....	160
Глава 6. <i>Спыну Л. М.</i> Роль и место французского языка в международных организациях.....	199
Глава 7. <i>Химич Г.А., Терентьева Е.Д.</i> Лингвистическая и образовательная политика Испании.....	228

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глобализация, сопровождающаяся расшатыванием и размыванием национальных, культурных и языковых границ, а также интенсивной межкультурной коммуникацией и повышением мобильности любого рода, в том числе, миграционной мобильности, пробудила во всех странах, вовлеченных в ее орбиту, двойственную реакцию, определяющую соответствующие направления культурной и языковой политики.

С одной стороны, глобализационный процесс потребовал от всех его участников разработки неких адаптационных механизмов, позволяющих встроиться в современное глобальное информационное общество как можно быстрее, чтобы не остаться на периферии новой системы мироустройства. В частности, если говорить о языковой политике и планировании, таким механизмом можно считать изучение английского языка как основного языка международного общения и основного языка, обеспечивающего функционирование новых коммуникационных технологий.

С другой стороны, глобализация расшатывает все сложившиеся на протяжении многих веков модели национальной и культурной идентификации и ставит под угрозу существование языков, народов, наций и культур в их нынешнем виде. Это вызывает закономерное сопротивление, стремление к сохранению национальной, культурной и языковой специфики, причем понимание необходимости сохранения языкового и культурного разнообразия обнаруживается как на уровне отдельных государств, так и на уровне международных институций.

Таким образом, каждая страна, вовлеченная в глобализацию, вынуждена решать двойственную, отчасти противо-

речивую задачу, состоящую в том, чтобы наилучшим образом адаптироваться к глобализационному процессу, сохранив при этом свою национальную, культурную и языковую самобытность, оказавшуюся под угрозой существенной деформации или даже исчезновения вследствие того самого глобализационного процесса, в который следует встроиться. Эта задача во многом определяет вектор культурной и языковой политики, в каждом случае ставится и решается по-разному в зависимости от конкретной языковой, культурной и политической ситуации.

В данном исследовании, состоящем из семи глав, рассматривается, как вызовы глобализации и реакция на них со стороны ее участников репрезентируются в языковой политике и планировании различных стран, отличающихся как языковой ситуацией, так и своей позицией по отношению к глобализационному процессу (Иран, Египет, Марокко, Канада, Китай, Франция, Испания, Германия). Каждая глава посвящена определенному региону, стране, культуре, языку (персидский, арабский, английский, немецкий, французский, китайский и испанский языки). В книге исследуется политическая, культурная и, прежде всего, языковая ситуация, в которой выявляется «вызов глобализации, рассматривается и анализируется языковая политика и планирование как ответ на этот «вызов». В результате вырисовывается достаточно полная и подробная картина лингвистического измерения глобализации.

В главе 1 **«Языковая политика арабских стран на примере Египта и Марокко»** (автор – Г.О. Лукьянова) анализируется сложная, многокомпонентная языковая ситуация в арабском мире в целом и обусловленные ею приоритетные направления государственной политики арабских стран, нацеленные на сохранение арабского литературного языка «фусха» как символа национальной идентификации, расширение сферы его функционирования и практическое урегулирование непростых национально-языковых отношений.

Уникальный в своем роде опыт арабских государств в этой области подробно рассматривается на примере Арабской Республики Египет и Королевства Марокко. Особое внимание уделено деятельности наиболее активных субъектов языковой политики упомянутых государств, таких как Бюро координации арабизации (г. Рабат) и Каирская Академия арабского языка (г. Каир).

В главе 2 **«Политика Китая в области распространения государственного языка «путунхуа»** (автор – М.А. Егорова) в рамках политико-лингвистического исследования проводится анализ государственной политики Китая по распространению официального языка «путунхуа», рассматриваются роль и место диалектов на фоне проводимого центральными властями курса по насаждению «путунхуа», анализируются взаимоотношения между официальным Пекином и регионами, а также изучается вопрос о том, насколько важна выбранная стратегия государства по насаждению «путунхуа» и его популяризации в стране и за ее пределами в условиях планов властей по превращению Китая в страну «номер один» в мире, а китайского языка – в главный язык международного общения.

В главе 3 **«Языковая политика в Исламской Республике Иран»** (автор – М.С. Каменева) анализируются основные направления языковой политики, проводимой руководством Ирана в XX – начале XXI вв. Языковая политика рассматривается как важная часть культурной политики, а персидский язык – в контексте его взаимоотношений с национальными языками и культурами, бытующими на территории страны, а также с арабским и европейскими языками, в первую очередь с английским. Особое внимание уделено международному аспекту языковой политики Исламской Республики Иран, абсолютно новому явлению в послереволюционном Иране, и в его контексте теме «Иран и Запад» как важным компонентам популярной во властных структурах страны политики «мягкой силы».

Глава 4 «Основные тенденции развития языковой политики Канады» (автор – *О.Б. Максимова*) посвящена анализу механизмов и основных инструментов языковой политики, проводимой в Канаде. Автор раскрывает значение термина «языковая политика» и выделяет различные уровни ее реализации. Выявляется влияние иммигрантов на современную языковую ситуацию, показывается, как изменение паттернов иммиграции приводит к изменению языковой ситуации в стране. Отмечается становление нового двуязычия, отличного от традиционного для Канады англо-французского лингвистического дуализма, что можно связать с особенностями языковой ситуации, характеризующейся возрастанием многоязычия и мультикультурализма, и считать одним из важных результатов языковой политики, направленной, в том числе, на сохранение языкового многообразия.

Глава 5 «Языковая политика Германии по отношению к мигрантам» (автор – *Т.В. Селиванова*) посвящена рассмотрению актуальных аспектов современной языковой политики Германии в области языковой адаптации мигрантов. Автор подчеркивает, что языковую политику ФРГ, направленную на лингвокультурную интеграцию лиц, прибывших в страну на жительство, следует рассматривать в контексте миграционных процессов, происходящих в мире и внутри страны. Сегодня ФРГ занимает третью позицию в мире по числу въезжающих в неё мигрантов и уступает место в этом рейтинге лишь США и России. В свете динамично происходящих миграционных процессов последних лет языковая политика Германии демонстрирует способность к своевременной и адекватной реакции на них, умение оперативно воздействовать на языковую ситуацию в стране. Опыт её проведения достоин внимания.

В главе 6 «Роль и место французского языка в международных организациях» (автор – *Л.М. Спыну*) рассматриваются различные аспекты применения французского языка, определяется его роль и место в международных органи-

зациях. В частности, автор анализирует деятельность Международной Организации Франкофонии как главного актора Министерства Иностранных дел Франции по претворению в жизнь принципов лингвистической политики Франции, по выработке рекомендаций, способствующих использованию французского языка в международных организациях. Несмотря на доминирование английского языка, французский язык, занимая второе место на международной арене, является официальным и рабочим языком практически всех международных организаций. Международная Организация Франкофонии, занимаясь продвижением и распространением французского языка, способствует сохранению культурного и языкового многообразия. На основании материалов документов и отчетов МИД Франции, МОФ, Евросоюза и ООН, посвященных французскому языку, его роли и месту в международных организациях, выявляются недостатки и достижения реализации принципов применения французского языка в международных организациях.

В главе 7 «Лингвистическая и образовательная политика Испании» (авторы – Г.А. Химич и Е.Д. Терентьева) исследуются современная языковая политика Испании и факторы, повлиявшие на нее с момента становления испанского языка, особая роль языка в объединении княжеств и формировании испанского государства, а также лингвистическая политика Франко в XX веке и ее последствия. В главе проанализирована внешняя лингвистическая и образовательная политика Испании, реализуемая в рамках стратегии «мягкой силы». Особое внимание уделено роли Российского Университета дружбы народов как одного из важнейших центров международного образовательного сотрудничества России и Испании, созданию и реализации передовых программ мобильности студентов.

Глава 1

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА АРАБСКИХ СТРАН НА ПРИМЕРЕ ЕГИПТА И МАРОККО

Лукьянова Галина Олеговна

Российский университет дружбы народов, кафедра иностранных языков
факультета гуманитарных и социальных наук;
кандидат филологических наук;
доцент; доцент кафедры иностранных языков

Ключевые слова и фразы: языковая политика; арабский литературный язык; арабизация; официальный язык; языковая ситуация; билингвизм; мультилингвизм; сферы функционирования; глобализация, вестернизация; диалекты; койне; субъекты языковой политики.

Сегодня очевидно, что современный мир вступил в стадию широкомасштабного системного кризиса, о чем свидетельствует кризисная динамика мирового финансового рынка, кризис системы международных отношений, глобальный кризис культуры. Безусловная гегемония Запада в экономической, политической, технической, информационной сферах позволяет ему позиционировать свою политическую систему, а именно либеральную демократию, как идеал мироустройства, что сопровождается проведением агрессивной внешней политики, которая реализуется в таких крайних формах, как насильственный экспорт демократии и западной шкалы ценностей в восточные общества нередко путем прямого вмеша-

тельства во внутренние дела суверенных государств. Активно реализуемая Западом концепция глобализации, пришедшая на смену концепции «холодной войны», сохраняет все ту же суть: экспансионистское наступление Запада, всеобщая «вестернизация», нацеленная на сохранение ведущих позиций Запада во всех областях и подавление национальной идентичности других стран, предполагающей самобытное развитие не только их экономик и политических систем, но и сохранение и развитие национальных языков и культур.

Невозможно отрицать, что глобализация, наращивающая свои темпы благодаря небывалому развитию информационных технологий, угрожает существованию национальных языков, в том числе и арабскому литературному языку (*далее АЛЯ*), исторически всегда опиравшемуся на религиозный и национальный факторы, на которые сегодня приходится основной удар «вестернизации», идущей под лозунгом распространения единого глобального языка, роль которого в силу известных причин отводится английскому языку. Идеологи глобализации ратуют за расширение сферы функционирования английского языка за счет других национальных языков, приводя следующие аргументы:

- единая модель экономического развития априори требует одного единственного языка;
- языковое многообразие препятствует развитию мировых торговли и технологии, быстрому обмену информацией;
- языковые барьеры, объективно существующие благодаря многообразию языков мира, мешают экономической интеграции государств;
- развитие промышленного производства требует универсальных методов, нуждается в мобильных, высокообразованных кадрах одинакового культурного уровня, говорящих на одном языке.

В условиях процессов, происходящих сегодня в арабском мире, регион находится в фокусе внимания не только специалистов, ученых, исследователей, но и простых обыва-

телей. Столкновение арабо-мусульманской цивилизации с западной цивилизацией достигло своего апогея. Будучи основополагающим принципом существования арабо-мусульманской цивилизации, традиционализм обуславливает сложность ее адаптации к слишком быстро меняющимся условиям существования в рамках научно-технического прогресса. Реакция на невозможность быстрой адаптации к стремительно меняющейся реальности принимает форму все больше обостряющейся борьбы с «вестернизацией» как главным проявлением современного неокOLONиализма за сохранение национальной идентичности.

Говоря об идентичности, невозможно игнорировать проблему национального языка как основного средства общения и определяющего компонента культурной принадлежности к этносу, нации, цивилизации. Глобализация английского языка, появление коммерческого компьютерного американского английского языка самым негативным образом отражается не только на литературном английском языке, но и на других национальных языках, засоряя их и расшатывая языковые нормы. Фактически, мы являемся свидетелями конкурентной борьбы сильных языков за ареалы распространения в мире, сохранение и увеличение своей роли в международной политике и культуре.

В этих условиях одними из приоритетных направлений государственной политики должны быть научный анализ и практическое урегулирование непростых национально-языковых отношений. Здесь очень ценным является уникальный в своем роде опыт арабских государств, где язык всегда был и продолжает оставаться в фокусе внимания ученых и общественных деятелей как символ национальной идентификации и самобытности.

Языковая идентификация и обучение АЛЯ считаются в арабских странах одними из важнейших и острейших социальных проблем. Как указывалось выше, в целом, арабские социумы воспринимают «вестернизацию» как проявление

неоколониализма, а деградацию арабского литературного языка – как прямую угрозу арабской национальной культуре, которая распадается на субкультуры. Причина распада арабского этноса связывается в том числе с широким функционированием разговорных языков, имеющих свои специфические особенности в каждой стране. Идеологи регионализма и панарабизма считают, что в результате распада арабской этнической общности, разрушения единства арабского мира и рождаются новые миры-субкультуры: сирийская, иракская, египетская, марокканская и др. Эти идеи находят свое воплощение и во внешней политике арабских стран, когда приоритет отдается не интересам единой арабской нации, а узким национальным интересам.

Анализируя развитие АЛЯ в современном мире, напомним, что под литературным арабским языком понимается язык Священного Корана, ниспосланного Пророку Мухаммеду в 609–632 гг. В то время в регионе существовали бесписьменные диалекты, на которых говорило население Хиджаза, Неджда и окрестных территорий. Быстрое распространение набирающего популярность ислама обусловило стремительное формирование и развитие единого национального языка: в 7–8 вв. происходит письменное оформление АЛЯ, фиксация его словарного фонда, оформление фонетической системы, изложение морфологических и синтаксических норм. Именно религиозный фактор позволил АЯ стать господствующим в арабо-мусульманском мире. В эпоху правления халифа Абделя Малика аль-Мирвана (685–705 гг.) он получает особый статус: руководящие посты в государстве могли занимать только люди, хорошо владевшие им. В 8–11 вв. АЯ становится одним из самых значимых в мире языков в политическом, военном, культурном, лингвистическом, демографическом и экономическом аспектах как язык, господствующий во всем ареале распространения ислама.

Начиная с 12 века, с распадом Арабского Халифата и образованием на его территории ряда государств, сфера

функционирования АЯ значительно сужается в результате вытеснения его национальными языками. Однако до настоящего времени он сохраняет свою сакральность, а, следовательно, особое значение и особую ценность для мусульман всего мира как пророческий язык, язык Священного Корана и хадисов. Необходимо отметить, что АЯ играл и продолжает играть немаловажную роль и в других религиях: в арабских странах в ряде христианских церквей ведутся службы и совершаются обряды на АЯ, кроме того, именно он является языком многих важнейших средневековых иудейских религиозных и научных трактатов. Неоспорим и тот факт, что АЯ оказал значительное влияние на развитие ряда других национальных языков: турецкого, персидского, албанского, некоторых африканских и европейских языков.

На сегодняшний день арабский литературный язык «фусха» является одним из немногих живых языков, возраст которых составляет более 14 веков. Подобная жизнеспособность объясняется действием религиозного фактора: поскольку он является пророческим языком, для его носителей характерно неконвенциональное, то есть безусловное восприятие знака, что типично для религиозного сознания. Сакрализовавшись, АЯ приобрел исключительный авторитет, являясь не только нормированным, выполняющим функцию объединения литературным языком своего ареала, но и в течение столетий оставаясь главным фактором в развитии языковой ситуации в арабских странах. Его коммуникативные функции значительно шире, чем сфера отправления религиозного культа: он стал языком, обслуживающим политическую и экономическую сферы, языком культуры, образования, науки, литературы, юриспруденции. Учитывая, что с момента своего возникновения ислам на протяжении веков формирует духовную основу и мировоззренческие установки арабских социумов, религиозность арабского сознания, совершенно естественным представляется тот факт, что в арабском мире дорожат духовными ценностями, передаю-

щимися из поколения в поколение посредством АЛЯ. Поэтому здесь традиционно существует установка на сохранение языка в первоизданном виде. Именно этим объясняется исключительная устойчивость АЛЯ. Подобный консерватизм обуславливает сохранение в АЛЯ таких сложных грамматических категорий, как, например, категория двойственного числа, от которых другие языки (в том числе русский) давно освободились в ходе своей эволюции.

Однако, несмотря на все выше сказанное, необходимо указать на значительную сложность языковой ситуации в арабском мире, многокомпонентность функциональной парадигмы АЯ, то есть на параллельное развитие с арабским литературным языком «фусха» местных арабских диалектов (своих в каждой местности той или иной арабской страны), существующих наряду с АЛЯ, захвативших бытовую сферу функционирования и теснящих в ряде сфер употребления АЛЯ. Кроме того, между АЛЯ и местными диалектами, занимающими крайние, полярные позиции в функциональной парадигме АЯ, находятся промежуточные языковые образования – региональные обиходно-разговорные языки (койне) каждой арабской страны, представляющие собой основное средство устного общения населения в повседневной жизни, понятное всему населению данной страны. Данные койне представляют собой формы наддиалектного образования [Шарбатов, 1987, с. 200–201]

Кроме того, значительно повлияла на языковую ситуацию в арабских странах иностранная языковая экспансия, которая началась в колониальную эпоху, когда они стали колониями европейских держав, т.е. с начала 19 века, и продолжалась, нарастая, до середины 20 века. После обретения арабскими странами независимости она возобновилась, но уже в другой форме – поддержания политической, экономической и культурной зависимости этих стран от Запада. Колониалисты насаждали свои языки огнем и мечом. Арабские страны получили в наследство ситуацию полной зависимо-

сти во всех областях, продолжая испытывать сильное давление бывших метрополий извне.

Арабская интеллектуальная элита, представители которой получили образование за рубежом или в иностранных образовательных учреждениях на родине, была тесно связана с Западом, на помощь которого она очень рассчитывала в вопросах гарантии своих интересов и привилегий. В арабских странах увеличивалось количество иностранных школ с растущим контингентом, что также негативно сказывалось на развитии национального языка. Начавшееся здесь после освобождения движение арабизации, нацеленное на возрождение национального языка, его развитие и сохранение, во многом способствовало повышению статуса АЛЯ и расширению сферы его функционирования.

Однако в эпоху глобализации угрозы, с которыми сталкивается АЯ, возросли: мы не видим активного присутствия АЯ на мировых экономических рынках, в сферах науки, образования, торговли и технологии, в том числе, информационных технологий.

Для оценки сегодняшнего состояния АЯ и перспектив его развития обратимся к анализу ряда объективных показателей, традиционно обозначенных в докладах экспертов о состоянии языков:

- количество носителей языка и использующих его,
- географический ареал распространения языка, количество государств, где он является официальным государственным языком,
- прирост населения, уровень рождаемости в социумах, использующих данный язык,
- мобильность языка и динамика его развития (его использование в сферах туризма, бизнеса, торговли, услуг, связи, банковской и административной сферах, научных исследованиях, СМИ и т.д.),
- экономические критерии (в том числе средний доход на душу населения, национальный доход, уровень жизни),

– научные и культурные показатели (интеллектуальное творчество на языке, количество издаваемых на нем книг, периодических научных изданий, наличие языковых научно-исследовательских центров и др.),

– функционирование языка в сети Интернет,

– лингвистические критерии (нормированность и кодификация языка),

– языковая политика государства и отношение к национальному языку в обществе (языковое планирование, языковая политика, проводимая в интересах национального языка или направленная против него, повышение или снижение статуса языка, воспитание чувства гордости за национальный язык или его игнорирование [Лукьянова, 2015, с. 68].

Сегодня АЛЯ занимает третье место в мире по числу государств, в которых он является официальным, шестое место по количеству говорящих на нем, является одним из шести официальных языков ООН и принадлежащих ей организаций (ЮНЕСКО, ВОЗ и т.д.). Кроме того, он является официальным рабочим языком в таких региональных организациях, как ЛАГ, Исламская конференция, Организация африканского единства, Организация государств Сахары и Сахеля и др., одним из 12 наиболее распространенных языков в мире (в градации языков по количеству говорящих). Согласно последним исследованиям, количество использующих АЯ колеблется от 186 до 422 млн. чел. Помимо арабских стран-членов ЛАГ (22 государства) есть еще 3 государства (Сомали, Джибути, Коморские о-ва), где определенный процент населения говорит по-арабски; АЯ является государственным в Эритрее, Чаде, Израиле. По данному показателю его опережают только английский (45 стран) и французский (30 стран) языки. АЯ активно используют миллионы мусульман Кореи, Китая, Индии, России и других стран, на нем как на первом или втором говорит около одной трети населения африканского континента, где он в целом является самым распространенным языком.

В настоящее время одним из самых объективных критериев жизнеспособности языка и его соответствия требованиям эпохи является его использование в сети Интернет. По данному показателю АЯ находится в числе первых 10 языков мира, занимая 7-9 места. Согласно статистическим данным 2011 г., число арабоязычных пользователей Интернета значительно увеличилось в ходе известных событий «арабской весны» и после них, когда главная ударная сила этих процессов – арабская молодежь – в большинстве своем получала всю информацию из социальных сетей. Так, согласно данным агентства «Рейтер», количество пользователей «Фейсбук» в арабском мире выросло в 2011 году до 32 млн., причем, за первую четверть года оно увеличилось на 50%. При этом только в Египте оно возросло на 4 млн.

Что касается использования АЯ в СМИ, то в ходе исследования центральных 115 СМИ, вещающих на различных языках, было выявлено, что он занимает 4 место после английского, французского и русского.

Не менее важным фактором распространения АЯ, безусловно, является высокий уровень рождаемости в арабских обществах. Именно он во многом обеспечивает высокую степень жизнеспособности АЯ в современном мире и занимаемые им ведущие места в приводимых выше рейтингах.

Относительно благополучная ситуация, в которой находится АЯ по сравнению со многими другими языками, омрачается, однако, наличием серьезных проблем. Одна из таких проблем состоит в недостаточной степени использования национального языка в сферах частной и общественной жизни, когда АЛЯ подвергается значительному давлению в условиях распространения засоренных, искаженных, губительных для него так называемых «микроязыков». Проблема состоит в том, насколько АЛЯ устойчив к их пагубному влиянию и конкурентоспособен в условиях их повсеместного «наступления» дома и на улице, на рабочем месте, в образовательных и административных учреждениях, сферах поли-

тики, экономики, торговли, промышленности, коммуникаций, банковской и технологической сферах, СМИ, искусстве и др. Таким образом, АЛЯ находится в крайне затруднительном положении в условиях, с одной стороны, глобализации, проходящей под лозунгом языковой унификации, достигаемой за счет распространения английского языка, с другой стороны, расширения сферы функционирования местных диалектов и искаженных «микроязыков».

Как уже отмечалось выше, глобализация английского языка представляет собой наибольшую опасность для АЛЯ, как и для других языков. Более того, АЛЯ до определенной степени угрожает и сохраняющееся до наших дней значительное влияние французского языка в арабских странах, ранее бывших колониями Франции. В частности, Арабский Магриб продолжает оставаться зоной политического, экономического и культурного влияния Франции, ее крупнейшим рынком сбыта. Поэтому в Марокко, Тунисе, Алжире продолжает широко использоваться французский язык, в значительной степени вытеснивший АЯ из официальной сферы.

В наши дни языковая ситуация в большинстве арабских стран характеризуется наличием билингвизма или мультилингвизма. При ее анализе следует говорить о билингвизме/мультилингвизме двух типов. Первый тип характеризуется наличием нескольких национальных языков как закономерным следствием сосуществования языков и культур различных народов, живущих в одном государстве (например, АЯ и язык амазига в Марокко). Второй тип представлен сосуществованием либо арабского и английского языков (например, в Египте), либо арабского и французского языков (например, в Марокко). Последний тип появился вследствие языковой экспансии извне, когда язык колониалистов был навязан коренному населению посредством политического, экономического, административного давления, что неминуемо сопровождалось маргинализацией АЛЯ и его вытеснением из важнейших сфер жизни, как это произошло на Араб-

ском Востоке, где господствующим стал английский язык, и на Арабском Западе, где мы видим тотальную гегемонию французского языка. При этом иностранный язык полностью или частично захватил такие сферы, как наука, высшее образование, медицина, фармацевтика, инженерия, физика, химия, математика, биология, информатика и др.

Говоря о внутренних проблемах, с которыми сталкивается АЯ, отметим, что трехкомпонентность его функциональной парадигмы характерна для всех развитых языков. Однако ситуация вызывает обеспокоенность, когда разрыв между этими языковыми уровнями резко возрастает. АЯ принадлежит к числу языков, для которых характерно наличие большого количества диалектов даже в пределах одной отдельно взятой страны, не говоря уже о различных арабских странах. По ряду причин разрыв между «фусха» и диалектами в отдельных арабских странах (например, в Египте и Марокко) настолько велик, что вызывает серьезные опасения за судьбу национального языка, особенно на фоне звучащих призывов к отделению диалектов от АЛЯ «фусха» и признанию их самостоятельными языками с закреплением их нового статуса в конституциях арабских государств с тем, чтобы они использовались во всех сферах вместо АЛЯ. Кроме того, некоторые арабские исследователи, общественные и политические деятели открыто говорят о необходимости отказаться от АЛЯ, ссылаясь на то, что он не развивается и постепенно становится мертвым языком. Очевидно, что в случае реализации данных идей тройственность АЛЯ неизбежно перейдет во множественность, которая создаст непреодолимые препятствия, углубив раскол и раздробленность арабского мира, что в конечном итоге может привести к распаду нации.

Говоря об истории жесткого противостояния АЛЯ «фусха» и местных диалектов, необходимо отметить, что оно началось в арабских странах, прежде всего, в Египте, в 19 веке на волне подъема египетского национализма как одной из форм национального самоутверждения. Основные те-

зисы египетских националистов сводились к тому, что Египет не является частью арабского мира, представляет собой особую страну с великой фараоновской цивилизацией в основе. Следовательно, они выступали за расширение сферы функционирования египетского диалекта, некоторые даже призывали создать из него отдельный египетский язык [Васильев, 2008, 243–245]. Например, Валим Сабита, который обосновал свое мнение в книге «Правила египетского диалекта», где он требовал сделать египетский диалект языком литературы, науки, искусства. АЛЯ он охарактеризовал как язык с ограниченным лексическим фондом. Более того, он заявил, что АЛЯ тормозит развитие цивилизации, игнорируя то, что он развивался на протяжении многих веков, вбирая в себя достижения культур многих народов и достижения мировой цивилизации.

Среди поборников диалекта были не только арабские, но и западные общественные деятели. Немецкий исследователь Карл Фуллерс в книге «Египетский диалект» писал об АЛЯ, что это застывший, косный язык, который не помог египтянам осуществить интеллектуальное возрождение и цивилизационный прогресс. Он сравнивает АЛЯ с мертвой латынью [Фуллерс, 1890, с. 34].

На самом деле АЛЯ как язык с богатейшей морфологией, хорошо развитым лексическим составом и широкими словообразовательными возможностями обладает огромным потенциалом развития, в том числе в области терминообразования по всем отраслям науки. Выпущенные академиями арабского языка в Египте, Сирии, Иордании, Марокко, Ираке и др. арабские терминологические словари лишний раз доказывают это.

Известный арабский публицист Фахми Хувейди опубликовал в газете «аш-Шарк аль-Аусат» от 24.02.2017 г. статью под названием «Арабизация языка арабов», где он пишет о том, как в арабских странах игнорируется АЛЯ, назвав эту ситуацию «катастрофой арабского мира». «Пришло время

громко заявить о необходимости арабизации языка арабов», – указывает он. На протяжении многих лет он как поборник АЛЯ выступал за сохранение его позиций как языка священного Корана в неарабских исламских государствах Азии и Африки. Однако сегодня осталось очень немного государств, где продолжают использовать арабскую графику. Это, прежде всего, Иран и Афганистан. В то же время, например, Мавритания, являвшаяся ранее оплотом АЛЯ, отказалась от его изучения в школах. Говоря о Египте, он отмечает: «Очень печально, что в столь значимой арабской стране деградация АЛЯ достигла таких масштабов, что изучение иностранного языка стало национальной задачей, самоцелью стало поступление в иностранные учебные заведения, так что чужая тарабарщина распространилась в широких слоях населения. Хорошее владение иностранным языком стало одним из условий работы в египетских министерствах». Он противопоставляет такой ошибочной языковой политике языковую политику, проводимую Китаем, который делает все для сохранения и распространения своего национального языка [«аш-Шарк аль-Аусат», 2017, с. 5].

Среди факторов, пагубно влияющих на национальный язык, отметим активно использующие местные диалекты и иностранные языки кинематограф, театр, СМИ, арабские спутниковые каналы, Интернет, влияние семьи, отсталые методики преподавания. Все это отвращает молодое поколение от родного языка. В такой ситуации государственные органы и академии арабского языка должны сыграть ведущую роль в определении и реализации языковой политики.

Усиление центровых тенденций, сепаратизм, профессионализм, политические разногласия, регионализм, изоляционизм, – все это являет собой пример пагубного воздействия политических и социальных факторов на национальный язык, когда СМИ, находящиеся в сфере влияния тех или иных сил, вещают на различных диалектах и языках. Это еще больше обостряет такую актуальную проблему языковой

сферы в арабском мире, как недостаточная степень стандартизации АЛЯ: как национальный язык он является наддиалектным (= интердиалектным) языковым образованием, который носители различных диалектов используют при междиалектном общении. Поэтому одной из приоритетных задач становится увеличение степени единообразия, то есть стандартизации АЛЯ.

Кроме того, как упоминалось выше, реальную опасность для АЯ представляют так называемые искаженные «микроязыки»: спонтанно формирующиеся «языки-гибриды» и «арабизи». Среди них, например, смешанный язык-гибрид, широко распространившийся в наши дни в странах Персидского залива. Он представляет собой смесь арабского, английского и урду, который является языком азиатских рабочих, наводнивших регион. Подобные явления мы наблюдаем и в других арабских странах, например, гибриды арабского и английского в Египте, арабского и французского в Марокко.

Что касается такого феномена, как «арабизи», широко используемого арабами в сети Интернет, то он изначально сложился в результате того, что пользователи (чаще всего по причине отсутствия под рукой арабоязычной клавиатуры) начали печатать арабские слова, используя буквы английского алфавита. При этом для арабских звуков, не имеющих аналогов в английском языке, используются цифры, например, харфы «Каф» и «Хамза» заменяются цифрой 2, харф «Айн» – цифрой 3, харф «Ха» – цифрой 7, харф «Х.а» – цифрой 5. Поскольку некоторые пользователи сталкиваются с большими трудностями при чтении и написании текстов на «арабизи», было даже разработано специальное бесплатное приложение Franco 3 для ANDROID, позволяющее переводить арабские тексты на «арабизи» и наоборот.

Очевидно, что распространение «арабизи», широко используемого в мобильных телефонах и средствах массовых коммуникаций, все больше угрожает существованию арабской графики, а значит, специфике и самобытности арабско-

языка. Кроме того, иногда написание арабских слов латинской графикой искажает их значение до противоположного, например, слово إعمار «восстановление, реконструкция», передаваемое в «арабизи» как Emap, совпадает с написанием слова إعمار , имеющим абсолютно противоположное значение «разрыв, разрушение, разъединение на части».

Распространение среди молодежи английского языка и языка «арабизи» как «удобных» средств коммуникации также является следствием агрессивной экспансии английского языка и в сфере образования, и в социуме в целом. Ситуация усугубляется отсутствием у молодого поколения желания использовать национальный язык, что аргументируется сложностью его графики, фонетики, морфологии. Напротив, причиной быстрого распространения и растущей популярности латинской графики является ее простота: каждая буква имеет одну форму написания, в отличие от арабской графики, где каждый харф имеет 4 формы написания: начальную блоковую, срединную, конечную блоковую и изолированную.

Сегодня в арабских странах открывается все больше иностранных школ, где преподавание ведется по американскому или английскому образцам, следовательно, все учебные дисциплины, кроме арабского языка и исламского воспитания, преподаются на английском языке. Учителя подобных школ жалуются на огромное количество ошибок, которые делают учащиеся, говоря на арабском языке. Проблема значительно усугубляется тем, что представители молодого поколения практически ничего не читают, что ведет к резкому падению уровня грамотности населения.

Другая серьезная проблема, с которой сталкивается арабское общество, – слабая не только научная, но и языковая подготовка учителя. Часто именно это является основной причиной оттока учеников из арабских школ в иностранные. Например, в последние двадцать лет выходцы из богатых прослоек египетского общества предпочитают учиться в немецких, английских, французских, американских школах и

говорят на иностранных языках лучше, чем на АЛЯ. Поэтому сегодня и на официальном уровне представители власти и СМИ говорят не на АЛЯ и даже не на местном койне, а на некой смеси АЛЯ, койне, диалектов и иностранных языков (английского или французского), взаимопроникающих друг в друга, которую можно охарактеризовать как некий хаотично развивающийся язык-гибрид. Это относится и к языку кино, театра, телевидения, Интернета и др.

В данной ситуации необходима консолидация общества ради сохранения национального языка как основного компонента арабской национальной идентичности. Образцом деятельности, направленной на сохранение национального языка, является открытие группой студентов из ОАЭ страницы в Фейсбуке под лозунгом «Нет написанию арабских слов латиницей». При этом они призывают всех посетителей страницы разъяснить своим друзьям и знакомым необходимость осуществлять коммуникацию в Интернете на АЯ, более того, они планируют развернуть подобную защитно-агитационную кампанию в СМИ, вузах и др.

Особую роль в сохранении национального языка должна играть семья, а именно поощрять каждодневное чтение книг на АЛЯ, обсуждать прочитанное в спокойной домашней обстановке.

Результаты социологического опроса, проведенного Советом Абу Даби по образованию в 2016 году (в нем приняли участие 52 тыс. учащихся 5–12 классов; 42% из них – граждане ОАЭ, 32% – граждане других арабских стран), выявили, что преподаванием АЛЯ довольны только 9,3% опрошенных учащихся государственных школ и 4,4% учащихся частных школ [Амр Баюми, 2016, с. 25].

Что касается сферы высшего образования, то здесь на естественнонаучных технических факультетах АЛЯ практически не используется, так как преподавание ведется либо на английском, либо на французском языках, поэтому студенты забывают даже то, что они выучили в средней школе. Безус-

ловно, ориентация вузов на английский язык как единственный язык преподавания является опасным проявлением ошибочной языковой политики, противоречащей арабским национальным интересам. Ситуацию могут исправить работа в области терминообразования и введение в вузах обязательных дисциплин, преподаваемых на АЛЯ, как на гуманитарных, так и на естественнонаучных факультетах на всех направлениях подготовки. Речь идет, прежде всего, об аспекте «язык специальности» или «научный АЯ», в рамках которых студентов необходимо обучать делать научные доклады, писать диссертационные исследования, квалификационные работы, готовить презентации, усваивая профессиональную терминологию и лексику на АЛЯ.

Резюмируя выше сказанное, выделим факторы, способствующие вытеснению АЛЯ английским языком и местными диалектами:

1. В частных школах преподавание ведется в основном на английском языке. При этом учебный процесс в них практически не контролируется соответствующими профильными компетентными государственными органами.

2. Ориентация СМИ на иностранные информационные материалы и использование местных диалектов вместо АЛЯ.

3. Чтение лекций на английском языке, который позиционируют и как язык общения студентов в вузах.

4. Английский язык является языком, используемым в интерфейсах мобильных телефонов, гаджетов и т.д.

5. Требование работодателями высокого уровня владения английским языком, что также объявляется условием для получения дополнительных бонусов и продвижения по карьерной лестнице.

Таким образом, языковая ситуация в арабских странах характеризуется сегодня сосуществованием: 1) АЛЯ «фусха» как атрибута религиозной и национальной идентичности и самоидентификации, хранителя культурного наследия нации, господствующего в письменной и официальной сферах, но

далекого от бытовой жизни и устного общения, современной научной терминологии, страдающего от значительного ограничения употребления со стороны политиков и ученых; 2) койне и местных диалектов, обслуживающих бытовую сферу и сферу разговорной речи, но являющихся бесписьменными, далекими от культурного наследия и современной науки; 3) иностранного языка, господствующего в таких важнейших сферах, как наука и технологии.

Желая изыскать способы и средства сохранения национального языка, арабские страны проводят различную языковую политику: одни – достаточно агрессивную, другие – толерантную. Например, стремясь хоть как-то ограничить степень распространения иностранных языков, правящие круги стран Персидского залива, прежде всего Саудовской Аравии, начали активно проводить политику арабизации, пытаясь не допустить проникновения западных идей в сферу социальных отношений, сохранить традиции. В этой связи сегодня можно говорить о начале нового витка арабизации, которая позиционирует себя как оппозицию «вестернизации», сопротивление гегемонии Запада. Напомним, что 1989 году на Седьмой сессии Конгресса министров культуры арабских стран была принята Рабатская декларация, где говорится, что арабский язык – это «священный фронт, где арабы сражаются за межарабское единство и само существование арабской нации» [Arab Journal of culture, 1990, с. 11]. Анализируя политику арабизации в арабских странах, известный российский арабист В.Э. Шагаль указывает: «Об арабизации можно говорить как о практическом воплощении национализма... Проблема арабизации, безусловно, связана с проблемой самобытности арабской нации... Арабизация обладает элементами шовинизма, что проявляется в пренебрежении правами берберов, курдов и других народов на сохранение своего национального языка» [Шагаль, 1997, с. 20].

Примером толерантной языковой политики является языковая политика, проводимая властями Королевства Ма-

рокко, вектор которой был задан королем Хасаном Вторым, неоднократно заявлявшим, что арабский и французский языки обречены на сотрудничество, овладевая иностранными языками, марокканцы обогащают свою культуру.

Рассмотрим языковую политику, осуществляемую Королевством Марокко и Республикой Египет с учетом языковой ситуации в данных странах, где значимую роль играют геополитическая ситуация и демографические факторы, численность этнических групп.

Геополитическое положение Марокко и Египта на перекрестке торговых путей сделало их своеобразными цивилизационными коридорами, местом пересечения многочисленных народов и цивилизаций: египтян, финикийцев, греков, римлян, вандалов, европейцев, арабов, африканцев и др. Причем, многие из них, например, римляне, вандалы, византийцы, находились в конфронтации с местным населением. В то время как другие, например, финикийцы и арабы, мирно уживались с ними. Все это привело к смешению цивилизаций, взаимопроникновению местных и привнесенных извне культур. Причем, арабо-мусульманская цивилизация оказала на местную культуру решающее влияние, которое сохраняется по сей день.

Этнический состав населения Египта считается самым однородным среди государств Северной Африки: 98% населения – египтяне, с которыми быстро ассимилируются различные этнические меньшинства (берберы, проживающие на границе с Ливией, беджа, кунуз, махас – на границе с Суданом, синайцы, нубийцы и др.). Египетские христиане (копты), составляющие более 10% населения страны, являются коренными жителями Египта. До 10 в. они составляли большинство населения и говорили по-коптски. В 11–13 вв., когда шли активные гонения на христиан, копты массово принимали ислам, среди них распространился АЯ, включая тех, кто остался приверженцем христианской религии. Данный процесс арабизации коптов продолжался с различной интен-

сивностью и в последующие века [Кобищанов, 1990, с. 10–11]. В конце нового времени часть коптского духовенства и интеллигенции инициировала движение за возрождение коптского языка в качестве литературного и разговорного, но оно не имело успеха. В настоящее время это мертвый язык, сохраняющийся в некоторых коптских монастырях и церквях, где до сих пор издаются религиозные книги с использованием коптского алфавита. Таким образом, АЯ в Египте постепенно вытеснил коптский язык, произошла арабизация населения, но полной исламизации населения при этом не произошло. Вместе с тем, мы наблюдаем в стране монолитное языковое единство при незначительном присутствии берберского языка в оазисе Сива и нубийского в Верхнем Египте [Васильев, 2008, с. 233–234].

Совершенно противоположная языковая ситуация наблюдается в Марокко: в структуре населения Королевства значительное место занимает неарабский этнос, а именно берберы (45% населения). Кроме того, здесь проживает значительное количество европейцев, число которых составляет 60 тыс. человек при общей численности населения 35 млн. человек. При этом франкоязычное население составляет около 20%. Такой неоднородный этнический состав населения стал причиной мозаичной языковой ситуации в стране. В ее рамках сосуществуют несколько языков и диалектов. Это три диалекта берберского языка (ташальхис, тазаянит, тарифит), АЛЯ и его диалекты (халялийя и хассанийя), а также привнесенные колонистами европейские языки (французский, испанский). Каждый из этих языков и диалектов имеет свой географический ареал распространения, свои сферы функционирования, свой статус, определяющийся числом говорящих на нем, его коммуникативной мощностью, экономической, культурной, религиозной, административной ценностью для социальных слоев, говорящих на нем, либо теми коммуникативными функциями, культурными и социальными задачами, которые он решает [Лукьянова, 2016, с. 348].

Таким образом, в Марокко, в противоположность Египту, при полной исламизации не произошло тотальной арабизации населения: миллионы людей продолжают говорить по-берберски, хотя многие из них двуязычны.

Культурно-языковая ситуация в рассматриваемых странах после колониального захвата Египта Англией, Марокко Францией и Испанией усложнилась: новым значимым фактором стало проникновение соответственно английского языка в Египте и французского, (в меньшей мере испанского) языка в Марокко в те жизненно важные сферы, где ранее господствовали местные языки. Колониальные власти проводили и в Египте, и в Марокко языковую политику, нацеленную на вытеснение АЯ путем сужения сферы его функционирования. Однако на протяжении всего колониального периода АЯ в Египте, как и в других странах Арабского Востока, продолжал в том или ином объеме использоваться в различных сферах, включая официальную сферу и образование. Что касается Марокко и других стран Арабского Запада, то здесь ситуация развивалась в ином ключе: язык метрополии насаждался огнем и мечом, глубоко проникая во все сферы жизни, параллельно с подавлением АЯ, использование которого, фактически запрещалось. При этом в Марокко это реализовывалось в основном в районах проживания берберо-говорящего населения, что в значительной степени облегчало задачу. Ставка делалась на разжигание сепаратистских настроений среди берберов путем навязывания конфронтации АЯ и берберского языка.

Ответной реакцией на данную политику стала проводимая в арабских странах после обретения независимости политика арабизации. Отметим, что традиционно в основе теории арабизации лежит не только идея сохранения и распространения общего для всех арабов АЛЯ, обеспечивающего национальное единство, но и идея замены существующей, заимствованной у Запада системы образования новой системой, которая бы интегрировала традиционные религиозные

устой и духовные ценности арабского мира, с одной стороны, и достижения современности, с другой стороны. Главной целью языковой политики в постколониальный период становится возвращение АЯ его былого статуса. При безусловном единстве цели содержание арабизации в Египте значительно отличалось от содержания арабизации в Марокко, что вполне естественно, учитывая различия в языковой и социально-политической ситуации в этих странах. Так, в Египте арабизация была направлена на расширение сферы функционирования АЛЯ за счет его более активного использования в политической и экономической областях, в официальном делопроизводстве, науке, образовании и др. Что касается Марокко, то здесь задача была гораздо сложнее: необходимо было вытеснить из всех сфер общественной жизни французский язык, утвердившийся здесь за годы колониальной оккупации, и возродить национальный язык, практически забытый местным населением вследствие проводимой долгие годы французскими колониальными властями агрессивной языковой политики, направленной на его подавление и уничтожение.

Поэтому марокканское национально-освободительное движение, а впоследствии и национальное правительство провозгласили одним из основных принципов своей образовательной политики осуществление арабизации. Однако необходимо признать, что при этом не была учтена специфика Марокко как многонациональной страны с большим процентом (на тот момент около 40%) берберского населения, не было уделено внимания берберскому языку, не предпринималось попыток интегрировать его в систему образования, СМИ, административную и другие важнейшие сферы жизни.

Вторым основным принципом образовательной политики марокканского правительства после получения независимости стало повсеместное распространение образования, что позволило бербероговорящему населению получить образование и сформировать собственную интеллектуальную эли-

ту, которая стала требовать придания соответствующего статуса берберскому языку и сохранения берберской идентичности путем проведения справедливой, сбалансированной языковой политики. Ее целью провозглашалось интегрирование берберского языка в области образования, воспитания, СМИ, административную сферу, а также придание ему особого юридического статуса.

В настоящее время главная цель языковой политики в арабских странах состоит в том, чтобы сделать АЛЯ как важнейший компонент культурной самобытности арабомусульманской цивилизации основным средством коммуникации с максимально широким диапазоном функционирования во всех сферах общения. Практически непреодолимым препятствием на пути достижения обозначенной цели является подробно описанная выше языковая ситуация в арабских странах, в значительной степени способствующая забвению АЛЯ, что приводит к тому, что арабы из различных стран иногда не понимают друг друга или не понимают значения некоторых литературных слов, использующихся в СМИ.

Однако представляется, что языковая политика арабских стран в современных условиях не должна ограничиваться только сохранением, распространением и развитием АЛЯ. Иностранные языки должны использоваться как дополнительное средство коммуникации, способствующее развитию общества. Необходимо уйти от конфронтации «арабский язык - иностранный язык». Языковая политика должна рассматриваться шире, а именно как часть общей политической концепции развития страны с учетом геополитических, экономических, социальных и культурных факторов. Кроме того, сегодня языковая политика приобретает особую значимость, поскольку она непосредственно связана с такой чувствительной проблемой, как сохранение идентичности.

Феномен «арабской весны» стал мощным импульсом для пробуждения национального самосознания, развития эт-

ноязыкового самосознания, что повлекло за собой изменение профиля языковой политики ряда стран региона. Проиллюстрируем данный тезис на примере Королевства Марокко, где в ходе протестного движения 2011 года многие силы выступили против формулировки «Арабское Марокко», содержащейся в Конституции 1996 года. Наиболее радикально настроенными участниками данного протестного движения стали поборники берберской идентичности, значительно укрепив социальную базу протестующих. Их основным требованием стало признание в новой конституции берберского языка в качестве официального [Пономаренко, Лукьянова, Чикризова, 2013, с. 232].

Фактически, события «арабской весны» подтолкнули марокканское общество к переосмыслению статуса сосуществующих языков, в частности, остро встал вопрос о статусе берберского языка «амазиг». Напомним, что наивысший правовой статус языка определяется терминами «официальный» или «государственный». Если до событий «арабской весны» официальным языком Марокко, закрепленным в Конституции, считался только АЛЖ, то в ходе их начались дискуссии по вопросу о том, какой статус необходимо придать берберскому языку, закрепив его в новой конституции страны: сделать его национальным или сразу определить для него статус официального. При возникновении подобной дилеммы в мировой практике оценивается объективное состояние того или иного языка: степень его способности или неспособности обслуживать различные сферы жизни страны (государственные институты, административную сферу, образование, СМИ, экономику и т.д.), в каких программах поддержки и научных исследованиях он нуждается для своего возрождения, кодификации и нормирования, административных мерах и финансовых средствах, чтобы сделать его статус юридически определенным в конституции. С учетом этого некоторые марокканские политики и ученые выступили против придания берберскому языку статуса официального, ссылаясь на то,

что он в сегодняшнем своем состоянии не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к официальному языку. В частности, хотя предпринимаются попытки использовать в СМИ и др. сферах некий единый вариант берберского языка, он пока не может использоваться в качестве средства коммуникации и общения в официальной, административной, образовательной сферах, экономике, бизнесе и др. Поэтому, по их мнению, необходимо было определить для берберского языка статус национального на переходный период. Данный статус не предъявляет к функционированию языка многих требований, а ограничивается требованиями сохранять, развивать данный язык, создавать специальные научные учреждения, занимающиеся его развитием и популяризацией, постепенно интегрировать его в сферу образования, СМИ и др. [Акдим, 2011, с. 7].

Существовала здесь и другая проблема: какой из трех диалектов берберского языка делать официальным? Идеи создать на их основе единый кодифицированный нормированный берберский язык не встретили поддержки, так как было очевидно, что подобный язык будет искусственный язык, неупотребительным.

В результате в новой Конституции берберский язык все-таки обрел статус официального де-юре, хотя де-факто он является национальным, а наибольшей коммуникативной мощностью обладают арабский и французский языки. Таким образом, поменяв профиль языковой политики и обратившись к сохранению и активной популяризации берберского языка, марокканский монарх Мухаммеда Шестого проявил большую мудрость, так как это (наряду с другими факторами) позволило ему погасить протестные движения и сохранить стабильность в стране.

Ключевую роль в определении и успешном осуществлении языковой политики играют ее субъекты, которыми в настоящее время являются различные государственные и негосударственные институты:

1. Комитеты и министерства по делам межэтнических отношений (есть в многонациональных государствах, например, в Марокко).

2. Министерства школьного, специального и высшего образования, которые, опираясь на конституцию, регулируют преподавание и функционирование языков в средней и высшей школе, определяют общеобразовательные стандарты владения языками социума (одним, двумя или тремя) путем определения количества аудиторных часов по тому или иному языку, расширения программы за счет дополнительных курсов по языку (таких как культура речи, стилистика и др.), определяя требования к языковой подготовке.

3. Руководство масс-медиа (комитеты по печати, радио, ТВ, министерство информации, советы директоров теле- и радиокompаний и т.д.), руководство издательств (определяют объемы массовых коммуникаций на различных языках).

4. Языковые академии (введение инноваций, кодификация норм литературного языка в словарях, грамматиках, справочниках, терминообразование).

5. Клубы любителей родного языка (пропаганда норм и культуры речи, любви к языку).

Как упоминалось ранее, сохранению АЛЯ во многом способствует деятельность Межарабского бюро по координации арабизации (г. Рабат, Марокко) и академий арабского языка в арабских странах, старейшей из которых является Каирская Академия АЯ. Главной задачей Бюро и академий является создание и унификация специальной терминологии для передачи достижений науки и техники, которая стала бы альтернативой заимствованным иноязычным терминам. Отметим, что лингвистически эта задача является вполне решаемой, учитывая высокий потенциал арабского литературного языка, относящегося к языкам с обширным лексическим составом, хорошо развитой морфологией, большим словообразовательным потенциалом. Так, в рамках сессий Бюро по координации арабизации, Каирской и других академий араб-

ского языка регулярно обсуждается проблема унификации арабской терминологии в различных сферах: физике, химии, фармацевтики, нефтяной промышленности, геологии, компьютерной терминологии. Кроме того, на различных уровнях звучат призывы вернуть былую славу арабскому языку, возродить его и найти практические решения для того, чтобы помочь АЛЯ преодолеть тот кризис, который он сейчас переживает.

С конца 19 века египетские ученые и общественные деятели активно продвигали идею создания какого-либо учреждения, которое бы занималось на профессиональной основе арабским литературным языком. В рамках этой кампании в Египте было предпринято несколько попыток создать подобные национальные организации. В результате в 1892 году при Издательском доме аль-Бакри в Каире была создана Языковая академия, известнейшими членами которой были имам Мухаммед Абдо, шейх Мухаммед Тауфик аль-Бакри, шейх Мухаммед Махмуд аш-Шанкити. Однако данная Академия просуществовала всего несколько месяцев.

В 1916 году в Египте была создана другая академия при издательском доме «аль-Кутуб», возглавляемом Ахмедом Лутфи ас-Сейидом. Данная Академия прекратила свое существование после египетской революции 1919 года. Однако идея создания академии арабского языка в Египте продолжала существовать. В 1932 году вышел указ короля Фуада Первого о ее создании, а в 1933 году – указ о назначении ее членов, число которых составило 20 человек: 10 египтян и 10 арабов и востоковедов-арабистов из других стран, то есть изначально предполагался международный состав членов. При этом для членства в Академии не устанавливалось каких-либо ограничений, связанных с национальной принадлежностью или вероисповеданием, единственными критериями отбора были компетентность и профессионализм. Это стало характерной чертой Каирской Академии, отличающей ее от подобных академий в других странах арабского мира. В

1982 году вышел новый Устав, предполагавший увеличение количества членов Академии до 60 человек: 40 египтян, из которых состоит Совет Академии, и 20 представителей других стран. Конгресс Академии состоит из 60 ее членов.

Академию поочередно возглавляли Мухаммед Тауфик Рафаат, Ахмед Лутфи ас-Сейид, Таха Хусейн, Ибрагим Мазкур, Шауки Дейф.

Деятельность Академии постепенно расширялась, были определены ее новые цели, отраженные в Уставе, где говорится, что Академия – это научная организация, обладающая финансовой и управленческой самостоятельностью, а ее президент имеет полномочия министра в научной, финансовой и административной сферах. Цели Академии – составление словарей АЯ, обсуждение лингвистических проблем, разработка научной и лингвистической терминологии, охрана арабского наследия, культурно-просветительская деятельность.

В 1971 году был создан Союз арабских научно-лингвистических академий. Было предложено сформировать комитет, который бы состоял из представителей всех существующих в арабском мире академий арабского языка: каирской, багдадской, дамасской, с тем, чтобы разработать устав этого Союза. В апреле того же года состоялось заседание этого комитета под председательством Таха Хусейна. На этом заседании был разработан устав Союза, глава Каирской Академии Таха Хусейн был избран председателем Союза, доктор Ибрагим Мадкур – Генеральным секретарем Союза, а доктор Ахмед Абдель Ситар аль-Джавари от Багдадской академии и доктор Аднан аль-Хатыб от Дамасской академии – заместителями Генерального секретаря.

Впоследствии к Союзу присоединились академии арабского языка в Иордании, Палестине, Судане, Ливии, Алжире, Марокканская академия в Рабате, Тунисская академия наук, литературы и искусств «Бейт аль-Хикма».

Союзом управляет Совет, в состав которого входят по 2 члена от каждой академии, избираемые своими академиями

на срок 4 года. Совет собирается на очередные заседания как минимум 1 раз в год. При необходимости созываются внеочередные сессии. Решения Совета принимаются большинством присутствующих членов. При равенстве голосов приоритет отдается решению, за которое проголосовал председатель.

Сейчас Союз возглавляет глава Каирской академии арабского языка, доктор Шауки Дейф, Генеральным секретарем является Генеральный секретарь Каирской академии, профессор Ибрагим ат-Тарази, его заместителями – глава Дамасской академии, доктор Шакир аль-Фаххам и глава Иорданской академии, доктор Абдель Карим Халифа.

Союз регулярно проводит симпозиумы, посвященные таким актуальным проблемам, как изучение и унификация юридической, нефтяной, медицинской, геологической, биологической терминологии, составление тематических отраслевых терминологических словарей, а также методика преподавания АЛЯ, ограничение сферы функционирования диалектов, арабизация сферы высшего образования, унификация условных обозначений и символов, используемых в научной сфере (математике, химии, физике и др.).

С целью сохранения АЛЯ Каирская академия арабского языка издала ряд словарей, например, словари коранических выражений, большой, средний и краткий толковые словари арабского языка. За время своего существования она выпустила 37 сборников терминов в областях науки и искусства, одобренных комитетами академии, ее Советом и Конгрессом.

В настоящее время в рамках Академии действует 25 специализированных научных комитетов: по составлению большого толкового словаря АЛЯ, по основам АЛЯ, по лексике и словообразованию, по диалектологии и лингвистическим исследованиям, по литературе, по возрождению арабского наследия, по составлению среднего толкового словаря АЛЯ, по психологии и педагогике, по философии и социаль-

ным наукам, по истории, по географии, по юриспруденции, по медицинской терминологии, по химии и фармацевтике, по агрономии, по экономике, по геологии, по нефти, по гидрологии, по физике, по инженерии, по математическим наукам, по электронике, по терминологии в области культуры и искусства, по терминологии шариата.

Таким образом, Академия активно занимается разработкой научной терминологии, используя определенную научную методологию: термин рассматривается специализированным научным комитетом, который изучает структуру и значение, латинскую или греческую основу термина, подбирается лучший эквивалент для этого иноязычного термина, дается его точное научное толкование. Каждый термин изучается и обсуждается на различных уровнях: соответствующим комитетом, Советом, ежегодно созываемым Конгрессом.

За годы своего существования Академия разработала около 150 тыс. научных терминов и на этой основе выпустила ряд отраслевых словарей по геологии, ядерной физике, электронике, компьютерной терминологии, медицине, химии, фармацевтике, нефти, математике, географии, философии, культуре и искусству, психологии, инженерии, гидрологии, юриспруденции, музыке [сайт Каирской Академии арабского языка].

Также Академия выпустила ряд книг по арабскому языку. Среди них, например, книга «Основы языка» в трех частях, включающая в себя решения Комитета по основам языка, исследования его членов и экспертов, касающиеся упрощения грамматических правил, заимствованных слов, словообразования, правил транслитерации неарабских звуков арабскими харфами и т.п. Кроме того, Академия вносит большой вклад в сохранение арабского наследия, публикуя классические труды на арабском языке.

Что касается Бюро по координации арабизации в г. Рабат, то оно создавалось как общепарабский компетентный

орган, занимающийся координацией усилий арабских государств в области арабизации современной научной и технической терминологии и ведущий системную работу, направленную на расширение сферы функционирования АЛЯ, прежде всего, за счет его распространения как основного языка в официальной сфере, общественно-политической жизни, на всех уровнях образования, в областях науки, культуры, СМИ.

В 1961 г. в г. Рабат состоялась первая конференция по арабизации, согласно рекомендациям которой 19 февраля 1962 г. в г. Рабат состоялась первая сессия Исполнительного совета Бюро. С марта 1969 г. Бюро стало работать под эгидой ЛАГ, а после создания в 1970 г. Арабской организации по вопросам образования, культуры и науки как специализированного агентства ЛАГ оно перешло в его юрисдикцию в мае 1972 г.

Основные цели Бюро – сделать АЛЯ языком образования, коммуникации, научных исследований, соответствующим требованиям современной жизни, а также развивать и распространять его путем разработки научной методологии составления необходимых словарей и формирования необходимого терминологического аппарата, систематизация, классификация и унификация терминологии в координации с академиями арабского языка и другими профильными языковыми институтами.

Данная цель обусловила следующие задачи Бюро:

- координация усилий арабских государств, направленных на обогащение АЛЯ современной терминологией, унификация терминологии на общеарабском уровне;

- координация исследований языковых и научных академий, деятельности ученых, литераторов, переводчиков, непосредственно связанных с проблемами терминологии и арабизации, проведение конференций по арабизации;

- укрепление плодотворного сотрудничества с академиями арабского языка и со всеми арабскими и международ-

ными специализированными организациями ради осуществления целей Бюро;

– координация усилий по расширению сферы функционирования АЛЯ через внедрение его как языка преподавания всех дисциплин на всех уровнях обучения, в культурных учреждениях, СМИ;

– поддержание процесса арабизации и развития АЛЯ в арабском мире и за рубежом путем осуществления и публикации исследований по этой теме и их распространение;

– подготовка проектов разработки специализированных терминологических словарей, утвержденных конференциями по арабизации, их издание, проведение симпозиумов и конференций, утвержденных программой Бюро;

– создание терминологической базы данных для хранения, классификации терминов, обмен информацией и терминологией со специализированными банками данных для унификации терминологии словарей и многопрофильных энциклопедий на иностранных языках.

Во главе Бюро стоит директор, которому подчиняются Научно-технический отдел, Консультативный научный совет, Управление по административным и финансовым вопросам. В рамках Бюро действуют ряд управлений: Управление по изучению терминологии и словарей, Управление планирования и проектной деятельности, Управление по координации и реализации, Управление по информационным сетям, Библиотечный отдел, Управление по документообороту и СМИ (журнал «Язык арабов») [Сайт Арабской организации по вопросам образования, культуры и науки ALESCO].

С 1964 г. Бюро выпускает специализированный научный журнал «Язык арабов», являющийся одним из основных источников для академических и языковых институтов, академий арабского языка, вузов, специалистов в области арабизации, перевода, языкового развития. Здесь публикуются научные исследования по проблемам арабизации, лингвистике, терминологии. За прошедшие годы в нем было опубликовано

около 400 тыс. исследований на арабском, французском, английском языках.

Подводя итоги, отметим, что для языковой ситуации в арабских странах характерна функциональная иерархия языков по сферам употребления: АЛЯ (=фусха) – язык письменной сферы, частично науки, официально-деловой документации, образовательной сферы, СМИ; местные койне и диалекты арабского языка предназначены для устной сферы неформального общения, но в настоящее время все активнее вторгаются в письменную сферу (прежде всего, Интернет) и СМИ; иностранные языки (английский и французский) – языки официальной сферы, науки, высшего образования, особенно технического и медицинского. Очевидно, что подобное распределение функциональных сфер языков обуславливает исключительную устойчивость и консервацию билингвизма или мультилингвизма в арабских странах.

В данной ситуации языковая политика нацелена на определение функций и сфер употребления сосуществующих языков. Очевидно, что сохранение национального языка как основного компонента национальной идентичности должно быть одной из приоритетных задач государства. Необходимо, чтобы языковая ситуация в стране находилась под контролем государственных структур. В частности, должна быть выработана четкая стратегия языковой политики, нацеленной на языковое планирование, которое бы основывалось на недопустимости гегемонии иностранного языка над национальным, который должен господствовать во всех сферах, в том числе в науке. Нельзя допускать спонтанного и хаотичного развития языковой ситуации. Необходимо осознавать, что многоязычие вовсе не означает функциональное равенство языков: государство не должно уравнивать статус официального национального языка и иностранного языка, который может играть лишь вспомогательную роль.

В настоящее время наиболее активными субъектами языковой политики в арабских странах являются Бюро по

координации арабизации и академии арабского языка. Они проводят масштабную работу, прежде всего, в области терминообразования, поскольку только благодаря наличию собственной терминологии во всех областях АЛЯ может претендовать на гегемонию в арабском мире в таких сферах, как наука, техника, технологии, высшее образование и т.п. В этой связи грамотное планирование и правильная организация ширококомасштабной работы в области терминообразования должна являться одним из основных приоритетных направлений языковой политики арабских государств.

ЛИТЕРАТУРА

Arab Journal of culture. Cairo, 1990, №18. 76 p.

Акдим Мухаммед «Языковая ситуация в Марокко и юридический статус берберского языка «амазиг». Рабат, журнал «Ахбаруна» от 16.05.2011. 88 с.

Баюми Амр «90% учащихся недовольны уровнем преподавания арабского языка». – Лондон, газета «аш-Шарк аль-Аусат» от 2612. 2016. 34 с.

Васильев А.М. Египет и египтяне. М., «Восточная литература», 2008. 366 с.

Кобищанов Ю.М. Традиционная этническая культура. Этноконфессиональные группы // справочник «Арабская Республика Египет». М., Наука, 1990. 355 с.

Лукьянова Г.О. Языковые процессы в эпоху глобализации (на примере арабского языка) // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Языки и культуры в эпоху глобализации: особенности функционирования, перспективы развития и взаимодействия». М., РУДН, 2015. 120 с.

Лукьянова Г.О. Языковая ситуация в Королевстве Марокко // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Языки и культуры в эпоху глобализации: особенности функционирования, перспективы развития и взаимодействия». М., РУДН, 2016, 393 с.

Пономаренко Л.В., Лукьянова Г.О., Чикризова О.С. Королевство Марокко – жемчужина Арабского Запада. М., «Экон-информ», 2013. 246 с.

Сайт Арабской организации по вопросам образования культуры и науки www.alecso.org.tn

Сайт Каирской Академии арабского языка www.arabicacademy.org.eg

Фуллерс К. Египетский диалект. Каир, 1890. 105 с.

Хувейди Фахми Арабизация языка арабов. Лондон, газета «аш-Шарк аль-Аусат» от 24.02.2017 г. 45 с.

Шагаль В.Э. Арабские страны: язык и общество. М., «Восточная литература», 1997. 280 с.

Шарбатов Г.Ш. О трехкомпонентной функциональной парадигме арабского языка и статусе арабских региональных обиходно-разговорных языков // Проблемы арабской культуры. М., «Наука», 1987. 392 с.

Глава 2

ПОЛИТИКА КИТАЯ В ОБЛАСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА ПУТУНХУА

Егорова Майя Александровна

Российский университет дружбы народов, кафедра иностранных языков
факультета гуманитарных и социальных наук;
кандидат политических наук;
доцент кафедры иностранных языков

Ключевые слова: китайский язык; путунхуа; официальный язык; общеупотребительный язык; диалект; письменность; национальные меньшинства; регионы.

Введение

В предыдущие годы развития китаистики в России проблема распространения государственного языка путунхуа оставалась недостаточно изученной, что было связано с небольшим интересом к Китаю и китайскому языку и его низкой популярностью в нашей стране вплоть до середины 2000-ых годов. Однако уже к 2015–2017 гг. интерес к данной проблеме многократно возрос и продолжает привлекать все большее число регионоведов-китаистов, филологов и политологов. В этот период появился целый ряд достаточно подробных исследований, на некоторую часть которых в данной

работе приводятся ссылки как на наиболее новые, вышедшие в последние годы.

Подобный небольшой временной отрезок пока не позволяет назвать тему исследования достаточно полно и все-сторонне изученной, однако может свидетельствовать о резком всплеске интереса к Китаю и развитию китайского официально языка как в самом Китае, так и за его пределами, что делает заявленную тему своевременной и актуальной.

Основываясь на ряде научных статей и обзоров, сделанных в указанный выше период, а также более ранних публикациях [Егорова, 2012], в данной работе акцент делается на две взаимопроникающие проблемы: с одной стороны, на исследовании роли и места диалектов в прошлом, настоящем и будущем страны, с другой, на политике государства по распространению путунхуа и его взаимодействию с местными диалектами. Важно отметить, что изучение вопроса о диалектах долгое время оставалось за пределами научных изысканий специалистов, что делает данное исследование сравнительно новым и актуальным для китаистики в России.

Исходя из этого, данная работа ставит своей целью показать особую значимость китайских диалектов для культуры страны и проанализировать подходы китайских властей к решению задачи по распространению официального языка путунхуа с учетом той цивилизационной роли, которую по-прежнему играют многочисленные китайские диалекты, временные рамки исследования не ограничены. Однако, хотя в работе и содержатся отсылки к периодам династии Цинь и более поздних династий, основное внимание уделяется ключевым историческим отрезкам: 1950–1960 гг., которые были отмечены поиском нового подхода к реформе и унификации государственного языка; 1980–1990 гг., ознаменовавшихся реформой открытости и периодом вестернизации китайского языка, наполнения его новыми терминами, пришедшими с Запада, и всплеском интереса к собственной культуре и литературе; а также современному периоду после 2000 гг., ко-

гда экономическая мощь Китая достигла небывалого уровня, что привело к росту его амбиций на международной арене и способствовало активизации политики центральных властей по укреплению единства страны, в особенности в языковой области.

Соответственно, основная идея работы заключается в том, чтобы проследить ключевые этапы и пути в политике китайских властей по выработке концепции современного общеупотребительного китайского языка, поиска корректного названия и определения для него и его внедрения на территории страны на фоне активизации гражданского общества и роста его внимания к местным диалектам, и осознанием их культурно-лингвистической значимости для государства и общества.

Исторический фон

С политической точки зрения Китай – очень молодое государство и его границы сложились лишь 2000 лет назад, при том, что история страны насчитывает уже более 5000 лет. Государство объединило 56 официально признанных этнических групп, для каждой из которых большой проблемой является изучение официального китайского языка и его использование, в особенности в профессиональной деятельности. В культурном и языковом плане Китай отличается высоким уровнем диверсификации языков / диалектов (вопрос о том, являются ли эти диалекты языками, остается за границами данного исследования) в рамках одного государства. Так, в каждом автономном районе, провинции, городе, деревне говорят на своем языке или диалекте, которые могут отличаться в меньшей степени, если диалекты развивались бок о бок друг с другом, или в большей степени, если говорить о северных диалектах и диалектах юга.

За исключением северо-восточной части страны границы большинства провинций Китая были определены во времена

династий Юань, Мин и Цин, т.е. с XII в. по XX в., когда в Китае пала монархия. Они зачастую проводились вне зависимости от культурных, лингвистических или географических различий с целью предотвратить сепаратизм и типичное для того периода возвышение местных военачальников. В Китае об этой разнице между административными и культурными границами говорят, что они «перемежаются, словно стиснутые зубы собаки» (*Qǐnyú jiāocuò* 犬牙交错). Несмотря на это, деление на провинции [Слоганы, 2017] играет важную культурную роль, жителей каждой провинции наделяют своими чертами, укладывающимися в определенный стереотип. Огромную роль играет и языковая диверсификация, преодоление которой с помощью распространения общепринятого языка по плану властей должно послужить единению страны.

Крайне высокий уровень лингвистической диверсификации является одновременно богатством и проблемой страны. Достаточно принять во внимание, что множественность диалектов крайне затрудняет языковую унификацию страны и сильно осложняет понимание между людьми из разных мест проживания. Данная проблема была и остается одним из факторов ослабления государственной мощи и препятствует единству и монолитности страны, а также тормозит Китай в его стремлении полностью интегрироваться в мировое сообщество и достичь статуса державы «номер один» на международной арене.

Преодоление этих проблем выходит на первый план на повестке дня Компартии Китая. Однако важно отметить, что данный вопрос для страны не только не нов, но, более того, имеет уже длительную историю и богатый опыт поиска подходов к решению задачи выработки и распространения единого китайского языка, который бы служил склеивающим элементом для некогда самостоятельных частей Китая, ставших единым государством сравнительно недавно.

С момента, когда отдельные княжества были объединены в империю Цинь в 230–221 гг. до н.э. под властью импе-

ратора Цинь Шихуана, в Китае витает идея о необходимости создания единой нации на основе национального большинства хань (*hàn 汉*) и единого государственного языка, который бы цементировал остов новой империи – «ханьюй» (*Hànyǔ 汉语*) – т.е. язык ханьцев. Первая реформа иероглифической письменности приходится на 213 г. до н.э., когда объединивший Китай император Цинь Шихуан искоренил местные иероглифы, употреблявшиеся наряду с общекитайскими в побежденных им царствах. Он же приказал своим приближенным составить новые нормативные своды иероглифов.

Современная теория государства указывает на то, что, если единое суверенное государство однажды было создано, этническое разнообразие может существовать только на уровне языка и культуры, но не политики. Если рассматривать ситуацию через политическую призму, то гражданские нормы приходят на место этническим нормам, а различные этнические идентичности трансформируются в единую гражданскую идентичность.

Важной особенностью современного китайского государства является принцип, заключающийся в том, что если однажды люди, живущие на этой территории, решили объединиться для создания единого государства, то непреложен закон, исходя из которого местные власти должны подчиняться центральным властям, этническое самоопределение подчинено государственному суверенитету, а этнические диалекты должны уступить дорогу государственному языку. Для Китая подъем общего языка над диалектами этнических групп до уровня государственного языка является символом наличия государственного суверенитета и одним из важнейших показателей укрепления мощи страны (дословный термин: «жесткая сила» *Yìng guó lì 硬国力*) с центром в Пекине. В этом заключается важнейший политический посыл, ведь если бы в качестве столицы не был определен Пекин, вполне возможно, что общий язык был бы создан на основе

нанкинского диалекта, так как Нанкин был ранее «южной» столицей. 1 января 1912 года именно в Нанкине президентом Сунь Ят-сеном было провозглашено образование Китайской республики, и лишь в 1949 году Нанкин навсегда утратил статус столицы. С образованием КНР столицей стал Пекин, и новый режим не подразумевал никаких «вторых столиц». Во время Китайской Республики Сунь Ят-сен также предлагал кантонский язык в качестве государственного языка, однако в ходе последующих событий это предложение не было реализовано.

Все это свидетельствует о том, что Китай еще находится в процессе укрепления своей государственности, Пекину по-прежнему приходится подтверждать свое право на статус столицы, а государственному языку путунхуа, созданному на основе пекинского диалекта, - право быть основным и главным языком в стране. Путунхуа переводится как «общеупотребительный язык», и в этом названии уже заложен посыл для его повсеместного распространения.

Путунхуа: история происхождения

Рождение путунхуа можно сравнить с одним из направлений политики династии Цинь по унификации письменности и созданию «едино-письменных» народов (в том числе в Китае и Японии), унифицированной транспортной системы (*shūtóngwén* , *chētóngguǐ* 书同文, 车同轨), а также единой системы мер и весов (*dùliànghéng de tǒngyī* 度量衡的统一). Данный политический курс воплощал основную политическую линию династии Цинь на создание сильной центральной власти. Продвижение этой политики было направлено на дальнейшее объединение страны и господство центральных властей.

Политика языковой унификации насчитывает длительную историю, но активно проводится, начиная с 1956 г. За

основу единого языка «путунхуа» были взяты лексика и грамматика «мандарина» (мандаринского китайского или северо-китайского) и пекинский диалект для произношения, то есть фонетика и лексика путунхуа основана на произносительной норме пекинского диалекта, принадлежащего к северной группе диалектов китайского языка. Грамматика путунхуа соответствуют нормам, закрепленным в литературных произведениях на современном китайском языке «байхуа» (*Báihuà* 白话), которые также наиболее близки к северным диалектам. Интересное упоминание о попытках внедрения латинизированной письменности для разговорного языка «байхуа» можно встретить у свидетеля тех событий – немецкого коммуниста Отто Брауна, который в 1932 году был послан Исполкомом Коминтерна в Китай в качестве военного советника при ЦК КПК [Браун, 1974, с. 269].

Первоначально Мао Цзэ-дун выступал за то, чтобы фонетическая система базировалась на китайских иероглифах, но в 1956 г. он одобрил использование романизированной системы пиньинь [Tang, 2017], заявив: «Пусть древнее служит современности, а западное – Китаю» (*Gǔ wéi jīn yòng, yáng wéi Zhōng yòng* “古为今用，洋为中用”) [«Исторические хроники 1997, с. 171].

В 1987 году публикуется «Атлас языков Китая» (*“Zhōngguó yǔyán dìtú jí”* “中国语言地图集”), включающий в себя набор карт [Атлас, 1987], отражающих территорию распространения диалектов и языков меньшинств в Китае, а также пояснительную информацию по ним [Обзор, 2015]. С 2006 г. издается ежегодник о языковой ситуации и языковой политике в КНР и в других китаезычных регионах (первый выпуск посвящен 2005 г.) [Каплунова, 2017].

Важно отметить, что изначально вместо термина «путунхуа» использовался термин «национальный язык» (*Guóyǔ* 国语), который до сих пор используется на Тайване. Однако в 1955 г. он был заменен на термин «путунхуа» (*Pǔtōnghuà*

普通话), которому было дано следующее определение: «Общий язык китайской нации, основой которого являются северные диалекты, стандартным произношением – пекинское произношение, грамматической нормой – образцовые произведения на байхуа» (*báihuà* 白话) [Модернизация, 1989, с. 376–398].

На Всекитайской конференции по реформе письменности политолог Чжан Си-жо (*Zhāng Xīruò* 张奚若) пояснил, что изменение названия было связано с необходимостью подчеркнуть, что «Китай является полиэтническим государством, и все языки в Китае равны между собой; и, если бы и в дальнейшем употреблялся термин «национальный язык», то это можно было бы ошибочно понять как стремление правительства поставить язык ханьцев (*Hànyǔ* 汉语) в положение выше, чем языки меньшинств» [Тин, 2008].

В 2017 г. заместитель председателя Политбюро ЦК КПК Ло Фу-хэ (*Luō Fùhé* 罗富和) продолжил данную тему, высказавшись за различие таких понятий как язык ханьцев (*Hànyǔ* 汉语), в котором он видит отражение языков этнических меньшинств и лингвистическое взаимодействие с ними, и собственно «путунхуа», который является надъязыковым образованием, вобрав в себя все языки Китая, включая и язык ханьцев [Лю, Мэн, 2005].

Таким образом, первым шагом стало упрощение иероглифики и повсеместное использование системы романизации для китайского языка пиньинь, в дальнейшем все шаги властей были направлены на укрепление позиций путунхуа по отношению к диалектам. Соответственно, в Пекине осознавали, что, если диалекты угрожают государственному языку или оспаривают его доминирующую роль, это фактически закладывает базу для ослабления центральной власти и усиления регионализма.

Подходы государства к распространению путунхуа

В современном Китае языковыми проблемами занимается ряд государственных организаций, прежде всего, департаменты и отделы Министерства просвещения КНР и специальный Государственный комитет по работе в области языка и письменности (*Guójiā yǔyán wénzì gōngzuò wěiyuánhui* 国家语言文字工作委员会).

Политика в отношении китайского языка отражает текущие политические взгляды центрального правительства, доминируя над лингвистическими принципами, и находится под постоянным наблюдением со стороны власти. Таким образом, Китайская Коммунистическая Партия выступает как главная движущая сила в вопросе продвижения государственного языка.

В рамках этой политики Министерство Образования поставило цель: к 2050 г. на путунхуа будут говорить все китайцы в стране [Мо, 2010]. Согласно плану Китайской Коммунистической Партии, распространение путунхуа необходимо как для достижения внешних целей, то есть соответствовать тенденциям глобализации, развивать отношения с зарубежными странами, повышать интерес к Китаю в мире, быть включенными в международные процессы, так и для решения внутренних проблем, сводящихся к достижению языковой унификации и языкового единства. На пути к этим амбициозным целям уже достигнуты значительные успехи, однако их жертвами становятся этнические диалекты.

Конституция Китая гласит, что государство должно способствовать употреблению путунхуа на территории всей страны (*Guójiā tuīguǎng quánáguó tōngyòng de pǔtōnghuà* 国家推广全国通用的普通话) [КПК в Тибете и Синьцзяне, 2017]. Для реализации этой задачи правительством разработан целый комплекс мер, а основным каналом распространения путунхуа стала система общего образования: детский сад

– школа – университет. Проводятся недели путунхуа и конкурсы на уровень его знания, кроме того, для получения определенных должностей необходимо сдать квалификационный экзамен, подтверждающий уровень владения путунхуа. В основном его должны сдавать люди, желающие получить работу в СМИ, или те, чья профессиональная деятельность может быть связана с публичными выступлениями или государственной службой.

Слоганы типа «Просьба говорить на путунхуа» (*Qǐng jiǎng pǔtōnghuà* 请讲普通话) повсеместно видны в детских садах и школах. Принятый в 2000 г. Закон в отношении языка гласит, что «путунхуа и стандартизированные китайские иероглифы должны быть использованы в качестве базы в обучении и преподавании в школах и других образовательных учреждениях, за исключением тех мест, где закон предусматривает иное» [Spolsky, 2014].

В 2016 г. в рамках 19-ой кампании «Неделя распространения путунхуа» в образовательных учреждениях по всей стране в соответствии с предписанными требованиями проходили мероприятия по продвижению путунхуа, в качестве главной темы был выбран слоган: «Я китайский малыш, и я люблю говорить на путунхуа» (*Wǒ shì Zhōngguó wá, ài shuō pǔtōnghuà* “我是中国娃，爱说普通话”) [«Я китайский малыш», 2016]. В рамках этой недели проходили различные мероприятия для детей: тематические занятия и конкурсы, изучивание песен, стихов и речевок, а также ряд других, в ходе которых детям должен был прививаться навык избегать общения на диалектах и стараться говорить только на путунхуа, а учителя и родители должны были осознать важность распространения и популяризации путунхуа. Среди других популярных слоганов на эту тему можно назвать следующие: «Когда говорят на хорошем путунхуа, это удобно для тебя, для меня и для других» (*Shuō hǎo pǔtōnghuà, fāngbiàn nǐ wǒ tā* “说好普通话，方便你我他”), «Любить государственный

флаг, петь государственный гимн и говорить на путунхуа» (*Ai guóqí, chàng guógē, shuō pǔtōnghuà* “爱国旗，唱国歌，说普通话”), «Если говорить на хорошем путунхуа, то повсюду будут друзья» (*Shuō hǎo pǔtōnghuà, péngyǒu biàn tiānxià* “说好普通话，朋友遍天下”) и многие другие [Современная ситуация, 2017].

На данных примерах мы видим, какую огромную работу проводят Компартия Китая, Министерство образования и Министерство пропаганды для того, чтобы идея использования одного официального языка внедрялась в сознание людей с детства, вытесняя диалекты на самом раннем этапе становления личности.

Помимо работы, проводимой в образовательных учреждениях, немало способствовало приобщению населения к официальному языку повсеместное распространение телевидения и персональных компьютеров, а также популярных телепрограмм и кино на путунхуа. Модная городская масс-культура также служит важным инструментом популяризации стандартизированного языка. Важную роль в этом играют медийные персоны и звезды кино и сцены, которые служат проводниками путунхуа в массы, то есть говорят на понятном, как в прямом, так и в переносном смысле, для аудитории языке. Неформальное взаимодействие власти и деятелей медиа-пространства обоюдное, так как успешно существовать на рынке масскультуры можно только на том условии, что допущенный до эфира будет с экрана говорить на достаточно хорошем путунхуа. Таким образом, либо рынок Китая оказывается абсолютно закрытым для звезд масс-культуры Гонконга, Макао и Тайваня, либо их возможности сильно ограничиваются, например, их дублируют актеры, владеющие путунхуа, им приходится переучиваться, чтобы самим на нем говорить.

Еще одним важным этапом в популяризации официального языка стал процесс массового переезда жителей из де-

ревень в города. В основном это перемещение захватило наиболее молодую часть общества: тех, кто поступает в ВУ-Зы, или едет в город на заработки. Необходимость интеграции в городскую жизнь требует от таких мигрантов в том числе и языковой ассимиляции. Причем, чем успешнее они проходят этот процесс, тем больше у них шансов преуспеть в социальной мобильности и карьерном росте.

В 90-х гг. XX в. – начале XXI в. значимым направлением работы по популяризации китайского языка стал перевод на него памятников древнекитайской литературы, что, с одной стороны, способствовало более широкому общественному доступу к этому пласту древнекитайской культуры, а, с другой, вело к популяризации китайского языка как проводника к повышению уровня культуры и образования [Стеженская, 2015, с. 33].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современные процессы в китайском обществе оказывают определенное влияние на изменение языковой среды в стране и влекут за собой повышение значимости путунхуа и его популяризацию среди населения, в особенности среди его городского образованного и молодого сегмента.

Китайские диалекты: их место и значение

Политическая и историческая традиция, а также китайская классическая философия заложили в менталитете китайского народа идею о том, что интересами отдельных людей надо жертвовать ради интересов всего народа, а жизнью человека – ради жизни многих. В эту же концепцию власти пытаются уложить идею о том, что диалектами надо пожертвовать ради развития общего китайского языка, несмотря на их лингвистическое и культурное значение. Конечно, в самом Китае такая идея нравится далеко не всем, однако, голоса недовольных слышны настолько, насколько это позволяет центральное правительство. В основном, все укладывается в

рамки общественной дискуссии о том, как не дать исчезнуть диалектам в ситуации, когда детей с детского сада начинают обучать путунхуа и запрещают им говорить на «родном языке» в стенах сада и школы.

Терминам «родной язык» (понимаемый нами как первый язык, усвоенный человеком с рождения) и «материнский язык» в китайском языке, как правило, соответствует термин “母语” (*mǔyǔ* 母语 – букв. «материнский язык»), подразумевающий язык, который человек усваивает в детстве и, как правило, представляющий собой стандартизированный вариант или диалектную форму языка определенной национальности. Однако в связи с существованием разветвленной диалектной системы китайского языка в китайской социолингвистике наблюдается противопоставление вышеуказанного термина «материнский язык» (*mǔyǔ* 母语) термину «материнский диалект» (*mǔyán* 母言, букв. «материнская речь»). Таким образом, функционально первый язык (*Dì yī yǔyán* 第一语言) по ряду причин не всегда совпадает с родным языком [Конституция КНР, 2004].

В чем же заключается важность и ценность диалектов? Диалект – это не просто доступный с детства и понятный инструмент общения, познания и взаимодействия с внешним миром. Имея и это значение, он, в отличие от государственных языков, в большей мере является носителем региональной культуры, что фактически приравнивает защиту диалектов к защите национальной культуры. Если же говорить о Китае, то здесь речь идет о защите китайской цивилизации, которая во многом зиждется на региональных диалектах.

Однако проблема заключается в том, что существует противоречие между защитой китайских диалектов и популяризацией путунхуа. Правительство Китая пытается насаждать в обществе мнение, что «диалекты» фактически являются синонимом «деревенщины» (*tǔ 土*) и низкого социального и образовательного уровня их носителей в противопоставле-

нии официальному языку (*guānhuà* 官话), некогда бывшего доступным лишь самым образованным слоям населения: чиновникам, ученым и т.п. Центральные власти распространяют лозунг «Говорите на путунхуа, используйте стандартизированные иероглифы и будете культурным человеком» (*Shuō pǔtōnghuà, yòng guīfàn zì, zuò wénmíng rén* “说普通话、用规范字、做文明人”), понимаемый теми, кто говорит на диалектах, следующим образом: те, кто не использует путунхуа, автоматически являются некультурными, необразованными людьми [Ло, 2017].

При рассмотрении темы диалектов возникает вопрос о том, насколько они являются показателем «деревенского» происхождения человека и низкого уровня его культуры и образования. Например, высокий статус кантонского диалекта, который стремительно развивался с 80-х до начала 90-х годов XX века, свидетельствует о том, что понятие «диалект» зачастую достаточно нечеткое и может означать фактически отдельный «язык», каким многие склонны считать кантонский. Его носители используют его для демонстрации своего статуса жителей провинции Гуандун, которая долгое время сохраняла широчайшую политическую и экономическую автономию [Wong, 2016].

Более того, кантонский диалект после «реформы открытости» (1980-1990 гг.) создал совершенно новый пласт современной популярной китайской культуры и вошел в моду, во-первых, благодаря тому, что на нем говорят в «прозападном» богатом Гонконге, что вызывало огромным интерес в континентальном социалистическом Китае и наполняло этот диалект (или язык) новыми смыслами и особым очарованием и притягательной силой, а во-вторых, кантонский был воспринят в других областях Китая как язык уникальный по своей музыкальности и особой мягкой мелодичности. В добавок к этому в Гонконге уже длительное время процветали певцы и актеры, что моментально сделало их необычайно

популярными в материковой части страны, куда они потянулись в поисках нового рынка и огромных заработков, а кантонские песни, кинофильмы и телешоу не только завоевали огромную популярность на материке, но и вывели кантонский диалект на уровень наиболее влиятельного не только в Китае, но и везде, где проживают этнические китайцы.

Однако и представители кантонской культуры, проживая в Китае, не смогли остаться в стороне от политики распространения путунхуа. Для своего продвижения в материковом шоу-бизнесе и развития в сферах популярной массовой культуры им приходится учить официальный язык и избавляться от своих диалектов, что помогает избегать принятого в Китае для таких деятелей голосового дублирования и дает возможность продвижения на необъятный китайский рынок. Однако для многих это становится сложной проблемой из-за невозможности искоренения особой мелодики голоса носителей кантонского диалекта. Эта специфика ассоциирует его носителей с регионом их происхождения, а значит автоматически препятствует выходу им на всекитайский уровень. Остроту этому вопросу добавляет сильнейшая конкуренция в этой сфере. В Китае люди шоу-бизнеса обычно совмещают сразу несколько направлений в искусстве: пение, различную музыкальную деятельность, актерство, работу в рекламе и на разных шоу и т.п. Такой универсалистский подход позволяет им вытеснять конкурентов с региональными говорами и диалектами.

Древний Гуандун когда-то был пограничной областью Китая, куда ссылали провинившихся чиновников, а местный язык называли «варварским». Тогда вряд ли кто-то мог подумать, что в 80-ых годах XX века он станет «голосом сердца» (*xīnshēng* 心聲) молодых людей в Китае, то есть воплощением самых прекрасных чувств и стремлений китайской молодежи.

Однако сегодня мода на кантонский язык сменилась модой на правильный путунхуа, оставляя диалектам место

лишь в некоторых областях сценического искусства, там, где это оправдано содержанием и законами жанра, например, в постановках традиционного жанрового китайского комедийного представления «сяншэн» (*xiàngsheng* 相声), где во всей красе можно передать всю специфику и все оттенки общения на местных говорах.

Среди многих причин сильной традиции использования диалектов необходимо также отметить и особенность общественной жизни китайцев, заключающуюся в том, что им приходится жить не в родных местах, а уезжать и скитаться в поисках возможности учиться или работать. Отсюда рождается вечная тоска по дому и родным местам. Эти эмоции и ностальгия нашли отражение в одном из самых известных стихотворений китайской поэзии «Думы тихой ночи» («Цзин е сы» (*Jingyè sī* 静夜思)), автор которого великий поэт Ли Бо на полгода по политическим причинам был сослан и оказался вдали от родных мест. Залюбовавшись луной, освещавшей его хижину, он вспоминает родные места и друзей, которых, быть может, уже никогда не увидит; та же самая луна освещает и забытую всеми деревню, где он сейчас находится, и его родину, место, где он родился и жил, и таким образом связывает нынешнее с прошедшим, чужое с родным, далекое с близким.

Как одно из производных этой ностальгии, диалекты тесно взаимосвязаны с подобными чувствами обычных людей. Привязанность к ним у китайцев это и выражение их тоски по дому и малой родине (*xiāngchóu* 乡愁), и один из способов самоидентификации и демонстрации другим, откуда ты, где твои корни, родные могилы и родной очаг.

Не только сам китайский язык, но и диалекты являются носителями региональной культуры Китая, именно они некогда послужили почвой для построения китайской цивилизации. Выйдя из народной культуры, они стали отражением его жизни и его менталитета. Разнообразие китайской культуры,

воплощенной в диалектах, их взаимодействие и даже своего рода конкуренция между собой являются неотъемлемой частью китайской цивилизации, признаком ее богатства в многообразии, поэтому защита диалектов – это защита культуры, а значит и защита всей китайской цивилизации.

Китайскую культуру можно условно разделить на две крупные формы: южную и северную, а также на пятьдесят шесть национальных культур по количеству национальных меньшинств. С этим делением фактически совпадает лингвистическое деление, согласно которому в стране выделяют семь основных крупнейших диалектных региона [Регионы Китая]:

- северная группа диалектов во главе с пекинским диалектом;

- кантонская группа с основным диалектом этого региона – кантонским (гуанчжоуским) диалектом;

- диалекты У (группа восточных диалектов – провинции Цзянсу и Чжэцзян с наиболее крупными городами Сучжоу, Ханчжоу, Нинбо, Шанхай, где основными диалектами являются сучжоуский и шанхайский;

- миннаньская группа диалектов во главе с доминирующим сямынским диалектом города Сямынь, близкий тайваньскому и иначе называющийся «амойский диалект» по бывшему названию Сямыня;

- хунаньская группа, в которой основным является диалект столицы провинции Хунань город Чанша;

- группа диалектов хакка, в котором доминирует диалект города Мейчжоу;

- группа диалектов провинции Цзянси и основной в этой группе – диалект города Наньчан (тут можно еще выделить диалекты «ичунь» и «Цзиань», названные по городам своего распространения).

Каждый из этих крупных диалектов в свою очередь делится на множество более мелких (*fāngyán* 方言) и на местные говоры (*tǔyǔ* 土语) [Регионы Китая]. Однако наиболее

распространенной с точки зрения количества говорящих на одном из диалектов группы является группа северных диалектов, разделенная на северный мандарин, северо-западный мандарин, юго-западный мандарин и мандарин «цзяньхуай» (*Jiānghuái* 江淮, то есть диалекты междуречья Янцзы и Хуайхэ).

Примечательным является то, что 8,49% от общей численности населения Китая составляют его 55 этнических меньшинства, среди них этнические группы хуэй и маньчжу используют путунхуа, а остальные 53 этнические группы имеют каждая собственный язык [Регионы Китая].

Специфика китайских диалектов заключается в том, что большинство из них обладает лишь устным воплощением, но не имеет под собой письменной основы, которую составляет общая для почти всей страны иероглифическая письменность (за исключением ряда регионов проживания этнических меньшинств, говорящих на своих языках и обладающих собственной письменностью). Диалектные различия заключаются в том, что в каждой местности универсальные иероглифы произносятся по-разному (степень разности может варьироваться от минимальной до максимальной, что делает речь трудно-понятной или абсолютно непонятной для жителей других местностей). Кроме того, в большинстве диалектов могут присутствовать свои уникальные лексические единицы, не употребляющиеся в других и являющиеся предметом гордости и уникальности для его носителей.

Более того, ряд диалектов сохраняют элементы древнего китайского языка, а значит хранят память народа и содержат множество отсылок к древней китайской истории и культуре. Например, в диалекте города Ухань вместо используемого в путунхуа слова «*kǒudài*» (口袋), означающего «кошелек», «карман», распространено слово «*hébao*» (荷包), пришедшее из древности и изначально обозначавшее шелковый вышитый подвесной мешочек, который носили на теле в

качестве кошелька. В части местностей провинции Хэнань вместо слова «*nǚxū*» (女婿), переводящееся как «зять» / «муж» в ходу древнее слово «*xiànggōng*» (相公), которое служило для уважительного обращения жены к мужу. Миньнаньский диалект особенно богат на древние слова и их исторический вариант произношения. Например, вместо слова «*chī*» (吃) – «есть, кушать» в нем используется древний вариант «*shí*» (食) с тем же значением, вместо «*guō*» (锅) – «котел, сковорода» – пришедшее из древних времен слово «*dǐng*» (鼎) – «треножник, сосуд», вместо повсеместно употребляемого «*rén*» (人) – «человек» используют «*nóng*» (侖), который в восточных диалектах обозначает «я», а в шанхайском – «ты», что роднит все три варианта с современным словом «человек» – «*rén*» (人) в путунхуа.

Язык является частью культуры. Развитие любого языка начинается с оформления его устной формы, затем оформляется письменность, поэтому именно речь служит наиболее важным средством языковой коммуникации. В мире нет культуры, которая была бы лишена своего языка, который является ее носителем и ее выражением. Другими словами, язык можно использовать для описания всех ее аспектов, он является зеркалом культуры, в котором она находит свое отражение. Он регулируется и обогащается за счет ее развития и находится с ней в тесном взаимодействии.

Язык занимает в современном Китае чрезвычайно высокое место в системе духовных ценностей. Вместе с древнейшей иероглифической письменностью он воспринимается как носитель китайской цивилизации и служит гарантией сохранения национальной идентичности в условиях глобализации. Традиционное конфуцианское уважение к языку и учености стали неременным условием национального возрождения. «Изысканный язык (*yǎyán* 雅言, то есть нормативный язык в противопоставлении диалектам) – это носитель китайской цивилизации, классические тексты должны войти в

жизнь каждого человека» – под этим лозунгом начиная с 2007 г. возобновляется обычай декламировать канонические тексты, которые древние китайцы считали написанными на «изысканном языке». Драгоценным нематериальным культурным наследием стали считаться также любые другие письменные памятники, варианты иероглифов и устные формы китайского языка. Все они подлежат изучению и сохранению, в том числе – если речь идет о современных диалектах – в звуковой форме на электронных носителях. Исполняющаяся на кантонском диалекте опера 越剧 (*yuèjù*) и музыкальное представление 南音 (*nányīn*) на южнофуцзяньских диалектах включены не только в общегосударственный список нематериального культурного наследия КНР, но также в состав мирового культурного наследия ЮНЕСКО [Завьялова, 2010].

Исходя из этих рассуждений, становится понятным, почему для китайцев из разных регионов угроза их диалекту равносильна угрозе их местным культурным особенностям и почему в повседневной жизни они всячески стараются их сохранять, широко используя в повседневной речи. Защита диалектов приравнивается к сохранению национальной памяти, а они сами рассматриваются как база для государственного языка и одновременно основополагающие языковые источники.

Китай: билингвизм и полилингвизм

На сегодняшний день Китай по-прежнему остается страной, где большинство населения успешно сохраняет билингвизм, используя один язык для дома, а второй для учебы или работы. Причем родной диалект рассматривается как «первый» язык, то есть «материнский» (*mǔyǔ* 母语), а путунхуа как второй или даже третий, изучаемый за пределами дома. Более того, все больше слышны голоса противников

госполитики по насаждению путунхуа и даже попытки сопротивления ей, как, например, в провинции Гуандун, где позиции кантонского языка всегда были и остаются очень сильными. [Усиленное распространение путунхуа, 2011]

Особенно сложная ситуация сложилась в регионах компактного проживания этнических меньшинств. С провозглашением Китайской Народной Республики были официально признаны 55 народностей (без учета этнического большинства, т.е. хань), многие из которых исторически владели несколькими языками. В середине 1950-ых гг. правительство создало семь рабочих групп из лингвистов для того, чтобы они проделали работу по идентификации этих языков. К 1966 г. было признано более 60 языков, а спустя еще 40 лет – уже более 120; в дальнейшем их количество достигло 298. Целью признания этих языков стало вовсе не желание наделять особыми правами языковые этнические меньшинства или сохранить лингвистическое многообразие, а необходимость использования их для распространения идеологической линии партии и правительства [Tang, 2015].

Сегодня уместно говорить о следующей классификации языков: 1) три этнические группы (хань, хуэй и маньчжуры) используют путунхуа в качестве родного языка; 2) 11 этнических групп (монголы, тибетцы, уйгуры, казахи, киргизы, корейцы, и, лаху, цзинпо, сибо и русские) используют свои родные языки и алфавиты; 3) остальные группы имеют только устную форму родного языка. Для всех трех видов характерно использование китайского иероглифического письма, хотя зачастую у них может иметься и свой родной алфавит, который может использоваться на начальных этапах обучения в школе перед переходом к китайскому письму [Education of Ethnic Minorities, 2006].

Несмотря на то, что китайские СМИ стараются изображать этническую гармонию, в стране в последние годы довольно остро встала проблема этнической и этно-лингвистической напряженности, особенно это характерно для двух из

пяти автономных районов Китая: Синьцзян-Уйгурского (СУАР) и Тибетского (ТАР), где обстановка сильно отличается от ситуации в других автономных районах и тем более от ситуации в провинциях Китая, где большинство составляют этнические ханьцы [Стремление КПК, 2017].

Одной из основных причин данного конфликта стало экономическое неравенство между большинством ханьцев и представителями национальных меньшинств. Однако такое неравенство и, как следствие, этническая напряженность являются результатом спонсируемых государством различных программ интеграции этнических регионов, в том числе и языковой интеграции, которые в культурно-языковом плане не привели к каким-либо заметным положительным результатам.

Проблема распространения китайского языка в этнических регионах приобрела двусторонний характер: с одной стороны, необходимо соблюдать гарантируемые Конституцией Китая [КПК в Тибете и Синьцзяне 2017] языковые права этнических меньшинств, а, следовательно, в большинстве своем обучение в школах должно вестись на местных языках, что и происходит во многих учебных заведениях. С другой стороны, политика государства направлена на распространение общеупотребительного языка, и предпринимаются попытки сократить количество часов, отведенных на изучение национальных языков в пользу путунхуа. Противоречивость данной ситуации заключается в том, что такой курс центральных властей в определенной мере отвечает интересам самих национальных меньшинств, так как хорошее владение путунхуа позволяет им быть конкурентоспособными на государственном рынке труда, а значит, влияет и на повышение уровня жизни населения этнических регионов. При этом такая политика вызывает недовольство местных защитников национальной идентичности.

В поисках необходимого баланса Пекин проводит двуправленную политику, сводящуюся к тому, что обучение в

школах должно идти как на национальных языках, так и на государственном языке. Однако на деле ситуация в учебных заведениях складывается по-разному. В ряде мест, где путунхуа должен быть языком преподавания, это не соблюдается, ввиду того, что не хватает достаточного количества учителей, которые бы свободно на нем говорили и сдали экзамен на необходимый для преподавания уровень. В других местах, наоборот, идет перекося в сторону обучения на путунхуа в ущерб местным языкам и местной культуре, что порождает резко негативные настроения в среде этнических меньшинств и заставляет их активнее сопротивляться натиску государственного языка.

Кроме того, общая проблема как для этнических регионов, так и в целом для всей страны, состоит в том, что немалую сложность для улучшения ситуации создает возрастной фактор: старшее поколение учителей не может переучиваться говорить на путунхуа, чтобы преподавать на нем в учебных заведениях. И если в младших классах чаще работают учителя более молодого возраста, то преподаватели старшей школы – это обычно представители старшего поколения, для которых путунхуа является фактически иностранным языком, который они отдельно никогда не изучали. Безусловно, это замечание справедливо не только для преподавателей, но и в целом для всех представителей старшего поколения, за исключением тех, кто по возрасту уже успел попасть под государственную политику по распространению путунхуа и сдать соответствующий экзамен на его определенный уровень, необходимый для работы в той или иной сфере (обычно это люди, которым не более 40 лет).

Если рассуждать о проблеме обучения на национальных языках в ущерб преподаванию государственного, то надо отметить, что в дополнение к нехватке преподавательских кадров, еще одной важнейшей причиной дефицита владения путунхуа в регионах проживания нацменьшинств является проблема законодательного противоречия. Согласно Закону

об образовании [Закон об образовании, 2015; Law, Article 10], все учебные заведения должны использовать путунхуа в качестве языка обучения, но при этом законодательно допускается использование двух языков: государственного и национального (то есть билингвистическое обучение).

Данная непоследовательность языковой политики прослеживается, например, в отношении письменной формы уйгурского языка. В 1959 году Китай принял решение о внедрении в Синьцзяне английского алфавита. В 1982 году на волне отказа от многих направлений политики Мао Цзэ-дуна во время культурной революции Китай решил от него отказаться, и в Синьцзяне вернулся арабский вариант написания. Это решение временно удовлетворило стремление уйгурских интеллектуалов к этническому равенству, но посеяло еще одно зерно для этнического сепаратизма [Tang, He, 2010].

Проведение двуязычной политики в области образования свойственно для многих стран мира с регионами компактного проживания этнических меньшинств, и Китай здесь не исключение. Однако в двуязычном образовании в Китае спецификой является то, что этнические языки являются языками обучения, а путунхуа – вторым или даже иностранным языком для некоторых этносов. При этом, когда ресурсы ограничены, он часто игнорируется. Для сравнения: в такой стране, как Сингапур, английский язык является основным языком обучения, а этнические языки (китайский, тамильский и малайский) преподаются как вторые [Tang, He, 2010].

Трудности в изучении путунхуа создали серьезный барьер для учащихся из числа представителей нацменьшинств в области социальной мобильности в среде, в которой доминирует население (по большей части хань), владеющее государственным языком на более высоком уровне. С другой стороны, акцент на изучении национального языка укрепляет групповую идентичность национальных меньшинств, привыкших к идее этнического равенства, распро-

страняемого официальной пропагандой. Если же представители национальных меньшинств не могут трудоустроиться, они склонны объяснять отказ со стороны работодателей своей этнической принадлежностью и обвиняют правительство в дискриминации. Одновременно с этим в условиях рыночной экономики в Китае, в которой поощряется индивидуальная конкуренция, люди зачастую критикуют себя за то, что у них нет необходимых навыков для успеха. Из-за недостаточно высокого уровня владения путунхуа учащиеся из числа представителей нацменьшинств после окончания средней школы оказываются в невыгодном положении по сравнению с выпускниками из регионов, где большинство составляют хань. Обычно они проводят как минимум один дополнительный год в колледже, чтобы подтянуть свой уровень путунхуа, но затем начинают отставать от своих ханьских коллег. На рынке труда они сталкиваются с трудностями в получении достойно оплачиваемых рабочих мест.

Таким образом, в автономных районах СУАР и ТАР этнические меньшинства имеют право придерживаться своих традиций и развивать собственную культуру, школьники могут обучаться на родном языке. Однако эти привилегии, не подкрепленные нужным экономическим фундаментом, приводят к тому, что дети, вырастая, недостаточно знают путунхуа, а без определенного уровня владения им очень сложно поступить в престижные университеты страны и найти достойную работу.

С другой стороны, отчаянные попытки государства усилить преподавание на путунхуа и расширить области его распространения в этнических регионах повлекли за собой проблему вытеснения языков национальных меньшинств и подавления местной культуры, что, в свою очередь, вызывает сильнейшее недовольство в этой среде и способствует радикализации настроений.

С 2011 г. в СУАР было провозглашено «билингвистическое обучение», однако при этом упор в учебных заведениях

делался на путунхуа [Education in Xinjing, 2015]. Следствием такой политики стало то, что большинство школ сконцентрировались только на китайском языке и литературе за исключением нескольких часов в неделю занятий по уйгурской литературе. Все эти шаги были связаны с всплеском этнических настроений, радикализацией исламского экстремизма и ростом его влияния на национальную молодежь. Председатель Си Цзинь-пин подчеркивал, что такая политика государства является одним из способов борьбы с терроризмом и объяснял это тем, что лучшее образование служит существенным вкладом в долгосрочную стабильность в регионе. Такие школы, как образцово-показательная Миндэ (*Míngdé* 明德), где отряды детей носят красные галстуки, юных пионеров (пионерия – это младшая ступень Компартии), воплощают надежды правительства на усмирение региона и повышают шансы учащихся выбраться из нищеты и сделать карьеру в крупных «ханьских» городах [Education of Ethnic Minorities, 2006].

В Автономном районе Внутренняя Монголия попытки внедрить изучение монгольского, китайского и английского языков одновременно, начиная с младшей школы, не способствовали тому, чтобы уровень образования соответствовал требованиям времени. Многие учебники были переведены с китайского языка на монгольский, что осложнило их восприятие и снизило уровень распространения монгольского языка. Часы его изучения были сокращены ради изучения китайского и английского языков, при этом качество их преподавания по-прежнему остается крайне низким [Borjigin, 2014]. Такая ситуация схожа с тем, как обстоят дела в СУАР и ТАР, за исключением разве что острого религиозного фактора, однако, она остается крайне сложной и требует от центрального правительства поиска конкретного подхода к ее решению.

Что касается ТАР, то крайняя бедность и отсталость тибетского региона заставляют Пекин искать не только эконо-

мические подходы, но и делать ставку на повышение качества образования, которое также базируется на «билингвистическом обучении». Сохранение тибетского языка во многом основывается на изучении его в школах, однако китайская система обучения нацелена на скорейшую ассимиляцию тибетцев [Kolås, 2003] как раз через школьную систему образования. Как говорят тибетские критики о внедрении китайского школьного образования: «Больше, чем где-либо еще в обществе, школа стала тем местом, где тибетский ребенок учится становиться китайцем» [Kuzmin, 2010]. Однако тибетцы не смеют открыто сопротивляться насаждению путунхуа и вытеснению родного языка, как это происходит, например, в Гуанчжоу в защиту активно вытесняемого кантонского языка [Лингвисты Университета, 2015]. Связано это в первую очередь с тем, насколько радикально реагирует Пекин на любые попытки активизации тибетцев в отстаивании своих прав, включая аресты, посадки в тюрьмы и обвинения участников акций в сепаратизме и стремлении к отделению Тибета от Китая [Юй, 2009].

Некоторые наблюдатели считают, что можно говорить о том, что это «кантонское» движение в провинции Гуандун инициировало и поощрило тибетское движение в защиту «тибетского языка». По их мнению, общее между ними состоит в том, что люди и там, и там борются за свои равные языковые права. Они сталкиваются с одной и той же проблемой: из-за усиления путунхуа кантонский и тибетский языки находятся под угрозой деградации и упадка. В то же время, новая политика, подготовленная и проводимая властями, может привести к тому, что оба языка окажутся на грани исчезновения [Мо, 2010].

Однако кантонский, в отличие, например, от тибетского, официально считается не отдельным языком, а одним из крупнейших китайских диалектов, с которым его роднят общие иероглифика и грамматика, а различаются они только в плане произношения. К тому же, носители кантонского язы-

ка в целом признают свою общую с ханьцами национальную идентичность, поэтому борьба за права кантонского языка лежит в плоскости спора между «сильным» языком и «слабым» языком и вряд ли может привести к национальному конфликту.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что с одной стороны, чрезмерно мягкая языковая политика Китая приводит к тому, что ученики из числа представителей нацменьшинств с большим трудом поступают в университеты и находят хорошую работу. Их доход ниже, чем у большинства ханьцев. Это вызывает их недовольство, и они склонны обвинять центральные власти в этнической дискриминации. Казалось бы, чтобы решить эту проблему, необходимо проводить более жесткую политику по распространению путунхуа. Однако очевидно, что такое решение столкнется с еще большей критикой тех, кто недоволен этнической политикой в стране по вытеснению языков этнических меньшинств и нарушением их культурно-лингвистических прав. Если в других частях Китая, например в городах Гонконг и Шанхай, для которых путунхуа не родной язык, его изучение, действительно, «открывает двери» в остальной Китай, то для уйгуров, тибетцев и жителей Внутренней Монголии, даже для тех, кто свободно говорит на китайском языке, очень сложно интегрироваться в ханьское общество, что во многом объясняется не только высочайшим уровнем конкуренции в Китае, но и некоторой предубежденностью ханьцев к другим этносам. Исходя из этих наблюдений, некоторые обозреватели даже заговорили о провале языковой политики в этих регионах. [Tang, 2015; Tang, He, 2010]

В конечном счете, главной задачей для центральных властей становится поиск компромисса между сохранением языка и культурной самобытностью нацменьшинств и улучшением их экономических возможностей.

Распространение путунхуа: посыл для выхода на международную арену

Параллельно с активной государственной политикой по продвижению путунхуа идет и острая общественная дискуссия о роли государственного языка в укреплении позиций страны в мире и о месте диалектов в новых политических реалиях. Ареной для общественной дискуссии стали как различные научные площадки, так и средства массовой информации, а также популярные шоу и передачи. В рамках политики по распространению путунхуа широкие масштабы набирает проект по переозвучиванию фильмов и сериалов, выпущенных еще до взятия официального курса на внедрение государственного языка. Те фильмы и сериалы, которые снимаются сейчас, не допускаются к эфиру, если герои в них не говорят на путунхуа. Старые ленты, особенно те, которые обладают важным пропагандистским значением и посвящены революции, борьбе с гоминьданом, антияпонской войне, личности Мао Цзе-дуна, образованию КНР и тому подобным темам, подвергаются переозвучиванию, на что идет значительное государственное финансирование [Jubb, 2017]. Прежде всего, переозвучиванию подвергаются кантонские фильмы, что вызывает большое недовольство у зрителей, особенно кантонского происхождения.

Большую роль в общественной дискуссии о распространении путунхуа играют и те, чей голос звучит не так академично, однако при этом может достигать до сердец многих людей и быть услышанным как по всей стране, так и за ее пределами. Среди тех, кто выступает в защиту использования диалектов, особенно выделяется известная медийная персона и теле-ведущий Ван Хань (*Wāng Hán* 汪涵), который, владея более чем двадцатью диалектами, несмотря на риск для своей успешной карьеры, не только активно использует их в эфире своих передач, чтобы популяризировать их, но и также финансирует запущенный им проект по со-

хранению диалектов. Его пример является показательным и служит ориентиром для тех, кто стремится защищать и сохранять диалекты.

Ван Хань, наблюдая за детьми, обнаружил, что независимо от того, откуда эти дети и где они живут, они в большинстве своем уже не понимают или не говорят на диалекте своего родного города. Он высказал опасение, что вскоре многие дети будут говорить только по-китайски и по-английски, и это, с его точки зрения, очень печально, потому что каждый диалект представляет собой региональную культуру и является системой знаний, а смерть диалекта равносильна гибели этой системы. По мнению Ван Ханя, «путунхуа может заставить вас идти дальше, может сделать вашу жизнь более удобной, но диалекты помогают вам не забывать, с чего вы начинали. Путунхуа позволяет вам без проблем общаться, а диалект заставляет вас чувствовать бесконечное родство и тепло. Диалект играет свою чрезвычайно значительную роль: это тысячи лет человеческой мудрости и кристаллизации народной жизни» [Ван Хань, 2017].

В качестве примера Ван Хань вспоминает важнейшее политическое событие в жизни Китая: «Что, если однажды мы внезапно услышим голос Председателя Мао с площади Тяньаньмэнь 1 октября 1949 года объявившего о создании Китайской Народной Республики, но который лишился вдруг своего сильного хунаньского акцента? Будет ли это тот же голос и не потеряет ли это событие неотъемлемые элементы прошлого?» С помощью этого примера Ван Хань пытается донести до своей аудитории важность идеи о том, что удобство коммуникации – это надстройка, но базисом должны выступать теплота и сердечность общения, то есть все то, что сохраняют «домашние» диалекты. Два года назад Ван Хань вложил 4,65 млн. юаней из собственных средств и запустил в провинции Хунань рассчитанный на период в 5–10 лет проект по сохранению диалектов «Эхо», нацеленный на сбор и исследование аудио- и видео-записей диалектов, с целью со-

хранить информацию о них в Музеи гуманитарных наук провинции Хунань [Ван Хань, 2017].

Безусловно, у таких людей, как Ван Хань, есть множество оппонентов, которые, среди аргументов против сохранения диалектов в ущерб распространению государственного языка приводят довод о том, что путунхуа значительно упрощает коммуникацию. В своих рассуждениях они выходят на более глобальный уровень рассмотрения, поднимая вопрос о том, сможет ли Китай стать мировой державой «номер один», а китайский язык потеснить или полностью заменить английский в качестве языка международного общения.

Различные мнения по этому вопросу можно свести к двум основным: те, кто выступают за возможность глобального распространения китайского языка, основываются на росте экономической мощи Китая. Противники же указывают на сложность китайского языка как для самих китайцев, так и для изучения иностранцами. Среди основных трудностей называются голосовые тоны и небуквенная система письменности, что делает этот язык архаичным, плохо-воспринимаемым на слух и трудно-воспроизводимым для чтения.

Для ученика, родным языком которого является язык с буквенной системой, более обычным является изучение другого языка с буквенными символами. Английский с точки зрения произношения и грамматики – относительно простой язык и обладает удобной системой для выражения информации, что делает его наиболее подходящим для изучения. Можно предположить, что два человека, которые говорят на разных языках, исходя из условия, что сложность их родных языков превалирует, предпочтут английский как наиболее подходящий инструмент для установления коммуникации. Если это число увеличить и взять, например, троих людей, то им нет необходимости, чтобы каждый понимал два других языка, поскольку английский служит общим для всех троих «четвертым» языком и тем самым создает универсальную

лингвистическую среду, комфортную для носителей любого другого языка. Китайский по причине своей трудности на сегодня не способен стать над-языком и формировать наиболее оптимальную лингвистическую среду. На нынешнем этапе в таком качестве его пытаются применять пока лишь на территории материкового Китая, но даже в рамках одного государства этот процесс пролонгирован на десятилетия и продвигается с большими трудностями.

Кроме того, важную роль в распространении языка играет и культурный фактор. Влияние современного общества, западной культуры и образа жизни на мир очевидно. Одним из важнейших каналов модернизации и вестернизации послужили СМИ, через которые западное англоязычное культурное влияние распространяется на весь мир. Большинство достижений современной академической науки и различных видов искусств происходят из западной цивилизации, а культурный контент, распространяемый через западные языки, такие как английский, имеет большое влияние в мире. Предположим, что если восточная цивилизация стала бы оказывать подобное влияние на образ жизни и понимание мира, возможно ли было бы, что ее влияние стало глобальным?

На сегодняшний день культурное влияние Китая явно не столь велико, как англоязычного мира, и распространяется разве что только на часть восточной и юго-восточной Азии. Другое дело, что влияние английского языка сложилось не за десять лет и даже не за несколько десятилетий, и этому способствовал целый ряд различных экономических и геополитических факторов. Однако китайский язык на сегодня обладает лишь мощным экономическим рычагом, что служит наглядной демонстрацией того факта, что экономического потенциала без мощной культурной и языковой составляющей пока недостаточно для абсолютного доминирования на мировой арене.

За годы Культурной революции традиционная культура потеряла свой престиж, уступив место экономическим фак-

торам и стремлению к накоплению и потреблению. Что же касается языка, то молодой государственный китайский язык пока еще только ищет приемлемые пути к завоеванию своего доминирующего места внутри страны и лишь делает робкие попытки выхода на международный уровень в виде популяризации изучения китайского языка в других странах.

В настоящее время в Организации Объединенных Наций имеется шесть рабочих языков: английский, китайский, французский, испанский, русский и арабский. Применение китайского языка возможно только на определенном уровне, ограниченном Китаем (сюда можно включить районы Гонконга и Макао), Тайванем, Сингапуром и некоторыми районами восточной и юго-восточной Азии. В сравнении с китайским языком французский, испанский и русский языки более универсальны, что возможно, стало результатом их географических завоеваний (франко-язычная Африка, испано-язычная Южная Америка, русско-язычные Восточная Европа и Центральная Азия). Арабский язык благодаря религиозному фактору распространился по всему Ближнему Востоку и Северной Африке и также был включен в рабочие языки ООН. Однако среди всех этих шести языков английский язык является самым простым.

Таким образом, с целью дальнейшего развития китайского языка и использования его Китаем для выхода на глобальный уровень доминирования Пекину необходимо в первую очередь утвердить его в качестве единого национального языка всего китайского народа. Такой статус в дальнейшем мог бы позволить путунхуа претендовать на роль межгосударственного языка и инструмента международного общения, даже несмотря на его архаичность и сложность для изучения [Завьялова, 2010].

В рамках решения этой задачи вполне логичными выглядят все более активные действия китайских властей в поддержку государственного языка в стране и за ее пределами. Несмотря на сопутствующие проблемы, возникающие на

фоне его продвижения как в этнических регионах, так и в других городах и провинциях, где сильны позиции национальных языков, правительство все более активизирует распространение путунхуа и расширяет масштабы его внедрения и применения, согласно планам, разработанным на годы вперед.

Согласно предписанию государственной комиссии по языку Министерства Образования КНР, изложенному в «Плане развития письменности на «тринадцатую пятилетку»» (*Guójiā yǔyán wénzì shìyè “shísānwǔ” fāzhǎn guīhuà* 《国家语言文字事业 “十三五” 发展规划》) [Государственная комиссия по языку, 2016; Специалисты комментируют «План», 2016], к 2020 г. в стране необходимо на базовом уровне популяризировать китайский язык, всесторонне повысить информативность иероглифической письменности и ее способность соответствовать требованиям государства, а также соотнести возможности путунхуа с общей мощью государства. В плане есть пункт о полномасштабном повышении уровня распространения путунхуа в национальных регионах, улучшении системы преподавания письменности и расширении возможностей ее применения [Государственная комиссия по языку доводит до сведения, 2016].

Вывод

Язык – это не только инструмент общения, но и важнейший политический инструмент, от жизнеспособности языка зависит будущее нации. Созданный «сверху» и искусственно насаждаемый путунхуа уже укоренился в сознании китайского народа, однако на его пути стоят как местные языки и диалекты, так и факторы экономической диверсификации и религиозной разобщенности.

Общественная дискуссия сводится к следующему: очевидно, что повсеместное насаждение путунхуа будет все больше набирать обороты и выходить на новые уровни, сле-

довательно, возникает ряд вопросов: насколько большую угрозу несет он диалектам, сохранятся ли они и, если да, то какое место они будут занимать в государстве с единым официальным языком.

Китай определил стратегию развития путунхуа на ближайшую пятилетку и уже к 2020 г. будет анализировать результаты ее воплощения. В рамках реализации этого плана в стране проходят массовые мероприятия, главным образом, в учебных заведениях, направленные на распространение и популяризацию путунхуа. Для этой же цели привлекаются и СМИ, а также известные политики и медийные фигуры.

Перед Китаем стоит задача поиска баланса между существующим жестким централизованным правлением и необходимостью сохранять язык, культуру и религию национальных меньшинств. Однако в ближайшие десятилетия либерализация Китая в вопросе наделения автономных регионов политическими правами видится довольно маловероятной, а политика по укреплению единства государства с помощью общеупотребительного языка путунхуа будет проводиться также интенсивно, оставляя диалектам все меньше пространства для существования.

Таким образом, общественная обеспокоенность в основном концентрируется на том, какие колебания происходят во взаимоотношениях между путунхуа и диалектами, а также на вопросе о возможности сохранения диалектов на локальном уровне в условиях дальнейшего распространения путунхуа как одной из важнейших составляющих усиления мощи государства и его более глубокой интеграции в международное сообщество.

Учитывая цивилизационную роль и особую значимость китайских диалектов для культуры страны, китайским властям необходимо найти приемлемый баланс между сохранением культурно-лингвистического наследия страны, с одной стороны, и дальнейшим проведением политики по распространению путунхуа, с другой стороны. Цели и задачи, кото-

рые стоят перед современным китайским государством, однозначно диктуют необходимость активного насаждения и популяризации единого языка, что будет способствовать достижению амбициозных планов Китая не только по доминированию в Азии, но и выходу на международную арену в качестве государства с универсальной цивилизацией и языком, способным потеснить с главенствующих мировых позиций США и заменить английский язык, являющийся сегодня международным универсальным инструментом коммуникации.

Казалось бы, прагматизм официального Пекина не оставляет диалектам исторического шанса, однако в случае укрепления гражданского общества в Китае, преодоления этапа материального накопления и повышения вслед за этим значимости для страны культуры и нематериальных ценностей, вполне вероятно, что в обществе будет уделяться более пристальное внимание сохранению диалектов, являющихся важными элементами древней китайской цивилизации. Характерные для Китая гибкость подходов и ориентация на поиски компромиссов позволяют допускать возможность дальнейшего сосуществования официального языка и диалектов, чья роль будет сведена к декоративно-культурологической, по аналогии с сосуществованием в рамках китайской нации этнического большинства хань и национальных меньшинств как ее неотъемлемых микроэлементов.

Однако, какое бы место ни было отведено диалектам в будущем государства, роль и значение путунхуа для укрепления единства и мощи Китая в его ближайших и отдаленных перспективах останутся неоспоримыми.

ЛИТЕРАТУРА

Атлас языков Китая / Персональная библиотека (Zhōngguó yǔyán dìtú jí / Gèrén túshūguǎn 中国语言地图集 / 个人图书馆 [Электронный ресурс]. URL: http://www.360doc.com/content/12/1117/21/156610_248467216.shtml (дата обращения: 07.10.2017).

Браун О. Китайские записки (1932–1939) / Перевод с нем. М.: Политиздат, 1974. 307 с. с ил.

Ван Хань передал 5 миллионов [юаней] на дело защиты диалектов: дети не должны знать только мандарин и английский / Синьхуа (Wāng Hán tāo 500 wàn bǎohù fāngyán: Háizi bùnéng zhǐ huì pǔtōnghuà yīngyǔ / Xīnhuá wǎng) 汪涵掏500万保护方言:孩子不能只会普通话英语 / 新华网, 06.05.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.sina.cn/gn/2017-05-06/detail-ifyeucfp9293179.d.html?from=wap> (дата обращения: 10.10.2017).

Государственная комиссия по языку доводит до сведения общественности «План развития письменности на «тринадцатую пятилетку»», Министерство Образования КНР (Guójiā yǔ wèi guānyú yīnfā “Guójiā yǔyán wénzì shìyè “shísānwǔ” fāzhǎn guīhuà” de tōngzhī, Jiàoyù bù), 国家语委关于印发《国家语言文字事业 “十三五”发展规划》的通知, 教育部, 08.10.2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A18/s3127/s7072/201609/t20160913_281022.html (дата обращения: 01.10.2017).

Государственная комиссия по языку опубликовала «План развития письменности на «тринадцатую пятилетку»», Министерство Образования КНР (Guójiā yǔwèi fābù “Guójiā yǔyán wénzì shìyè “shísānwǔ” fāzhǎn guīhuà”, Jiàoyù bù) 国家语委发布《国家语言文字事业“十三五”发展规划》, 教育部, 08.10.2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.moe.gov.cn/s78/A18/A18_zt/zl/ztl_ssw/201610/t20161008_283161.html (дата обращения: 16.09.2017).

Егорова М.А. Политика Китая в области распространения государственного языка путунхуа как стратегия укрепления национального единства страны // Цивилизация. Модернизация. Идентичность: материалы международного научного симпозиума (Москва, 27–28 ноября 2012 г.). М.: Издательский дом МЭИ, 2012. 272 с. Редакционная коллегия: Акад. М.К. Горшков – ответственный редактор, проф. А.Л. Андреев, проф. А.С. Железняков, проф. М.М. Мчедлова. Отв. за выпуск: Е.Н. Кофанова.

Завьялова О.И. Языковая ситуация и языковая политика в КНР, 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ifes-ras.ru/attaches/books_texts/Zavyalova_Language_situation_in_PRC.pdf (дата обращения: 06.10.2017).

Закон об образовании / Синьхуа (Zhōnghuá Rénmín Gònghéguó jiàoyùfǎ / Xīnhuá wǎng) КНР 中华人民共和国教育法 / 新华网, 2015.12.28 [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/2015-12/28/c_1117592219.htm (дата обращения: 24.09.2017).

«Исторические хроники модернизации китайского языка за столетний период (1892–1995)» под ред. Фэй Цзинь Чхана, Пекин: Издательство Грамота, 1997. с. 219. с. 171. («Zhōngguó yǔwén xiàndàihuà bǎinián jìshì

(1892–1995)” Fèi Jīnchāng zhǔbiān, Běijīng: Yǔwén chūbǎnshè 1997 niánbǎn, dì 219 yè. Dì 171 yè). 《中国语文现代化百年纪事 (1892–1995) 》费锦昌主编, 北京: 语文出版社1997年版, 第219页. 第171页。

Каплунова М.Я. Языковая политика и функциональное развитие языков в КНР / автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://iling-ran.ru/avtoreferats/kaplunova.pdf> (дата обращения: 08.09.2017).

Конституция Китайской Народной Республики (полный текст) / Народный портал (Zhōnghuá Rénmín Gònghéguó xiànfǎ (quánwén) / Rénmín wǎng) 中华人民共和国宪法 (全文) / 人民网, 2004.03.15 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.people.com.cn/GB/shehui/1060/2391834.html> (дата обращения: 17.08.2017).

КПК в Тибете и Синьцзяне развивает политику «Поддержания единства страны» / Голос Тибета (Zhōnggòng zài Xīzàng Xīnjiāng tuīguǎng pǔtōnghuà fāhuī “wéihù guójiā tóngyī” / Xīzàng zhī shēng) 中共在西藏新疆推广普通话发挥“维护国家统一” / 西藏之声, 25.01.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vot.org/cn/中共在西藏新疆推广普通话发挥维护国家统一/> (дата обращения: 23.08.2017).

Лингвисты Университета Британской Колумбии критикуют правительство Китая за то, что оно стоит за угрозой кантонскому диалекту (UBC yǔyán xuéjiā pēngjī Zhōngguó zhèngfǔ guǎnzhì yuèyǔ bīnwēi) UBC 语言学家 抨击中国政府管制粤语濒危 / bcbaynews, 2015-05-01 [Электронный ресурс]. URL: <http://m.bcbay.com/news/2015/05/01/328752.html> (дата обращения: 30.08.2017).

Ло Фухэ: Непонимание со стороны СМИ понятий «китайский язык» и «путунхуа» влияет на национальное единство (Luō Fùhé: Méití fēnbùqīng “hànyǔ” hé “pǔtōnghuà” yǐngxiǎng mínzú tuánjié / Fènghuáng wǎng zīxùn) 罗富和: 媒体分不清“汉语”和“普通话” 影响民族团结 / 凤凰网资讯, 02.03.2017 [Электронный ресурс]. URL: http://news.ifeng.com/a/20170302/50748562_0.shtml (дата обращения: 31.08.2017).

Лю Дань, Мэн Бои «Министрево Образования: К 2050 году добиться того, чтобы путунхуа распространился по всей стране» (Liú Dān, Mèng Bóyí “Jiàoyù bù: Dào 2050 nián zhēngqǔ zài quánguó fànwéi nèi pǔjí pǔtōnghuà”) 刘丹, 孟博怡 “教育部: 到2050年争取在全国范围内普及普通话” / xinhuanet.com, 14.09.2005 [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/zhengfu/2005-09/14/content_3487136.htm (дата обращения: 14.10.2017).

Мо Ли: В поддержку Тибета - Культура, которую начали развивать дети, сама спасется / Невидимый Тибет (Mò Lì: Chēng Zàngyǔ – Házizimen fāqǐ de wénhuà zìjiù/ kàn bùjiàn de Xīzàng) 茉莉：撑藏语 – 孩子们发起的文化自救 / 看不见的西藏, 16.12.2010 [Электронный ресурс]. URL: http://woeser.middle-way.net/2010/12/blog-post_16.html (дата обращения: 05.10.2017).

Модернизация китайского языка и письменности (Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII. Языкознание в Китае. - М., 1989. - С. 376-398) [Электронный ресурс]. URL: http://www.philology.ru/linguistics4/czhou_yuguan-89.htm (дата обращения: 15.10.2017).

Обзор китайского языка / Министерство образования Китайской Народной Республики (Zhōngguó yǔyán wénzì gài kuàng / Zhōnghuá rénmín gònghéguó jiàoyù bù) 中国语言文字概况 / 中华人民共和国教, 2015-06-10 [Электронный ресурс]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/s5990/201506/t20150610_189893.html (дата обращения: 11.10.2017).

Регионы Китая / Zhongguo wang / Russian. China. Org. Cn. [Электронный ресурс]. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/province-new/node_2188967.htm (дата обращения: 27.09.2017).

Слоганы, призывающие к распространению путунхуа (Tuǐpǔ kǒuhào) 推普口号 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duanmeiwen.com/kouhao/36501.html> (дата обращения: 25.08.2017).

Современная ситуация в сфере распространения путунхуа в регионах, где господствуют диалекты, а также советы и рекомендации / Молодой литератор (Fāngyán dìqū tuīguǎng pǔtōnghuà de xiànzhuàng yǐjiàn yì / Qīngnián wénxué jiā) 方言地区推广普通话的现状以及建议 / 青年文学家, 31.03.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fx361.com/page/2017/0331/1436571.shtml> (дата обращения: 10.10.2017).

Специалисты комментируют «План развития письменности на «тринадцатую пятилетку»», Госсовет КНР (Zhuānjiā jiědù “Guójiā yǔyán wénzì shìyè “shísānwǔ” fāzhǎn guīhuà”, Zhōnghuá Rénmín Gònghéguó Zhōngyāng Rénmín Zhèngfǔ) 专家解读《国家语言文字事业“十三五”发展规划》, 中华人民共和国中央人民政府, 02.10.2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2016-10/02/content_5114672.htm (дата обращения: 06.10.2017).

Стеженская Л.В. Ажурная мысль китайской словесности. Литературная концепция Лю Се по избранным главам (Вэнь синь дяо лун). М., 2015. 316 с.

Стремление КПК к «языковому отибечиванию» Тибета через политику «двуязычного образования» встретило горячие споры, которые неожиданно были запрещены / Голос Тибета (Zhōnggòng “shuāngyǔ jiàoyù” qūxiàng “qù zàng yǔ huà” Xīzàng mínzhòng rè yì què zāo jìn shēng / Xīzàng zhī shēng) 中共“双语教育”趋向“去藏语化”西藏民众热议却遭噤声 / 西藏之声, 13.04.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vot.org/cn/> 中共双语教育趋向去藏语化西藏民众热议 / (дата обращения: 30.09.2017).

Тин Ин: Происхождение путунхуа / Китайский научный портал (Tīng Yíng Pǔtōnghuà de yóulái / Zhōngguó guóxué wǎng) 汀滢: 普通话的由来 / 中国国学网, 2008.05.09 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.confucianism.com.cn/html/hanyu/5243696.html> (дата обращения: 04.10.2017).

Усиленное распространение путунхуа в провинции Гуандун носит политический характер / Взгляд на Китай (Guǎngdōng qiángxíng tuīguǎng pǔtōnghuà yǒu zhèngzhì yìtú / Kàn Zhōngguó) 广东强行推广普通话有政治意图 / 看中国, 19.12.2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.secretchina.com/news/gb/2011/12/19/433522.html> (дата обращения: 11.10.2017).

Юй Гэ: Телевизионная драма как метафора о споре за власть между путунхуа и диалектами / Восточная утренняя газета (Yǔ Gē: Yíngshìjù pǔtōnghuà yǔ fāngyán zhī zhēng de quánlì yǐnyù / Dōngfāng zǎobào) 羽戈: 影视剧普通话与方言之争的权力隐喻 / 东方早报, 2009.07.27 [Электронный ресурс]. URL: http://news.ifeng.com/opinion/society/200907/0727_6439_1269945.shtml (дата обращения: 05.10.2017).

«Я китайский малыш и я люблю говорить на путунхуа» (Wǒ shì Zhōngguó wá, ài shuō pǔtōnghuà) “我是中国娃，爱说普通话”, 10.10.2016 [Электронный ресурс]. URL: http://pengy.hpe.cn/News_View.asp?NewsID=1208 (дата обращения: 12.10.2017).

Borjigin M. A case study of Language education in the Inner Mongolia, 2014-09 [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20151016091736/http://mitizane.ll.chiba-u.jp/metadb/up/AA11256001/21857148_16_17.pdf (дата обращения: 16.10.2017).

Education in Xinjiang. Tongue-tied / The Economist, 27.06.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economist.com/news/china/21656216-teaching-ughur-children-mandarin-will-not-bring-stability-xinjiang-tongue-tied> (дата обращения: 18.09.2017).

Education of Ethnic Minorities in Contemporary China, April 14-15, 2006 [Электронный ресурс]. URL: <https://case.edu/affil/tibet/moreTibetInfo/documents/Bilingual4.pdf> (дата обращения: 28.09.2017).

Jubb N. Q&A With Voice Artist on Why Dubbing Will Never Die / Sixth Tone, 21.01.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sixthtone.com/news/1700/q%26a-with-voice-artist-on-why-dubbing-will-never-die> (дата обращения: 26.09.2017).

Kolås Å. Teaching Tibetan in Tibet: Bilingual Education Is Survival / Cultural Survival Quarterly Magazine, September, 2003 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culturalsurvival.org/publications/cultural-survival-quarterly/teaching-tibetan-tibet-bilingual-education-survival> (дата обращения: 14.10.2017).

Kuzmin S.L. Hidden Tibet: History of Independence and Occupation / Edited by Andrey Terentyev. S. Petesburg, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://savetibet.ru/img/2010/tibet-book-eng.pdf> (дата обращения: 16.10.2017).

Law of the People's Republic of China on the Standard Spoken and Written Chinese Language, Article 10. [Электронный ресурс]. URL: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/Law/2007-12/11/content_1383540.htm (дата обращения: 21.08.2017).

Spolsky B. Language and Public Policy. Language management in the People's Republic of China / Linguisticsociety.org, 08.06.2014 [Электронный ресурс]. URL: https://www.linguisticsociety.org/sites/default/files/02e_90.4Spolsky.pdf (дата обращения: 09.10.2017).

Tang W. Language policy and ethnic conflict in China / The Online Journal of the China Policy Institute, 13.02.2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://cpianalysis.org/2015/02/13/language-policy-and-ethnic-conflict-in-china/> (дата обращения: 13.10.2017).

Tang W., He G. Separate But Loyal: Ethnicity and Nationalism in China / Policy Studies. No. 56. Honolulu: East-West Center, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eastwestcenter.org/system/tdf/private/ps056.pdf?file=1&type=node&id=32427> (дата обращения: 16.10.2017).

Wong C. Hong Kong and China: The Language Barrier / The Diplomat. 18.08.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://thediplomat.com/2016/08/hong-kong-and-china-the-language-barrier/> (дата обращения: 14.10.2017).

Глава 3

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН

Каменева Марина Самуиловна

Российский университет дружбы народов, кафедра иностранных языков
факультета гуманитарных и социальных наук;
кандидат филологических наук;
доцент; доцент кафедры иностранных языков

Ключевые слова: Исламская Республика Иран; языковая политика; персидский язык; национальные языки; лексическое заимствование; Академия языка; международный аспект.

Исламская Республика Иран (далее – ИРИ) относится к числу многонациональных государств азиатского континента. На ее территории проживают представители более 40 крупных и малых народов, отдельных племен и этнических групп, говорящих, в основном, на иранских, тюркских и семитских языках. Иранские языки представлены помимо персидского курдским, белуджским, гилянским, мазендаранским, лурским, бахтиярским, татским, талышским, афганским (пушту), а также их многочисленными диалектами. Тюркоязычное население говорит на азербайджанском и туркменском языках, а также на диалектах, которыми пользуются тюркоязычные кочевые и полукочевые племена. Семитские языки на территории Ирана представлены диалек-

тами арабского языка, средства коммуникации среди арабов Ирана, и ассирийским языком, используемым иранскими ассирийцами. Особое место занимают языки, диалекты и говоры представителей этно-конфессиональных меньшинств – армян и евреев, которые используют внутри своих общин свои, отличные от вышеперечисленных, языки – соответственно восточно-армянский диалект армянского языка и еврейский персидский (или еврейский диалект персидского языка). Ведущая роль среди языков, функционирующих на территории Ирана, принадлежит персидскому языку, языку титульной нации (около 50% населения страны), государственному языку страны, что было официально зафиксировано в Конституции ИРИ 1979 г. [Конституция, 1979]. Неперсидское население Ирана в своей повседневной жизни часто вынуждено пользоваться персидским языком наряду с родным, и значительная часть иранцев, особенно в больших городах и вблизи них, двуязычно, а в отдельных районах страны, например в Иранском Азербайджане, даже владеет тремя языками.

Как в любой стране, отличающейся этнолингвистическим многообразием, существует большое количество проблем, охватывающих как сферу внутренней и социальной политики, так и область культурного развития страны. В ИРИ культура является важным компонентом государственно-политической и идеологической доктрины государства, а в культурном дискурсе существенную роль играет языковая политика. Любые изменения в иранской культурной политике ведут к определенным изменениям в языковой области.

Анализ и правильное понимание проводимой в современном Иране языковой политики, в том числе на фоне мировых глобализационных процессов, невозможны без краткого экскурса в историю вопроса. Языковое развитие в Иране испытало на себе влияние различных факторов, среди которых не последнее место занимали религиозная и националистическая идеология.

Известно, что в Иране на протяжении нескольких веков – начиная с середины УШ в., то есть со времени завоевания страны арабами и вхождения ее в состав Халифата, и вплоть до начала ХХ в., твердые позиции, которые занимал арабский классический язык, были связаны с прочным положением ислама и исламской идеологии в стране. Постепенно он становился не только культовым, но и языком науки, литературы, причем, как и латынь на Западе, в религии и науке арабский язык господствовал исключительно долго. Арабская письменность же до сих пор остается единственным средством записи персидских текстов. Ислам, постепенно становившийся религией большинства населения Ирана, способствовал укреплению позиций арабского языка. Вместе с тем к IX в. в Иране сложился литературный язык фарси или новоперсидский, близкий к родственным разговорным языкам – персидскому и таджикскому. В X в. новоперсидский язык приобрел уже широкое распространение в поэзии, а с середины X в. получил доступ и в научную литературу, хотя в последней арабский язык долго сохранял свое господствующее положение. Таким образом, наблюдалась постепенно развивающаяся тенденция локализации арабского языка в сфере религиозного общения.

К началу ХХ в. положение арабского языка изменилось, он локализовался в сфере религиозного общения, а его влияние на жизнь иранского общества уменьшилось, несмотря на то, что роль исламской идеологии и духовенства в жизни страны по-прежнему была значительной. Духовенство продолжало занимать ведущее положение в таких сферах общественной жизни, как делопроизводство, образование, причем до начала ХХ в. оно держало в руках не только религиозное, но и светское образование. Однако арабский язык в это время становится лишь языком молитв и частично проповедей в мечетях, религиозной литературы, изучается в мактабах, медресе и незамийе. Локализация арабского языка в сфере религиозного общения привела к тому, что приток арабских

заимствований в персидский язык к началу XX в. фактически прекратился.

С начала XX в. и на протяжении всего периода правления династии Пехлеви вплоть до исламской революции 1979 г. единственным государственным языком считался персидский, хотя в первой конституции страны 1906 г. не был законодательно закреплён статус ни одного из функционирующих на территории Ирана языков. Языковая политика этого периода в развитии страны, тесно связанная с политикой великодержавного иранского национализма и шовинизма, проводимой ее руководством, с одной стороны, способствовала ограничению сферы функционирования арабского языка. С другой, она была направлена на насильственное насаждение персидского языка среди инонационального населения Ирана и как результат на персификацию последнего. В основе такой политики лежала активно пропагандируемая иранской властью идея «единой иранской нации», обязательным компонентом которой являлся «один, общий язык». Известно, что государственный язык страны – персидский не являлся родным и средством коммуникации для большинства населения страны, которое отличалось от господствующей нации – персов также и по другим этническим признакам. Однако официальная пропаганда утверждала, что курды, лурь и представители других народов и племен являются чистыми персами с общим языком, различающимся лишь диалектами. Руководство Ирана всячески препятствовало использованию национальных языков в различных областях жизни неперсидских народов. Запрещалось преподавание национальных языков и обучение на них, воздвигались преграды на пути развития национальных литератур, вводились ограничения на использование национальных языков в средствах массовой информации. Исключение составляли лишь языки религиозных меньшинств. [Алиев, 1964, с. 49, 54]

Вместе с тем 20–30-е годы характеризуются проведением в жизнь реформ, отражающих ориентацию на Запад: ре-

организация системы просвещения и судебная реформа, секуляризация школ и другие. Европейские языки также получают определенную свободу в иранском обществе. Правящие круги Ирана достаточно спокойно относились к проникновению в Иран элементов западной цивилизации, понимая, что потребности современного производства определяют необходимость такой ориентации, и считая, что технические достижения Запада, в частности, окажут Ирану помощь в более короткие сроки выйти из состояния вековой отсталости и занять подобающее место на мировой арене. Однако прозападные реформы способствовали ослаблению роли ислама в стране и нанесли серьезный ущерб иранскому духовенству, оппоненты которого стремились возродить и сохранить старые традиции, связанные, прежде всего, с доисламским прошлым страны. Эти тенденции получили отражение и в проводимой в стране языковой политике, которая проходила под лозунгом борьбы за «чистоту» персидского языка.

Локализация арабского языка в эти годы исключительно в сфере религиозного общения стимулировала превращение многих арабизмов в архаизмы, непонятные большинству населения Ирана и мешавшие эффективному общению. Вместе с тем, персидский язык, прежде всего его литературный вариант, засорялся западноевропейской лексикой, особенно часто употреблявшейся писателями, журналистами, государственными деятелями, чиновниками, молодежью. Причем патриотически настроенная иранская интеллигенция была встревожена, опасаясь негативных последствий этого явления. При этом нередко патриотические чувства значительной ее части перерождались в националистические, создавая определенные настроения в иранском обществе. Пуристические мероприятия также вызывали резкий протест духовенства, которое считало, что отказ от использования арабизмов в персидском языке нарушает преемственность культуры.

Для реализации националистических установок в языковой области было создано специальное лингвистическое

учреждение – Академия языка и литературы (1935–1941 гг.). Начав свою деятельность с идеи реформы персидского алфавита, необходимости развития и достижения «чистоты» персидского языка, Академия свела свою работу к простому изгнанию иноязычных слов из персидского языка, то есть к языковому пуризму. В рамках этой кампании из персидского языка искусственно изымались прочно вошедшие в обиход арабские, тюркские и европейские заимствования, а вместо них вводились в употребление заново сконструированные или возрожденные староиранские, давно вышедшие из сферы активного функционирования слова и словосочетания в качестве персидских эквивалентов для слов и словосочетаний иноязычного происхождения. Сторонники этого движения считали создание «чистого» персидского языка одним из факторов усиления и укрепления националистического мировоззрения иранской нации [Каменева, 1983, 89–97].

Однако насильственно и сверху осуществляемый пуризм не мог дать значительных и ожидаемых иранским обществом положительных результатов. С одной стороны, пуристические мероприятия категорически не поддерживались духовенством. С другой, они вызывали непонимание в обществе, прежде всего среди иранской интеллигенции, поскольку не всегда выбранные для замены архаичные и заново сконструированные слова оказывались удачными. А самое главное заключалось в том, что многие лексические заимствования настолько органично вписались в персидский язык, что воспринимались носителями как свои, родные, персидские. Вместе с тем, нельзя не признать, что многие инновации, предложенные Академией, оказались достаточно удачными и до сих пор функционируют в персидском языке. К такого рода примерам можно отнести *program* (франц.) – *barname* (перс.) ‘программа’, *arkolozhi* (франц.) – *bastan-shenasi* (перс.) ‘археология’, *raport* (франц.) – *gozaresh* (перс.) ‘доклад, рапорт’, *darolfonun* (араб.) – *daneshgah* (перс.) ‘университет’, *tauuare* (араб.) – *havareuma* (перс.) ‘самолет’,

kalame (араб.) – vazhe (перс.) ‘слово’ и другие. Надо сказать, что анализ лексики персидского языка в последующие периоды его развития показывает, что многие предложения Академии в дальнейшем были положительно восприняты носителями персидского языка и вошли в его лексический фонд.

Период в истории Ирана с середины 40-х и по середину 60-х гг. XX в. характеризуется усилением влияния Запада и дальнейшим ослаблением позиций духовенства и исламской идеологии, что не шло вразрез с политическими и идеологическими установками правящих кругов страны. Вместе с тем, к концу этого периода в Иране наблюдается новый виток национализма и шовинизма. В это время, как и в 20–30-е годы, много говорилось о величии, могуществе и славе древнего и средневекового Ирана, а также превозносились перспективы его будущего развития. Идеологи культивировали и пропагандировали представление об исключительности его истории, культуры, специфичности последних реформ в стране и «белой революции» – чисто иранского явления, якобы соответствующего духу и традициям иранского народа [Иванов, 1977, с. 165–166].

Языковая политика также испытала на себе влияние многих из этих факторов. После закрытия Академии языка и литературы в 1941 г., языковые процессы внутри персидского языка шли в значительной степени спонтанно. Положение арабского языка в общей иерархии языковых образований оставалось прежним, новые арабизмы также практически не проникали в лексику персидского языка, старые арабские заимствования продолжали сохраняться в ней так же, как заимствования из других языков. Вместе с тем в персидский язык в этот период вошло большое количество европеизмов, прежде всего англицизмов, поток которых постоянно нарастал [Пейсиков, 1975, с. 54–55]. В качестве примеров можно привести, например, *kompyuter* ‘компьютер’, *parket* ‘паркет’, *radiator* ‘радиатор’, *lifttrak* ‘подъемник’, *kompaun* ‘комбайн’,

sadvich ‘сендвич’, keyk ‘кекс’, ‘торт’, otoban ‘скоростная дорога, шоссе’ и другие. Широкое распространение в это время получили гибридные неологизмы, в которых сочетаются исконные персидские и заимствованные элементы, преимущественно западноевропейские, в значительно меньшей степени – арабские лексемы. Сам факт появления таких слов в языке говорит о глубоком проникновении в него иноязычных языковых единиц. В персидском языке появились такие слова, как hoteldar ‘владелец отеля’, filmname ‘сценарий’, gazgasani ‘газификация’, reportazhpardaz ‘комментатор’, nowtalab ‘новатор’ и другие. Собственно персидские лексические инновации представлены разного рода кальками, как например, shabha-ye sepid ‘белые ночи’, hameporsi ‘референдум’, vahamatzadayi ‘ослабление напряженности’, khodkefayi ‘самообеспечение’, словообразовательными неологизмами – shahrestani ‘сельский житель’, ayandenegari ‘предвидение’, nemayeshgar, nemayangar ‘показатель’. darbast ‘полностью арендованный (о транспорте)’, семантическими неологизмами – tavarrom ‘инфляция’, rahgosh ‘пионер (космоса и т.п.)’ sepahe-ye danesh ‘солдат корпуса просвещения’ и т.д.

В работе по нормированию персидского языка и развитию его лексической системы, прежде всего сферы терминологии, проводимой созданной в 1970 г. Академией языка, вновь проявлялись пуристические тенденции. Дело в том, что деятельность этого учреждения осуществлялось в условиях, когда развитие Ирана по капиталистическому пути сопровождалось модернизацией общественной жизни, определенными сдвигами в религиозных воззрениях, осовремениванием литературы, искусства, изменениями в развитии персидского языка. Как следствие, с одной стороны, на деятельности Академии языка заметно сказался буржуазный национализм, культивирующий идею «чистоты» персидского языка. С другой стороны, ощущалось влияние прогрессивных тенденций, обуславливающих более трезвый и широкий подход к его реформе, не сводящийся только к осуществлению требований

пуристических кампаний, в чем состояло коренное отличие деятельности новой Академии от деятельности Академии персидского языка и литературы. Поддержание прежнего высокого престижа персидского языка и пропаганда его способности к удовлетворению потребностей коммуникации во всех сферах общественной жизни – официально-деловой, технической, культурной и научной, как путем создания новых слов и словосочетаний для выражения понятий и явлений, до того времени не нашедших словестного воплощения в языке, так и путем выработки и подбора персидских эквивалентов для наиболее актуальных понятий, выраженных иноязычными языковыми единицами, выдвигалось в качестве основной задачи работы Академии языка. При этом деятельность Академии была направлена не столько против арабизмов, сколько против заимствований из западноевропейских языков. Вместе с тем до исламской революции 1979 г. отношение иранской власти к Западу в целом и к западной культуре было весьма лояльным. Наблюдалась тенденция к возрастанию роли западноевропейских языков в стране, что было связано с расширением торгово-экономических отношений с США и Европой, обучением иранских специалистов за границей, необходимостью работы с заимствованными технологиями и некоторыми другими факторами. Если в 20–30-ые годы большое значение в культурной сфере придавалось французскому языку, и персидский язык изобиловал галлицизмами, то в дальнейшем его место прочно занял английский язык. На нем печатались периодические издания, велись радио- и телевизионные передачи. Западноевропейские языки преподавались в школе и высших учебных заведениях, на них издавалась художественная литература, учебники и учебные пособия, двуязычные словари. Наконец, социальная мобильность иранцев зависела от степени знания европейских языков и количества языков, которыми они владели.

В русле сложившейся ситуации следует рассматривать и национально-языковые проблемы, которые приобрели в

этот период особое звучание. Падение в 1941 г. режима Реза-шаха, улучшение в ходе Второй мировой войны отношений Ирана с СССР и некоторые другие факторы способствовали активизации национально-демократических движений в Иранском Азербайджане и в Иранском Курдистане, которые достигли наивысшего подъема к середине 40-х годов. Некоторые национальные меньшинства, прежде всего азербайджанцы и курды, завоевали определенные права для своих языков. В 1946 г. официальными языками были объявлены в Азербайджане – азербайджанский (азери), а в Курдистане – курдский. На них перевели делопроизводство, стали издаваться книги и учебная литература. В Тебризе, столице Иранского Азербайджана, был открыт Национальный университет, где преподавание велось на родном языке. Движение, охватившее и другие народы Ирана, привело к появлению школ с обучением на местных языках. Начали развиваться национальная пресса и литература. Но такая ситуация просуществовала недолго – с конца 1945 г. и до конца 1946 г. С наступлением реакции большинство достижений в национально-языковой сфере было сведено на нет. Вместе с тем иранские власти всегда более терпимо относились к религиозным меньшинствам и, прежде всего, к армянам. На протяжении многих десятилетий работали армянские школы, где преподавание велось на родном языке. В Тегеранском и Исфаганском университетах функционировали армяноведческие отделения, из Тегерана и Тебриза велись радиопередачи на армянском языке. В конце 50-х годов открылись также ассирийские школы, стала издаваться художественная литература на ассирийском языке и т.д. [Алиев, 1964, с. 59]

Таким образом, языковая политика в предреволюционном Иране прежде всего была направлена, с одной стороны, на укрепление позиций персидского языка как самого древнего и самого развитого в сравнении с другими иранскими языками, распространенными на территории страны, как символа единства всех населяющих ее народов, а, с другой,

на запрещение использовать языки так называемых национальных меньшинств, как, например, курдский, азербайджанский и другие и насильственное насаждение среди этих народов персидского языка, что способствовало, по мнению иранской власти, задачам централизации страны. Западноевропейские языки играли существенную роль в жизни иранского общества. Арабский язык продолжал обслуживать сферу религиозного общения. Языковая политика в отношении собственно персидского языка характеризовалась пуристическими кампаниями, направленными против лексических заимствований и как следствие на дальнейшее развитие исконных лексико-семантических ресурсов современного персидского языка.

Революционные события февраля 1979 года внесли значительные изменения в проводимую в Исламской Республике Иран языковую политику. Приход к власти в стране мусульманского духовенства и образование исламской республики стимулировали процесс исламизации всех сфер жизни иранского общества, в том числе и его культуры, что проявилось, прежде всего, в появлении достаточно жестких антизападных тенденций и ориентации на собственные, в первую очередь мусульманские традиции и ценности. В рамках культурной революции, объявленной в 1980 г. имамом Хомейни, была начата борьба за самобытность иранской культуры. Хомейни в этой связи не раз подчеркивал, что «решение проблем иранской культуры является одной из первоочередных задач, ... так как культура является основой нации. По его мнению, решение ряда политических, экономических и других вопросов зависит от общей культурной ситуации в стране [Keyhan, 19.04.1979].

Языковая политика рассматривалась новым руководством ИРИ как важная составная часть культурной политики в процессе культурного обновления страны. Культурно-языковая политика в послереволюционном Иране – это не что-то абсолютно новое, а продолжение ее прежних, дорево-

люционных тенденций, но в новых общественно-политических условиях и под влиянием новых идеологических установок.

Характеризуя языковую политику в ИРИ последних двух десятилетий XX в., можно сказать, что в сравнении с предреволюционным периодом произошли изменения в юридическом статусе языков. Так, во времена правления династии Пехлеви единственным официальным государственным языком считался персидский язык, использование местных языков было запрещено, арабский функционировал в сфере религиозного общения, и была предоставлена определенная свобода западноевропейским языкам, хотя в первой Конституции 1906 года не был законодательно зафиксирован статус ни одного из языков, функционировавших на территории Ирана. После революции 1979 года согласно новой Конституции при сохранении главенствующего положения персидского языка, провозглашенного государственным, на второе место поставлен арабский язык, а на третье – языки национальных меньшинств. Статус западноевропейских языков в ней, как и в первой конституции, не был определен.

Если обратиться к первому десятилетию после исламской революции, то для руководства Ирана характерно проведение политики панисламизма, в основе которой лежит идея объединения всех народов на основе ислама, идей мусульманской солидарности, то есть политики, при которой религиозный момент превалирует над национальным. Такой националистической концепции в Иране созвучна абсолютизация мусульманских традиций, в доминирующей шиитской форме. Как писала газета «International Herald Tribune» [International Herald Tribune, 1981], аятолла Хомейни, придя к власти, начал яростную кампанию, направленную на ликвидацию иранского национализма, который взращивался бывшим шахом, всячески подчеркивая мусульманские связи между Ираном и арабскими странами. Стремясь зачеркнуть доисламское прошлое Ирана, Хомейни заменил прежние эмблемы

страны лев и солнце на исламский полумесяц, запретил называть новорожденных персидскими именами, начал использовать в своих выступлениях арабскую политическую терминологию, в сотнях школ изучение английского и других европейских языков было заменено арабским. «Арабизация» Ирана нашла свое отражение и в том, что женщины начали носить арабские головные платки, а мужчины – куфий, тысячи иранцев стали писать перед своей фамилией слово сейид и т.п. Вместе с тем известные религиозные и политические деятели такие, как аятолла Шариатмадари, шейх Хосейни и первый премьер-министр Базарган неоднократно высказывали соображения относительно необходимости поиска путей решения национального вопроса, ставя во главу угла идеи мусульманского национализма, где национальный момент доминирует над религиозным. Обе эти точки зрения нашли отражение в языковом развитии послереволюционного Ирана.

Исламская революция породила у национальных меньшинств надежды в частности на справедливое решение национального вопроса, включающего также языковые проблемы, среди которых первостепенное значение имело предоставление национальным языкам юридического статуса, соответствующего их роли в жизни того или иного народа. Этим были обусловлены и конкретные требования, выдвинутые национальными меньшинствами в культурно-языковой области. Частично эти требования нашли отражение и законодательное закрепление в новой Конституции Ирана, в которой записано, что персидский язык объявляется официальным и общегосударственным для всех народов, населяющих страну. Вместе с тем в соответствии с Основным законом наряду с персидским языком разрешается использование местных языков и диалектов в прессе, органами массовой информации, в преподавании национальной литературы в школе [Конституция, 1979].

В первые годы после исламской революции 1979 г. были сделаны реальные шаги для решения национального во-

проса, в том числе и в ответ на требования некоторых народов Ирана, прежде всего курдов, о предоставлении им национальной автономии. Так, в «Проекте автономии для народа Курдистана» были изложены требования курдов, касающиеся законодательного закрепления прав центрального правительства и местных органов власти в общественно-политической и культурной областях, в том числе и в области языка [Ettelaat, 29.12.1979]. Надо сказать, что достаточно громко звучали и требования арабов Ирана (проживают на юге Ирана в провинции Хузестан на границе с Ираком), в частности настаивавших на «изучении арабского языка уже в начальной школе, на публикации газет и осуществлении радио- и телевизионных передач на арабском языке» [Keyhan, 17.01.1979]. Вместе с тем наиболее значительные мероприятия в этой области были осуществлены в Иранском Азербайджане и Иранском Курдистане. В иранской прессе сообщалось, что в школах этих национальных районов наряду с персидским разрешается преподавание национальных языков, а также национальных литератур. Появилась также информация о подготовке в университетах соответствующих провинций курсов азербайджанского и курдского языков, а также курсов литератур на них, об активизации радио-и телепередач и выходе отдельных периодических изданий на этих языках. Менее значительные изменения были характерны для небольших по численности национальных групп, например, белуджей, туркмен и некоторых других [Каменова, 1981, с. 113–114].

Следует отметить, что даже «Проект административно-го самоуправления», которым руководство страны стремилось подменить идею автономии, включал как обязательный пункт преподавание родного языка с первого класса начальной школы и далее наряду с преподаванием персидского языка. Этот проект также включал пункт о преподавании национальной литературы, об осуществлении официальной переписки как на персидском, так и на родном языке в преде-

лах соответствующих провинций, о создании в местных и Тегеранском университетах курсов по изучению национальных языков и литератур, о ведении в отведенные часы радио- и телепередач на языках национальных меньшинств [Bamdad, 28.11.1979]. Вместе с тем руководство страны в это время занимало противоречивые позиции по национальному вопросу. Об этом свидетельствуют многие факты. Так, в Совет экспертов по подготовке новой конституции страны не были включены представители национальных и религиозных меньшинств, строго учитывалась также национальная принадлежность на выборах на пост президента, где кандидат одной из партий был отстранен от участия в них только потому, что он не был персом по национальности. И даже те немногие положительные результаты, которые были достигнуты в национально-языковой области, в результате обострения внутривластной обстановки в первой половине 80-х годов не получили дальнейшего развития, а остались на бумаге. Это коснулось, прежде всего, азербайджанцев и курдов и в меньшей степени других народов, в том числе представителей религиозных меньшинств. Таким образом, ситуация, сложившаяся в области национальных культур и, в частности национальных языков в исламской республике, не продвинулась вперед в сравнении с ситуацией, имевшей место в период шахского правления.

Возрастание роли мусульманского духовенства с культивируемыми им идеями мусульманского традиционализма, а также законодательное закрепление статуса арабского языка в новой Конституции страны как фактически второго по значимости после персидского в общей иерархии языковых образований языка, который должен преподаваться в средней школе по всем профилям и областям знаний, так как является языком Корана, исламской науки и просвещения, а кроме того имеет глубокие корни в персидской литературе, находит непосредственное отражение в языковой политике этого периода [Конституция, 1979]. Арабскому языку, локализовав-

шемуся в сфере религиозного общения во времена правления династии Пехлеви, после исламской революции начинает отводиться все более значимая роль в общественной жизни Ирана. Этому способствовали многочисленные мероприятия, направленные на придание, на наш взгляд, в значительной мере искусственное, арабскому языку более широких социальных функций. Кроме введения его обязательного изучения в школах Ирана, преподавание арабского языка было организовано в широком масштабе по всей стране: созданы специальные учебные телевизионные передачи, курсы всеобща на различных предприятиях, на нем начинает издаваться пресса, регулярно проводятся соревнования в мастерстве чтения Корана и многое другое [Keyhan, 14.12.1981; 02.11.1982, Jomhuriye eslami, 17.01.1982; 01.05.1982; 12.10.1982, Ettelaat, 26.07.1982]. Ведущие религиозные и политические деятели на страницах периодических изданий неоднократно подчеркивали, что арабский язык – язык ислама, язык священной книги «Коран» и что человек, не владеющий им хотя бы в некоторой степени, не сможет понять смысл мусульманской религии [Keyhan, 26.11.1981]. Идет процесс арабизации персидского языка, затрагивающий не только его лексику, но частично и сферу грамматики. Арабские лексические заимствования этого периода представляют собой, с одной стороны, слова и словосочетания, вышедшие из сферы активного функционирования в связи с потерей ранее занимаемых арабским языком позиций в иранском обществе, а с другой – неологизмы. К числу таких арабизмов можно отнести *saghaf* ‘культура’, *mostaz’af* ‘бедный, обездоленный’, угнетаемый’, *gholdor* ‘разбойник’ (употребляется в отношении последнего иранского шаха), *elmoladyan* ‘религоведение’, *ghest* ‘справедливость’, *sherk* ‘язычество’, *shahadattalabi* ‘требование (от людей) мученической смерти’ и другие. Наблюдается расширение и определенное уточнение семантики некоторых уже функционирующих в персидском языке арабизмов. В качестве примеров здесь можно привести *ematat* ‘духовное руководство, духов-

ное управление' (словарь дает значение 'руководство'), *otmat* '(мусульманская) нация, (мусульманский) народ' (по словарю просто 'нация'), *mostakber* 'богач, обеспеченный человек, угнетатель' (словарь дает значение 'гордый, чванливый, высокомерный' с пометой 'редко'). Представляют интерес с этой же точки зрения еще ряд слов. Так, слово *taghut*, которое ранее редко, но встречалось в языке со значением 'идол, дьявол', получает значение 'тиран, угнетатель, деспот', а слово *shaytan* 'сатана, дьявол' начинает употребляться в отношении главного врага Ирана в то время – США. Арабские лексемы активно участвуют в образовании гибридных неологизмов, к числу которых можно отнести *arabzadegi* 'арабофильство', *masrafzadegi* 'потребительство, утилитаризм', *morabbigari* 'наставничество', *khodettekayi* 'опора на собственные силы', *khodebgha* 'самосохранение', *abarghodrat* 'сверхдержава' и многие другие. Что касается сферы грамматики, то для образования множественного числа имен существительных стали чаще использоваться ранее редко употреблявшиеся суффиксы и формы арабского происхождения. Таким образом, делались активные попытки реанимировать арабский язык и превратить его в важный фактор языкового развития Ирана.

Вместе с тем уже со второй половины 80-х годов стало очевидно, что, даже несмотря на политику мусульманского руководства в языковой области, направленную на внедрение арабского языка в различные сферы жизни иранского общества, он не только не смог занять место персидского языка, но даже оказаться в равном с ним положении, хотя арабский язык и является языком Корана и мусульманской религии. Его чужеродность и недоступность для понимания большинством населения Ирана не позволили арабскому языку подобно персидскому приобрести более широкие общественные функции. Персидский язык начинает постепенно ассоциироваться с исламом и исламской культурой и рассматриваться как инструмент распространения иранских цивилизационных ценностей в другие регионы мира. Он, буду-

чи самым древним и развитым из всех языков, функционирующих на территории Ирана, вместе с тем является родным приблизительно для половины населения страны, в то время как арабский – лишь для арабов Хузестана, да и то в его диалектальной форме.

Надо сказать, что в этот период в иранской прессе не раз высказывались соображения относительно необходимости разумного подхода к внедрению в ИРИ мусульманской культуры и арабского языка, как ее важного компонента. Так, например, автор статьи «Западофильство или арабофильство» писал следующее: «Мы живем в стране, где долгое время проживают рядом народы, говорящие на различных языках и исповедующие разные религии; они считают Иран своей родиной. Результатом такого сосуществования явились богатая культура и славная история. Мы иранцы, и мы мусульмане и должны таковыми оставаться. Западофильство так же плохо, как арабофильство» [Ettelaat, 03.06.1979]. Раздавались также призывы к выработке взвешенной языковой политики в отношении персидского и арабского языков. При этом персидский язык рассматривался как объективная реальность, как признак иранской нации, говорилось о необходимости укрепления его позиций в стране и развитии его языковой системы. Вместе с тем неоднократно высказывалось и резко негативное отношение к движению за чистоту персидского языка, имея в виду, прежде всего изгнание из него арабизмов [Ettelaat, 31.10.1985]. Наряду с этим, представители более умеренной точки зрения считали, что процесс заимствования из арабского языка должен осуществляться по их выражению «в разумных пределах», аргументируя свою позицию тем обстоятельством, что факт смешения языков всеобщ [Ettelaat, 02.03.1984; 13.05.1984].

Но были в иранском обществе и те, в первую очередь представители интеллигенции, кто занимал крайне отрицательную позицию в данном вопросе. К ним, прежде всего относится известный иранский писатель Феридун Тонкабони,

называвший персидский язык из-за обилия в нем арабизмов «искусственным языком ахундов» и высказывавший при этом опасение, что последний заменит собой настоящий, благозвучный персидский язык [Тонкабони, 1985, № 4].

В конце 80-х – начале 90-х годов в отличие от первых послереволюционных лет приток арабизмов в персидский язык практически прекратился, однако ранее заимствованные арабские лексемы продолжали в нем активно функционировать, и вопрос о продуктивности их использования или замене лексическими единицами из собственно иранского словарного фонда практически не дискутировался в иранском обществе.

Языковая политика в отношении западноевропейских языков осуществлялась в русле общей антизападной позиции иранского руководства и борьбы за самобытность иранской культуры. В их положении, прежде всего английского языка, произошли значительные изменения. Наметилась ощутимая тенденция к уменьшению их роли в жизни иранского общества. Одним из важных шагов в этом направлении явилось решение о запрещении преподавания западноевропейских языков в начальной школе, сокращении часов, отведенных на их изучение в средней школе с шести до четырех в неделю [Keyhan, 14.07.1979], а также о расформировании всех иностранных школ страны [Keyhan, 01.07.1980]. Антизападные настроения проявились также в переименовании улиц и площадей, названных на европейский лад, в прекращении ведения телепередач на английском языке, упразднении большинства периодических изданий на западных языках и в некоторых других мероприятиях [Keyhan, 14.07.1979; 01.07.1980]. Религиозный лидер Ирана аятолла Хомейни неоднократно подчеркивая, что « в течение, по меньшей мере пятидесяти лет, культура Европы и Америки занимала место самобытной иранской культуры, западный образ мышления занимал место иранского самобытного образа мышления, Запад диктовал нам направление развития нашей культуры»,

считал одной из главных задач, стоящих перед страной, развитие культуры нового Ирана, ликвидацию ее зависимости от Запада [Keyhan, 31.05.1979].

Можно, конечно, предположить, что отход Ирана от прозападных позиций окажет влияние и на персидский язык, и возникнет устойчивая тенденция негативного отношения к европеизмам, в первую очередь к англицизмам. Однако в действительности этого не произошло. Западноевропейские заимствования продолжали активно функционировать в персидском языке, причем шел стихийный процесс пополнения персидской лексики, прежде всего его терминологической системы, за счет заимствований из европейских языков. Интересно, что в первые годы после исламской революции на одно из первых мест в качестве языка источника вновь выходит французский язык. И объяснение этому лежит в сфере политики, поскольку отношения ИРИ с США и Англией были весьма напряженными, а взаимоотношения Ирана и Франции складывались более благоприятно. В лексике персидского языка в этот период наряду с англицизмами стали появляться и французские заимствования, приток которых в последние десятилетия перед событиями 1979 г. значительно сократился. К французским лексическим инновациям этого периода можно отнести, например, *konvensyun* ‘конвенция’, *alternative* ‘альтернатива’, *ultimatum* ‘ультиматум’, *zhenerik* ‘генеральный’ (*tarh-e zhenerik* ‘генеральный план’), *term* ‘семестр’, *taksiservis* ‘сервис такси’, *tur* ‘турне’ и некоторые другие. Интересно, что часть из них активно функционировала в персидском языке до начала пуристической кампании, проводимой Академией персидского языка и литературы 1935-1941 гг., они вышли из сферы активного употребления, а уже в конце XX в. получили новую жизнь.

Устойчивость западного влияния на персидский язык объясняется рядом объективных причин. Это, в первую очередь, связано с тем, что торгово-экономические отношения и деловые контакты Ирана с западными партнерами и обуче-

ние иранских студентов за границей, продолжавшееся и после 1979 г., вынуждали руководство страны проявлять определенную терпимость к европейскому влиянию. Западноевропейские языки изучаются в иранских средних школах и высших учебных заведениях, причем в 2006 году по решению Высшего совета просвещения ИРИ в список иностранных языков, предлагаемых для изучения в школе, к английскому, французскому и немецкому были добавлены испанский, итальянский и русский. Функционировали также специальные курсы по изучению английского и немецкого языков для студентов, выезжающих на учебу за рубеж и для абитуриентов в высшие учебные заведения. Для изучения английского языка в большей степени, чем других европейских языков, издается научная литература – двуязычные персидско-английские и англо-персидские словари по различным областям знаний, грамматики, учебники и учебные пособия. Публикуются произведения художественной литературы на языке оригинала. На иранском телевидении работает специальный новостной канал – Iran Press, нацеленный на потребителей как внутри страны, так и за ее пределами. На персидском языке издаются газеты – Tehran Times и Tehran Daily. Конец 90-х годов XX в. – начало XXI в. – это период неконтролируемого усиления роли английского языка в общественной жизни ИРИ, роста его престижа и уровня владения им, особенно среди молодежи, которая составляет значительную часть населения страны. Такая ситуация в языковой области является прямым следствием влияния мировых глобализационных процессов на развитие Ирана. Принимая во внимание тот факт, что в современной социолингвистике лингвистический аспект глобализации принято связывать с распространением английского как языка мирового, всеобщего второго, не вызывает удивления укрепление его позиций в иранском обществе, в том числе и как источника заимствований даже во многом вопреки официально проводимой политике [Алпатов, 2004, с. 23–27].

Существование Ирана в новых исторических и социально-политических условиях обусловило также изменения в лексической системе персидского языка независимо от влияния арабского и западноевропейских языков. Характерной чертой этого процесса является возникновение на базе своих собственных ресурсов значительного количества неологизмов, связанных, как правило, с новыми явлениями в жизни иранского общества и процессами, происходящими в стране. К лексическим инновациям этого периода можно отнести, например, *bazsazi* ‘обновление’, *savadamuzi* ‘обучение грамоте’, *khodgardani* ‘самоуправление’, *hamyari* ‘сотрудничество’, *karayi* ‘эффективность’ и многие другие. В персидском языке также начали активно функционировать некоторые из тех слов и словосочетаний, которые в свое время были предложены Академией языка Ирана. Эти процессы идут как стихийно, так и в рамках целенаправленной деятельности по сокращению количества иностранных лексем, в первую очередь западноевропейского происхождения, в персидском языке и замене их исконными языковыми единицами. Так, например, в октябре 1995 г. был наложен запрет на использование иностранных слов в государственных учреждениях, что получило юридическое оформление в законопроекте иранского меджлиса.

Для реализации культурной и в том числе культурно-языковой политики и контроля над их осуществлением уже в первые послереволюционные годы начала создаваться соответствующая инфраструктура, которая окончательно оформилась к середине 90-х годов XX в. Основным культурным штабом, центром принятия решений стала государственная организация – Высший совет культурной революции. Он был окончательно сформирован и оформлен в декабре 1984 года и был призван стать главным арбитром в решении вопросов, связанных с культурой, образованием, научно-исследовательской деятельностью. Высший совет культурной революции сохраняет свои ведущие позиции в

определении и решении проблем иранской культуры и в наши дни. Создавшаяся в ИРИ общая культурная ситуация стимулировала учреждение и деятельность ряда общекультурологических и собственно лингвистических учреждений. Не была также прервана традиция создания академий персидского языка и литературы.

С целью реализации культурно-языковой политики в Иране в 1990 году в период президентства Хашеми Рафсанджани по решению Высшего совета культурной революции была создана новая Академия персидского языка и литературы (*Farhangestan-e zaban va adab-e farsi*), президентом которой бессменно с 1995 года является Хадад Адель, возглавлявший в меджлисе предыдущего созыва Комиссию по культуре, а в настоящее время занимающий также пост руководителя Фонда Саади. Работа Академии, как и до исламской революции, была направлена, прежде всего, в значительной степени на дальнейшее развитие персидского языка и укрепление его позиций в стране. Вместе с тем ее научная деятельность не ограничивалась только этими вопросами. Ее сотрудники занимаются исследованием проблем развития персидской, а также арабской и европейских литератур, изучают диалекты и говоры языков Ирана, причем как древних, так и современных, активно работают со своим достаточно богатым рукописным фондом. Одним из приоритетных направлений деятельности Академии является ее словотворческая деятельность, результаты которой она выносит на всеобщее обсуждение, в том числе и для внесения предложений, на страницы своего «Информационного бюллетеня», отдельных тематических брошюр, а также газет «Этгелаат», «Иран» и некоторых других [сайт Академии персидского языка]. Академией в разное время было предложено значительное количество лексических эквивалентов для слов иноязычного происхождения, прежде всего для заимствований из европейских языков. К такого рода неологизмам можно отнести, например, перс. *balgard* ‘вертолет’ вместо англ.

helicopter, перс. balabar ‘лифт’ вместо франц. asansor, перс. azmune ‘тест, проверочная работа’ вместо англ. test, перс. namayeshgar ‘монитор’ вместо англ. monitor, перс. rayane ‘компьютер’ вместо англ. kampyuter, перс. namabar ‘факс’ вместо англ. fax и многие другие. Разработку «Правил персидского письма» (Dastur-e khatt-e farsi) следует рассматривать как одно из важных достижений в деятельности этого научного института. Они были утверждены Академией в 2002 г. и полностью отвечали новым веяниям для модернизации персидской орфографии [Правила персидского письма, 2002].

С первой половины 80-х годов в языковом развитии Ирана намечаются определенные тенденции, связанные с новыми тенденциями в общественной жизни страны, которые получают дальнейшее развитие в последующие десятилетия. Окончание ирано-иракской войны в конце 80-х годов способствовало началу созидательного периода в истории ИРИ. Изменения экономической политики, расширение внешнеполитических ориентиров способствовали возникновению обновленного взгляда на иранскую культуру, сочетающую в себе как исламские, так и исконные иранские цивилизационные ценности. Вместе с тем, постепенно укрепляются позиции Ирана в регионе, в исламском мире и в целом на международной арене. Культивирование им в это время идей своей культурно-исторической исключительности также способствовало укреплению положения и роли персидского языка на фоне других языков, функционирующих на территории страны. Персидский язык рассматривается, как и прежде, как признак иранской нации, фактор ее интеграции и консолидации, важный компонент иранской культуры, как второй по значимости язык исламского мира. Проводятся мероприятия, способствующие повышению уровня владения им учащимися и студентами, а также преподавателями персидского языка, в первую очередь, в тех провинциях, где большинство населения составляют неиранские народы, на-

пример, азербайджанцы, туркмены, проводятся семинары и совещания по проблемам совершенствования обучения персидскому языку и его распространения особенно в двуязычных провинциях. Суть проводимой языковой политики в одном из своих выступлений выразил президент Академии языка и литературы, сказав: «Одним из элементов сохранения независимости Ирана является поддержание его национальной индивидуальности, в первую очередь, культурной самобытности путем, в том числе, укрепления позиций персидского языка как языка общенационального и символа единства при сохранении всех диалектов и говоров, функционирующих в стране, и при полном уважении к выдающимся литературным творениям прошлого» [Вестник Совета, 1998, с. 6]. К персидскому языку апеллируют в программных документах, как например, в «Двадцатилетней перспективе», озвученной и принятой на национальной конференции «Развитие технологий в двадцатилетней перспективе» в Тегеране в 2005 году, в многочисленных выступлениях духовного лидера Ирана аятоллы Хаменеи и первых лиц страны как к важному фактору развития ИРИ. В целом в них подчеркивается необходимость дальнейшего развития и совершенствования современного персидского языка, а перед правительством ставится задача продвижения вырабатываемых Академией языка и литературы языковых стандартов. О стабильности позиций персидского языка говорит и тот факт, что необходимость создания в 1990 году Академии персидского языка и литературы в ее программных документах объясняется, в том числе и тем, что, во-первых, персидский язык является одним из важных компонентов иранской культуры, а, во вторых, он воспринимается в мире, по мнению Ирана, как второй по значимости язык ислама.

Постепенное снижение интереса к арабскому языку как к одному из интегрирующих факторов в отношениях Ирана с арабскими государствами на фоне прочных и незыблемых позиций ислама и исламской идеологии в стране способству-

ет еще большему укреплению позиций персидского языка. Думается, что языковая политика мусульманского руководства ИРИ, направленная на внедрение арабского языка в различные сферы жизни современного иранского общества, с самого начала была в значительной степени идеологизирована и по этой причине обречена на провал, что, видимо, понимали и сами пропагандисты этих идей. В прессе, как уже отмечалось, не раз появлялись высказывания, что персидский язык – национальный язык иранцев, он является признаком иранской нации и элементом иранской культуры. Поэтому перенос акцента с арабского языка на персидский представляется вполне закономерным. Это находит отражение и в самой системе персидского языка. Процесс пополнения его арабизмами практически приостановлен, функционируют в основном лишь те из них, которые вошли в лексическую систему современного персидского языка ранее. В этой связи представляет интерес тот факт, что Академия персидского языка и литературы на первых этапах своей деятельности, борясь с проникновением в персидский язык западноевропейских заимствований, предлагала в качестве их эквивалентов, в том числе и слова арабского происхождения. Это было совершенно не характерно для существовавших ранее двух академий.

Насыщение персидского языка европейскими, преимущественно английскими заимствованиями, представляет собой в значительной степени стихийный, неконтролируемый процесс, начавшийся в конце XX в. и продолжающийся по настоящий момент. Европеизмы активно функционируют в лексике персидского языка, несмотря на проводимые Академией персидского языка и литературы пуристические мероприятия. Особенно активно этот процесс идет в сфере терминологии. Примерами могут служить такие слова, как *labi* ‘лобби’, *risk* ‘риск’, *sivil* ‘гражданский’, *sayt* ‘сайт’, *hamburger* ‘гамбургер’ и другие. При этом многие из функционирующих Европеизмов воспринимаются иранцами как при-

надлежность персидского языка, например те из них, которые используются в сфере быстрого питания. Вместе с тем, идет постоянный процесс пополнения его лексики неологизмами, созданными на базе собственных языковых ресурсов, в котором большую роль продолжает играть Академия персидского языка и литературы.

Важным и абсолютно новым для культурно-языковой политики послереволюционного Ирана является ее международный аспект. Возникнув в первое десятилетие после исламской революции, в последующие десятилетия он набирает силу и играет все более значимую роль в развитии и пропаганде иранской культуры. Персидский язык как ее важный компонент распространяется не только в мусульманские страны (арабские страны, Пакистан, Бангладеш, Турция, государства Центральной Азии и другие), но и далеко за пределы исламского мира (Россия, Китай, Польша, Финляндия, Англия и т.д.), способствуя культурной интеграции народов. Так, в Тунисе преподавание персидского языка имеет глубокие корни и датируется 1878 г. В Иордании персидский язык начал активно изучаться с 1991 года, а с 1994 года в Исламском университете стал обязательным предметом для студентов как один из языков мусульманской религии. В Пакистане уже давно начали раздаваться призывы к активизации изучения персидского языка в средних школах и университетах страны, где усиление позиций персидского языка рассматривается как фактор, противодействующий упадку духовной культуры пакистанской нации [Ettelaat, 10.03.1990]. В Индии, где персидский язык исторически занимает прочные позиции, он изучается в университетах страны, а также является предметом научных исследований [Персидский язык в мире, 1998]. В Туркменистане помимо изучения персидского языка в Туркменском государственном университете имени Махтум Кули его также преподают в пяти средних школах Ашхабада. Похожая ситуация характерна и для других государств Центральной Азии.

Существенная роль в реализации международного аспекта культурно-языковой политики принадлежит Организации культуры и исламских связей, которая была создана в 1995 г. [The Organization of Culture, 2002]. Одним из главных направлений своей деятельности она считает организацию комплексного изучения персидского языка вне Ирана и создание краткосрочных и долгосрочных программ для его популяризации и распространения в различные регионы мира. Ведущая роль в реализации этих программ принадлежит культурным представительствам ИРИ за рубежом, которые функционируют при посольствах ИРИ во многих странах Европы, Азии, Африки, Латинской Америки, а также в Австралии. Их можно рассматривать и как каналы пропаганды иранской культуры в целом за пределы страны.

Одним из важных направлений культурой политики Ирана вне страны является использование персидского языка в качестве консолидирующего фактора с иранской диаспорой за рубежом. Большое количество этнических иранцев проживает в Канаде, США, Англии, Германии, странах Персидского залива, Скандинавии и других странах европейского и азиатского континентов. Именно для них в 2007 году по инициативе Министерства культуры и исламской ориентации была принята специальная программа по обучению персидскому языку как инструменту «сохранения связи с культурой родной земли» [Ettelaat, 09.09.2007].

Таким образом, к началу XXI в. и в первые его годы в результате проводимой руководством ИРИ языковой политики, испытывавшей на себе влияние множества факторов, среди которых важную роль играла идеология, персидский язык, как и во времена правления династии Пехлеви, то есть до исламской революции 1979 г., занимает в стране прочные и, несомненно, главенствующие позиции. При этом его юридический статус, декларируемый Конституцией 1979 года, соответствует его фактической роли в жизни страны. Арабский язык, несмотря на все мероприятия, направленные на

укрепление его роли в Иране, не смог приобрести широкие социальные функции. Что касается национальных языков, то многие из их прав, декларированных Конституцией, либо с самого начала не были в достаточной степени реализованы, либо не получили дальнейшего развития. Более благоприятная ситуация характерна для языков религиозных меньшинств. Наконец, включенность Ирана в мировые глобализационные процессы на фоне антизападной позиции иранского руководства способствует тому, что западноевропейские языки продолжают играть заметную роль в иранском обществе.

Языковая политика Ирана второго десятилетия XXI в. характеризуется как сохранением и дальнейшим развитием тенденций, свойственных ей в предыдущие периоды развития страны, так и появлением новых, характерных именно для текущего момента. И в настоящее время она продолжает оставаться двухаспектной: направлена на реализацию задач языковой области как внутри страны, так и за ее пределами, то есть на международном уровне. И в зависимости от направленности языковой политики ставятся и решаются разные задачи.

В границах ИРИ она ориентирована, как и прежде в первую очередь, на сохранение и дальнейшее укрепление позиций персидского языка как важного признака иранской нации, символа древнейшей иранской культуры, а также инструмента консолидации и интеграции народов страны. Политическое руководство Ирана, духовный лидер страны аятолла Хаменеи, научные круги и творческая интеллигенция в своих публичных выступлениях в СМИ и в интернет-изданиях, а также в исследованиях, посвященных проблемам политического развития страны, обращаются к этой проблеме. Так, аятолла Хаменеи неоднократно подчеркивал важную роль персидского языка в жизни современного иранского общества, отмечая недостаточность внимания к этой проблеме со стороны Высшего совета культурной революции и

призывая к осуществлению такой политики в отношении персидского языка, которая способствовала бы развитию и повышению его статуса в стране. Это особенно, с его точки зрения, актуально в связи с наступлением на персидский язык со стороны Запада [сайт газеты «Khorasan»; Информационно-аналитический сайт tabnak]. В предвыборных программах президента ИРИ Хасана Роухани (годы правления – 2013–2017, 2017-по настоящее время), которые в дальнейшем становятся основой деятельности его кабинетов, особое внимание также уделяется персидскому языку. Так, в Программе развития Ирана на 2017–2021 гг., президент отмечает, что укрепление позиций персидского является одним из существенных достижений в сфере культуры предыдущего кабинета и подчеркивает, что развитие этого направления культурно-языковой политики будет продолжено и новым правительством под его руководством [сайт Информационного агентства студентов Ирана].

Вместе с тем, наблюдается и постепенный рост внимания к национальным культурам и, прежде всего национальным языкам, в том числе и в рамках государственной Программы по национальному вопросу, реализация которой призвана содействовать смягчению ситуации в сфере национальных отношений. Х. Роухани еще в ходе своей первой избирательной кампании провозгласил и в дальнейшем неоднократно повторял, что одним из приоритетов политики его кабинета является внимание к национальным проблемам. Два пункта (№№ 4, 5) Программы непосредственно затрагивают вопросы культурно-языкового развития национальных районов, а именно преподавание национальных языков, прежде всего курдского, азербайджанского, арабского, в школах и университетах соответствующих провинций и на уровне страны, а также развитие литератур на них [Раванди, 2014, с. 271], что соответствует содержанию статьи 2 Конституции страны 1979 г. [Конституция, 1979]. В Программе действий для нового правительства президент также неоднократно

обращает внимание на многонациональный характер иранского государства, наличие характерных черт для населяющих его национальных групп [сайт Информационного агентства студентов Ирана]. Х. Роухани подчеркивает, что его правительство будет продолжать уделять внимание сохранению культурных ценностей национальных меньшинств и создавать более прочную основу для поддержания национальных языков и их важной роли в системе образования [сайт Информационного агентства студентов Ирана]. Это направление языковой политики чрезвычайно важно для мультинационального Ирана, где национальный вопрос был и является в наши дни одним из наиболее острых внутривнутриполитических вопросов, стоящих перед иранскими властями.

Особое место в рамках проблемы национальных отношений в ИРИ всегда занимали проблемы культурно-языкового развития этно-конфессиональных меньшинств, в первую очередь армян и евреев Ирана. Надо сказать, что эти вопросы в настоящее время не носят острого характера. Иранские армяне и евреи пользуются определенными свободами в иранском обществе, в том числе и в культурно-языковой области. Так, еврейская община Ирана имеет в своем распоряжении еврейские школы, где изучается и иврит. Только в Тегеране их насчитывается пять. Иврит изучается также в синагогах, которые функционируют в разных городах Ирана. Большинство современных иранских евреев двуязычны. Они владеют как персидским языком, так и еврейским персидским, который представляет собой комплекс диалектов и говоров и в основе которого лежит еврейское письмо. Вместе с тем, существует мнение, что еврейский персидский не является особой формой персидского языка, с одной стороны, но и отличается от классического иврита, с другой. На нем также издавалась литература. Еврейский персидский был языком литературного творчества евреев Ирана в течение длительного времени – с XI в. по 20-е годы XX в. В настоящее время языком литературы иранских евреев является персид-

ский язык. Еврейская община Ирана имеет также свой печатный орган – журнал «Офог-е Бина», который выходит раз в четыре месяца. Большинство современных иранских евреев владеют персидским языком, поскольку от этого во многом зависит их социальная мобильность в иранском обществе, а еврейский персидский используется исключительно внутри еврейской общины. Иранское руководство, со своей стороны, в последнее время не возводит препятствий для еврейской общины на пути сохранения ее культурно-языковой идентичности [Иран: колыбель, 2016, с. 165–168].

Что касается армянской общины, то ее представители всегда находились в более привилегированном положении в Иране в сравнении с представителями других этно-конфессиональных и конфессиональных меньшинств, власти неизменно демонстрировали свою доброжелательность по отношению к ним. Это получило отражение и в культурно-языковой области. Они также имеют свои школы, но их количество значительно превосходит число еврейских школ. Только Тегеране их насчитывается 26, они также работают в других городах страны, где есть армянские общины, как например, в Исфагане. В Тегеране функционируют курсы армянского языка для армянских учителей. В Тегеранском, Исфаганском и Открытом исламском университетах в настоящее время ведется преподавание армянского языка и армянской литературы. Лучшие произведения персидской литературы переведены и переводятся на армянский язык. Вместе с тем, иранские исследователи с большим интересом относятся к армянским историческим источникам и переводят их на персидский язык [Иран: колыбель, 2016, с. 78–79, 82]. На армянском языке выходят периодические издания, как например, ежедневная газета «Алик» и еженедельник «Аракс», а также журнал «Луйс» [Армяне в Иране]. Не подвергаясь притеснениям со стороны центральной власти в культурно-языковой области и сохраняя свое культурное своеобразие, все иранские армяне владеют персидским язы-

ком и активно используют его как инструмент эффективного взаимодействия с окружающим миром.

Обращаясь к проблемам развития собственно персидского языка, следует отметить, что языковая политика иранского руководства в отношении него тесно связана с тенденциями, характерными для развития ИРИ в последнее десятилетие, и процессами, происходящими внутри страны. Это сохранение высокого престижа персидского языка в рамках притязаний Ирана на региональное лидерство, в том числе в области культуры, планомерная борьба за очищение персидского языка от иноязычных элементов, в первую очередь европейских заимствований в свете официальной антизападной позиции страны, а также в определенной степени против арабизмов на неофициальном, личностном уровне, поскольку традиции, исторический и религиозный факторы имеют решающее значение в вопросе сохранения арабских заимствований в современном персидском языке.

Важная роль в реализации языковой политики и в текущем десятилетии отводится иранским руководством Академии персидского языка и литературы, которая продолжает работу по конструированию персидских лексем для замены ими функционирующих в языке иноязычных заимствований, преимущественно европейского происхождения. Так, в октябре 2015 г. в иранских СМИ появилась информация о предложенных Академией 309 словах в качестве эквивалентов иноязычным словам, используемым в рекламной продукции, наименовании товаров, на их этикетках и упаковках, а также на различных вывесках, и предлагался электронный адрес, по которому можно было получить сведения о происхождении предложенных слов. Этой информации созвучно также недавнее (август) обращение ее президента Хоада Аделя к Федерации конного спорта ИРИ, в котором содержатся рекомендации использовать иранские имена для лошадей-участниц конных соревнований и в целом употреблять предлагаемые Академией слова в этой спортивной об-

ласти [сайт Академии персидского языка]. И такое направление деятельности Академии вполне отвечает заявлениям властей, касающимся языковой сферы. Похожие рекомендации содержатся как в Шестом пятилетнем плане развития страны (2011–2016 гг.), где проблемы развития культуры, занимают ведущие позиции, так и в выступлениях руководящих деятелей Ирана [Каменева, 2014, с. 124]. Академия стоит на страже политики сохранения ведущей роли персидского языка в ИРИ, борьбы за его чистоту, причем часто в достаточно агрессивной форме, вопреки объективно происходящим процессам и в этом сегменте своей деятельности является выразителем консервативной части иранского общества.

Вместе с тем продолжающееся влияние Запада на Иран и включенность страны в мировые глобализационные процессы стимулируют как укрепление позиций английского языка среди населения Ирана, так и усиление потока англицизмов в персидский язык. В последнее время количество английских заимствований, особенно в сфере терминологии, постоянно растет, несмотря на пуристические мероприятия Академии языка и литературы. Значительную их часть составляют прямые заимствования, как например platform ‘платформа’ telekabin ‘фуникулер’ fastfud ‘фастфуд’ arlikeyshn ‘обращение’ titr ‘титры’, estartab ‘начало’ partal ‘портал’, zheoprak ‘геопарк’ и другие. Интересное с точки зрения лингвиста объявление привлекло внимание автора во время поездки в Иран зимой текущего года, которое было размещено на бензозаправочной станции под Тегераном, – karvosh be ab-e garm ‘мойка машин теплой водой’. К аналогичным примерам можно отнести и словосочетание lebas-e robotik ‘одежда в стиле роботов’.

Вместе с тем, идет постоянный процесс пополнения лексики персидского языка неологизмами, созданными на базе собственных языков ресурсов, затрагивая, в первую очередь его общественно-политическую терминологию, в котором существенная роль принадлежит Академии персид-

ского языка и литературы [Гладкова, 2013]. В качестве примеров, можно привести hamjensgerayi 'склонность к однополюсным отношениям', pishgami 'прогресс', farayand 'развитие, процесс', rahbad 'беспилотник', jahangerayi 'глобализм', pezamgari 'милитаризм' и многие другие.

Международный аспект языковой политики, как уже было отмечено выше, тесно связан с культурной политикой иранского руководства за пределами страны, которая все больше рассматривается в качестве важного компонента политики «мягкой силы» и выдвигает на первый план персидский язык. Обращение иранского руководства к культурно-языковому фактору в своей политической деятельности, как на уровне региона, так и в более широком масштабе, не связано исключительно с последним десятилетием, о чем пишет в своей книге и известный иранский ученый и политический деятель М. Санаи [Санаи, 2011, с. 89, с. 257].

Культурные представительства ИРИ продолжают вести большую работу по пропаганде персидского языка и в целом иранской культуры. При них функционируют курсы персидского языка. К примеру, в Москве, их насчитывается около десяти. Организуются также краткосрочные курсы по теории перевода, искусству иранской каллиграфии, выработки навыков устной речи. Иранская сторона также через свои культурные представительства поддерживает преподавание персидского языка в ВУЗах многих стран мира, в том числе и в России, работу иранских школ за рубежом. В соответствии с данными иранской стороны на 2013 г. иранские школы функционируют в таких странах, как Пакистан, Турция, страны Персидского Залива, в Финляндии, Италии и других европейских и азиатских странах, причем в некоторых из них даже не по одной. Иранская сторона организует международные школы для иностранных студентов, изучающих персидский язык, которые ежегодно собирают представителей разных стран мира. Надо сказать, что реализация такой культурно-языковой политики отвечает не только политическим

амбициям Ирана в регионе и на международном уровне, но и стремлениям усилить связи с соотечественниками, живущими за рубежом.

Идея использования культурно-языкового фактора в качестве инструмента для ведения шиито-суннитского диалога продолжает стоять в повестке дня, тем более, что в последние годы обострились отношения между Ираном и арабскими суннитскими режимами. Тема сближения и примирения мазхабов очень популярна в современном Иране. В Тегеране существуют специальные правительственные организации, занимающиеся этим вопросом, как например, Ассамблея по примирению мазхабов. Функционирует Университет мазхабов. И персидский язык как важная часть международного аспекта культурной политики может сыграть здесь свою положительную роль. Персидский язык и в целом иранская культура достаточно популярны в суннитских странах арабского мира, и эта популярность во многих из них имеет давнюю традицию. В других мусульманских странах наблюдается рост интереса к ним. В последнее время активно развивается культурно-языковое сотрудничество Ирана с Ираком, что выражается в широком спектре мероприятий, в том числе в проведении специальных курсов по повышению квалификации в области персидского языка для иракских преподавателей в Тегеране, организации летних курсов для иракских студентов в Казвине и т.д. В столице Алжира на базе факультета арабской литературы и восточных языков работают курсы персидского языка, первый цикл которых завершился в марте 2016 г. Есть определенные достижения в укреплении культурно-языкового сотрудничества с государствами Персидского Залива, чему Иран, несмотря на существующие между сторонами проблемы, уделяет большое внимание. Во многих странах этого региона функционируют иранские школы, в первую очередь в тех из них, где проживает значительная иранская диаспора. По оценкам иранской стороны по состоянию на 2013 г. их насчитывалось 17. Персидский

язык активно популяризируется на курсах по его изучению [сайт Организации культуры].

Тема «Иран и Запад» также получила дальнейшее развитие в дискурсе языковой политики ИРИ. Это выразилось в повышении престижа английского языка и уровня владения им. В персидском языке продолжают активно использоваться слова европейского происхождения, прежде всего англицизмы, и они часто воспринимаются иранцами как «свое, родное, а не чужеродное».

Последние годы, которые в политической жизни ИРИ, связаны с президентством Х. Роухани, характеризуются снижением накала антизападных настроений в руководстве страны, прежде всего в его реформаторской части, и ростом понимания необходимости укрепления связей с Западом, осуществления конкретных шагов в этом направлении. Это получило отражение и в культурно-языковой сфере, причем наиболее ярко в обсуждении в мае 2016 г. проблемы распространения английского языка в Иране, который иранские антизападники считают инструментом «тлетворного влияния Запада и его ценностей на страну». Дискуссия по этому вопросу вышла на политический уровень и привела к обострению отношений между президентом и духовным лидером страны, являющимся ярым антизападником. Аятолла Хаме-неи заявил, что английский язык не должен преподаваться в учебных заведениях Ирана, поскольку он является наследием времен последнего шаха Ирана, а его распространение способствует росту влияния «сатанинской» Америки. При этом, несмотря на такую позицию духовного лидера, уже в июне 2016 г. официальные власти ИРИ вынесли на обсуждение в Высший совет культурной революции вопрос о необходимости изучения иностранных в школах и высших учебных заведениях страны, а также о подготовки комплексной программы по обучению пяти западноевропейским языкам, причем без какой-либо монополии одного из них. При этом особо подчеркивалось, что принимаемые решения не должны

нанести вреда позициям персидского языка и национальным интересам страны [официальный сайт президента ИРИ].

В качестве продолжения этой дискуссии можно рассмотреть и ситуацию, сложившуюся вокруг Документа 2030 по образованию, разработанного ЮНЕСКО и принятого в начале мая 2017 г. 91 страной мира. ИРИ, вначале одобрив этот международный документ, в дальнейшем по рекомендации духовного лидера аятоллы Хаменеи отказался от его принятия [Iran won't submit]. А поскольку Документ ЮНЕСКО представляет образовательные стандарты для мирового сообщества до 2030 г., которые будут реализовываться в условиях нарастания глобализационных процессов, то вопрос о месте английского языка, усилении его роли в современном мире незримо присутствует в этом Документе и среди многих других вопросов вызывает негативную реакцию со стороны иранских консерваторов.

Таким образом, языковая политика в Исламской Республике Иран направлена, как и прежде, на сохранение прочных и главенствующих позиций персидского языка в стране. Вместе с тем наблюдаются определенные положительные шаги в решении культурно-языковых проблем национальных и этно-конфессиональных меньшинств ИРИ. Получает дальнейшее успешное развитие международный аспект культурно-языковой политики, где персидский язык рассматривается как возможный фактор шиито-суннитского диалога, а также в дискурсе отношений Ирана и Запада.

ЛИТЕРАТУРА

Алиев С.М. К национальному вопросу в современном Иране // Краткие сообщения Института народов Азии. М., 1964, № 7.

Алпатов В.М. Глобализация и развитие языков // Вопросы филологии, 2004, № 2 (17).

Армяне в Иране, армяно-иранские отношения и Нагорный Карабах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.karabahinfo.com/3393?lang=ru> (дата обращения: 12.09.2017).

Гладкова Е.Л. Пути развития общественно-политической лексики современного персидского языка. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2013. 313 с.

Вестник Совета по распространению персидского языка и литературы. // Выступление президента Академии персидского языка и литературы на совещании по проблемам персидского языка в провинции Азербайджан. Тегеран, 1998, № 50.

Иванов М.С. Иран в 60-70-е годы XX века. М.: Наука, 1977. 269 с.

Информационно-аналитический сайт tabnak [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tabnak.ir/fa/news/385897> (дата обращения: 15.08.2017).

Иран: колыбель мирного сосуществования религий. М.: Фаир, 2015. 279 с.

Каменева М.С. О деятельности двух академий языка Ирана и некоторых инновациях в лексике персидского литературного языка // Развитие языков в странах зарубежного Востока. М.: Наука, 1983. С. 80–97.

Каменева М.С. О трансформации понятия «культура» в Исламской Республике Иран // Восток (ORIENTS), 2014, № 3. С. 120–125.

Каменева М.С. Политика исламизации в Иране и ее лингвистические последствия // Народы Азии и Африки, 1981, № 5. С. 110–116.

Конституция Исламской Республики Иран. Статья 2. Язык, письменность, история и флаг. Тегеран: Издательство «Закон», 1979. 67 с. (на персидском языке)

Официальный сайт президента ИРИ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.president.ir/fa/94287> (дата обращения 15.06.2017).

Пейсиков Л.С. Лексикология современного персидского языка. М.: Издательство Московского университета, 1975. 205 с.

Персидский язык в мире. Индия. Тегеран: Издательство Совета по распространению персидского языка и литературы, 1978. 389 с.

Правила персидского письма. Тегеран, 2002. (на персидском языке)

Раванди Л.М. К вопросу о положении национальных и религиозных меньшинств // Иран: история и современность. М.: ИВ РАН, 2014. С.271–281.

Сайт Академии персидского языка и литературы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.persianacademy.ir/fa/X050696.aspx> (дата обращения: 10.09.2017).

Сайт газеты «Khorasan» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.khorasannews.com/News.aspx?type=1&year=1393&month=7&day=27&id=6502175> (дата обращения: 10.11.2014).

Сайт Информационного агентства студентов Ирана [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isna.ir/news/96022213789> (дата обращения: 10.06.2017).

Сайт Организации культуры и исламских связей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.icro.ir/index.aspx?fkeyd=&siteid=261&pageid=32423&new>

Санаи М. Отношения Ирана и Центральноазиатских государств: тенденции и перспективы. Тегеран, Центр международных политических исследований МИД ИРИ, 2011. 352 с. (на персидском языке).

Тонкабони Ф. Размышления об исламе // Вестник Общества писателей и деятелей искусства Ирана, 1985, № 4. (на персидском языке)

Bamdad. 28.11.1979.

Ettelaat. 03.06.1979; 29.12.1979; 26.07.1982; 02.03.1984; 13.05.1984; 31.10.1985; 10.03.1990; 09.09.2007.

International Herald Tribune. 10.10.1981.

Iran won't submit to agendas like UNESCO 2030: Ayatollah Khamenei [Электронный ресурс]. URL: <http://english.khamenei.ir/news/4796/Iran-won-t-submit-to-agendas-like-UNESCO-2030-Ayatollah-Khamenei> (дата обращения: 12.06.2017).

Jomhuriye eslami. 17.01.1982; 01.05.1982; 12.10.1982.

Keyhan. 19.04.1979; 31.05.1979; 14.07.1979; 01.07.1980; 02.11.1982; 26.11.1981; 14.12.1981.

The Organization of Culture and Islamic Relations Islamic Republic of Iran. Tehran, Alhoda, 2002. 17 p.

Глава 4

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ КАНАДЫ

Максимова Ольга Борисовна

Российский университет дружбы народов, кафедра иностранных языков
факультета гуманитарных и социальных наук;
кандидат философских наук;
доцент; доцент кафедры иностранных языков

Ключевые слова и фразы: языковая политика; языковое планирование; официальный язык; языковая ситуация; Канада; билингвизм; мультикультурализм; иммигранты; образовательная политика.

Языковая политика и языковое планирование

Семантическое поле понятия «языковая политика» охватывает обширный терминологический ряд синонимических терминов-дериватов, к которым относятся «языковое планирование», «языковое строительство», «языковой инжиниринг», «языковое прогнозирование», «языковое обустройство» и т.п. При этом, в социолингвистике чаще всего употребляются термины «языковое планирование» и «языковая политика».

Исходя из задачи рассмотрения языковой ситуации современной Канады, а также в связи с тем, что предметом ис-

следования является языковая политика Канады, причем привлекаются работы зарубежных лингвистов, представляется целесообразным кратко охарактеризовать основные подходы к трактовке термина «языковая политика», провести дифференциацию терминов «языковая политика» и «языковое планирование».

Понятия «языковое планирование» и «языковая политика» были введены в научный обиход в трудах зарубежных лингвистов в процессе осмысления ими языковых практик независимых государств, образовавшихся в середине и во второй половине XX века. В широком смысле слова, языковая политика – это инструмент по продвижению, сохранению или ограничению конкретного языка или языкового варианта. В рамках языковой политики принимаются решения относительно «официального языка», «языкового стандарта», «языковой нормы», осуществляется комплекс мер, связанных с возрождением исчезающих и находящихся на грани исчезновения языков [Shohamy, 2006, p. 47].

Термин «языковое планирование» получил широкое распространение в англоязычной научной литературе благодаря нейтральности коннотаций по сравнению с «языковой политикой», являющейся прерогативой властных структур и включающей деструктивное воздействие на язык. Обычно термин «языковое планирование» употребляется либо в качестве синонима термина «языковая политика», либо обозначает одну из составляющих ее частей. В последнем случае термин «языковое планирование» определяется как «меры по реализации языковой политики», то есть, как комплекс конкретных мероприятий для достижения целей языковой политики, разработанных в области конкретного языка. Целенаправленный характер данных мероприятий в контексте их воздействия на речевые паттерны поведения подчеркивается в определении Р. Купера, согласно которому «языковое планирование – попытки целенаправленного воздействия на поведение других людей в отношении приобретения, структу-

ры или функционального распределения языковых кодов» [Cooper, 1989, p. 29].

В отечественной социолингвистической традиции «языковая политика» понимается как часть общей политики государства, направленной на продвижение, сохранение или уничтожение того или иного языка, языкового варианта или диалекта. Согласно определению А.Д. Швейцера, языковая политика – это «совокупность мер, принимаемых государством, партией, классом, общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения лингвистических норм» [Швейцер, 1977, с. 189]. Термин «языковое планирование» используется в отечественной лингвистике значительно реже. Ряд ученых настороженно относятся к самой возможности сознательного и целенаправленного воздействия на язык, предпочитая термин «языковое строительство». Другие исследователи акцентируют нейтральность и корректность данного термина и употребляют его для обозначения действий и мероприятий позитивного характера, направленных на укрепление статуса конкретного языка.

Помимо терминов «языковая политика» и «языковое планирование», в применении и интерпретации которых наблюдается некоторая многозначность и неопределенность, в последнее время приобрел популярность термин «языковая политика и планирование» (Language policy and planning), на который мы, в основном, опираемся в данной работе, исходя из ее целей и задач. В рамках данного подхода, предметная область языковой политики и планирования включает три взаимосвязанные составляющие: 1) языковые практики речевого коллектива (практическое использование языка в различных контекстах представителями языкового сообщества); 2) ценности и значимость, приписываемые представителями речевого коллектива тому или иному языку или диалекту; 3) языковое планирование или языковое строительство, осуществляемые структурами, обладающими властными полно-

мочиями над представителями речевого коллектива и их языковыми практиками [Spolsky, 2004, p. 5]. Последняя составляющая, а именно, сознательные целенаправленные действия государства и общества в области языкового планирования определяется в настоящее время большинством социолингвистов как «языковая политика» [Goundar, 2017].

Механизмы реализации языковой политики

Механизмы, используемые для реализации языковой политики и планирования, различаются в зависимости от уровня, на котором осуществляется планирование: на официальном/институциональном уровне (макроуровне); уровне речевых коллективов (мезоуровне); индивидуальном уровне (микроуровне) [Максимова, 2017, с. 138].

Решения относительно выбора официального/государственного языка и о его стандартизации являются прерогативой властных органов различных уровней: от надгосударственного и государственного уровней до уровня муниципальных властей. За языковую политику в образовательных учреждениях (выбор языка, на котором ведется обучение, а также языков, изучаемых в качестве первого/второго иностранного) в большей степени отвечают местные муниципальные власти, а также общественные организации и движения.

Важным аспектом языковой политики и планирования является политика в области языка, проводимая предприятиями на рабочем месте (макро- и мезоуровень языковой политики). Существенно, что если языковая политика на предприятиях государственного сектора обычно отражает официальную языковую политику, проводимую властными структурами, то предприятия из частного сектора часто устанавливают свои собственные правила относительно языка профессиональной коммуникации [Spolsky, 2004, p. 52]. В частности, они могут проводить языковую политику, в рам-

ках которой разрешается использование только одного языка, хотя данная политика и считается дискриминационной.

Языковая политика на мезо- и микроуровне – это выбор языков бытового и домашнего общения, осуществляемый в рамках речевого коллектива, семьи или на индивидуальном уровне. Здесь важным механизмом реализации языковой политики и планирования являются значимость и ценность, придаваемые членами языкового сообщества тому или иному языку или диалекту. Поскольку члены одной семьи обычно свободно владеют одним и тем же языком, в большинстве случаев в качестве языка семейного общения используется один язык. Тем не менее, в случае межнациональных браков зачастую наблюдается ситуация двуязычия, когда члены семьи владеют более чем одним языком и используют тот или иной язык в зависимости от коммуникативной ситуации. Что касается выбора языков бытового общения в семьях иммигрантов, то наиболее частотен случай, когда первое поколение иммигрантов знает официальный язык, а дома говорит на родном; второе поколение свободно владеет обоими языками; представители третьего поколения постепенно теряют навыки общения на родном языке родителей и становятся монолингвами, владеющими только официальным языком [Ibidem, p. 42–46].

Следует подчеркнуть, что все уровни языковой политики взаимосвязаны. В частности, несмотря на кажущуюся добровольность выбора языка в кругу семьи, данный выбор осуществляется под воздействием осознанной и спланированной государственной языковой политики, в том числе, и в образовательных учреждениях. Отношение к обучению детей членов миноритарных языковых сообществ имеет решающее значение для сохранения или уничтожения миноритарных языков. В том случае, когда дети не имеют возможности продолжить свое образование на родном языке, навыки и знание родного языка членов миноритарных сообществ постепенно теряются (обычно на протяжении жизни трех по-

колений) и происходит языковой сдвиг – «массовый сдвиг от использования одного языка к другому» [McArthur, 1992, p. 580]. В рамках языкового сдвига, речевое сообщество постепенно переходит от билингвизма функционального к билингвизму этнокультурному, что означает знание родного языка на уровне «культурозначимых текстов» (текстов, относящихся к культурному наследию, фразеологизмов, пословиц и поговорок, крылатых слов, афоризмов, цитат из песен, фильмов и т.п.). Возможна ситуация, когда родной язык выступает в качестве детерминанта национального самосознания и самоидентификации, в роли своеобразного эмоционального символа национальной культуры. Для тех иммигрантов, которые принадлежат к третьему поколению и уже не владеют свободно родным языком, родной язык служит связующим фактором-посредником между национальностью и ее аутентичностью [Вахтин, 2004, с. 40]. В частности, основным языком коммуникации (как профессиональной, так и бытовой) представителей третьего поколения канадских иммигрантов становится один из официальных языков (в основном, английский) [Fishman, 2006, p. 324–325].

Языковое разнообразие Канады

Языковая ситуация Канады характеризуется, прежде всего, лингвистическим разнообразием, обусловленным историческим развитием страны. В стране можно выделить три языковые группы: англофоны (граждане, чьим родным языком является английский), франкофоны (канадцы, у которых родной язык французский) и аллофоны (граждане, у которых родным языком не является ни один из официальных языков).

Основная цель языковой политики Канады – сохранение сбалансированного взаимоотношения между двумя официальными языками и поддержка концепции мультилингвизма в рамках лингвистического дуализма [Максимова, 2017, с. 138–141].

Существование двух официальных языков (английского и французского) наряду с языками коренных народов и иммигрантов, а также связанные с этим языковые контакты позволяют говорить о мультилингвизме и мультикультурализме канадского общества.

Согласно данным последней переписи населения 2016 года, население Канады составило 34 млн 767 тысяч человек, из которых англоговорящие составляли 22 млн 162 тысячи человек или почти 64 % населения Канады. Франкофоны (около 7 млн человек) заняли второе место, составив около 20 % [Language Highlight Tables, 2016].

Рассмотрим распределение англо- и франкоговорящего населения по провинциям Канады, представленное в *таблице 1*.

Таблица 1

Численность англофонного и франкофонного населения в провинциях Канады
[Site for Language Management in Canada, 2001]

Провинция	Всего человек	Англофоны	Франкофоны
Онтарио	11,285,550	8,079,500 (71.6%)	493,630 (4.4%)
Квебек	7,125,580	572,085 (8.0%)	5,788,655 (81.2%)
Британская Колумбия	3,868,875	2,865,300 (74.1%)	56,100 (1.5%)
Альберта	2,941,150	2,405,935 (81.8%)	59,735 (2.0%)
Манитоба	1,103,700	863,980 (75.8%)	44,775 (4.1%)
Саскачеван	963,150	825,865 (85.7%)	18,035 (1.9%)
Новая Шотландия	897,570	834,315 (93.0%)	34,155 (3.8%)

Провинция	Всего человек	Англофоны	Франкофоны
Нью-Брансуик	719,710	465,720 (64.7%)	236,775 (32.9%)
Ньюфаунленд	508,075	500,065 (98.4%)	2,180 (0.4%)
Остров Принца Эдуарда	133,385	125,215 (93.9%)	5,670 (4.3%)
Северо-Западные территории	37,105	28,985 (78.1%)	965 (2.6%)
Юкон	28,525	24,840 (87.1%)	890 (3.1%)
Нунавут	26,665	7,370 (27.6%)	400 (1.5%)
Канада (всего)	29,639,035	17,572,170 (59.3%)	6,741,955 (22.7%)

За исключением Квебека (8,0 %) и Нунавута (27,6 %), англофоны составляют большинство во всех провинциях и территориях. Англофоны наиболее многочисленны в Онтарио (8,0 млн человек), далее следуют Британская Колумбия (2,87 млн человек) и Альберта (2,4 млн). Франкофоны, в свою очередь, составляют большинство только в Квебеке (81,2% от населения провинции). На остальной территории Канады (за исключением Онтарио и Нью-Брансуика, где франкофоны составляют не более 10 процентов населения) доля франкофонного населения мала и составляет не более 0,5–2 % [Site for Language Management in Canada, 2001].

Как видно из *таблицы 1*, распределение англо- и франкоговорящего населения по провинциям Канады не является равномерным: данные переписей подтверждают вывод о том, что официальные языки (английский и французский) неравномерно распределены по территории Канады: французский язык представляет собой языковой эксклав («остров»), окруженный ареалом существования английского языка [Виш-

невская, 2016, с. 136–137]. Отмеченная неравномерность языкового распределения задает фокус языковой политики Канады: защита прав носителей того или иного официального языка в тех провинциях и регионах, где данный язык используется в качестве миноритарного. При этом, каждая провинция и территория Канады проводит индивидуальную языковую политику: от франкоязычного Квебека и двуязычного Нью-Брансуика до англоязычных провинций Верхней Канады, где франкоговорящее меньшинство вынуждено использовать английский язык.

Реализация языковой политики в Канаде

Основные инструменты реализации языковой политики Канады – языковые законы и система образования, включая языковые образовательные программы.

В ходе исторического развития, в Канаде был принят ряд законодательных актов, направленных на защиту и продвижение официальных языков. Двуязычие Канады на официальном уровне признано *Конституцией* 1867 года; одинаковый статус французского и английского языков на федеральном уровне закреплен *Законом об официальных языках*, принятом в 1969 году (последняя редакция *Закона* – 1988 год) и *Конституционным актом* 1982 года, где говорится: «Английский и французский языки являются официальными языками Канады, имеют одинаковый статус и равные права и привилегии в том, что касается их использования в парламентских и правительственных органах Канады» [Office of the Commissioner of Official Languages, 2012].

Помимо закрепления двуязычия на государственном уровне, *Канадская хартия прав и свобод*, являющаяся частью *Конституционного акта* 1982 года, подтверждает право англо- и франкоязычных меньшинств провинций на получение образования на родном языке [Official Languages Act].

Принцип официального двуязычия означает, что оба официальных языка могут быть использованы на федеральном уровне, то есть в федеральных институтах и судах; все парламентские документы пишутся на обоих языках, оба языка могут использоваться в парламентских дебатах [Office of the Commissioner of Official Languages]. В то же время, данный принцип не обязательно распространяется на муниципальные правительства и правительства отдельных провинций и территорий, которые имеют возможность проводить индивидуальную языковую политику. В провинции Квебек французский является единственным официальным языком; провинция Нью-Брансуик является официально двуязычной; провинции Юкон, Нунавут и Северо-Западные территории, помимо английского и французского, признают в качестве официальных языков языки коренных народов Канады; в остальных канадских провинциях и территориях официальным языком де-юре или де-факто является английский. В ряде англоязычных провинций гарантии использования французского языка в федеральных институтах декларируются, но на практике не всегда выполняются [Williams, 2012, p. 194–195].

Специфика языковой ситуации в Квебеке отражена в принятом в 1974 году *Законе об официальных языках (закон 22)* и в *Хартии французского языка (закон 101)*, принятой в 1977 году. Согласно данным документам, единственным официальным языком, функционирующим в образовательных учреждениях и на предприятиях провинции, является французский язык. *Хартия французского языка*, основной языковой закон Квебека, утверждает «право работников вести профессиональную коммуникацию на французском языке» [Castonguay, 1998, p. 41].

Знание одного из официальных языков является одним из условий получения гражданства страны. Требования к владению английским или французским есть во всех иммиграционных программах: «Для того, чтобы стать гражданином Канады, вы должны показать владение английским или

французским языком не ниже определенного уровня, знать один из этих языков в объеме, достаточном для понимания других людей, поддержания несложной беседы, уметь читать и писать несложные тексты» [Citizenship and Immigration Canada, 2013]. В последние годы требования к языковой компетенции иммигрантов ужесточаются: если в 2000 году было достаточно заявления кандидата о том, что он владеет языком, то сейчас уровень владения языком подтверждается результатами прохождения языковых тестов (IELTS, TEF и т.д.), за которые начисляются определенные баллы.

Закон об официальных языках закрепляет использование английского и французского как рабочих языков в федеральных институтах и организациях, призывает работодателей как в общественном, так и в частном секторе обеспечить право работников на использование одного из официальных языков в профессиональной коммуникации [Official Languages Act].

В 2001 году правительство Канады приняло *Закон об иммиграции и защите беженцев*, в котором ставятся задачи «обогащения и укрепления социальной и культурной структуры канадского общества при уважении к федеральному, двуязычному и мультикультурному характеру Канады; поддержки и помощи в развитии официальных языков меньшинств в Канаде» [Immigration and Refugee Protection Act, 2001].

Современная языковая ситуация в Канаде

Владение обоими официальными языками измеряется в каждой переписи населения Канады, начиная с переписи 1901 года. Благодаря данным по переписям населения за 2001, 2006, 2011, 2016 гг., предоставленным статистической службой Канады, численность канадцев, говорящих на официальных и других языках страны, а также соответствующая динамика, доступны для компаративного анализа.

Для выявления основных направлений развития языковой ситуации в Канаде мы провели сравнение количества носителей английского, французского и других языков за период 2001-2016 гг. Основные категории анализа – «количество носителей языка» и «количество людей, использующих тот или иной язык как средство бытового общения в домашней обстановке». Особое внимание в ходе анализа было уделено выявлению различий в языковой ситуации провинции Квебек и остальной территории Канады.

В *таблицах 2 и 3* представлены данные переписей населения Канады за 2001, 2006, 2011 и 2016 гг. по количеству носителей официальных и других языков, а также приведена соответствующая динамика.

Согласно данным последней переписи населения Канады 2016 года, самым распространенным родным языком для жителей Канады является английский: в Канаде насчитывается более 19 млн. (19 460 855) носителей английского языка, что составляет 56 процентов населения. Следующим наиболее распространенным языком является французский: более 7 млн. человек (7 166 705) указали его в качестве родного, что соответствует 20,6 % населения Канады. Количество носителей других языков сопоставимо с количеством носителей французского: 7 321 060 человек или 21 %. Понятие «другие языки» включает языки коренных народов и родные языки иммигрантов (кроме английского и французского) [2016 Census Topic Language]; при этом, общее число носителей 70 языков коренных народов весьма невелико (213 225 человек, по данным последней переписи).

Что касается знания официальных языков, то данные говорят о весьма высокой доле канадцев, которые владеют хотя бы одним из этих языков: лишь 1,8 % граждан не говорят ни на английском, ни на французском. При этом, 85,6 % граждан Канады заявили о владении английским языком, а 30,1 % – о знании французского. Тот факт, что эти группы частично перекрываются, а именно, 17,5 % жителей Канады

Таблица 2

Распределение населения Канады по родным языкам
 [Methodological Documents, 2011; 2016 Census Topic Language]

Язык	2001 г.		2006 г.		2011 г.		2016 г.	
	число	%	число	%	число	%	число	%
Английский	17,352,315	58.5	17,882,880	57.2	18,858,980	56.9	19,460,855	56.0
Французский	6,703,325	22.6	6,817,650	21.8	7,054,975	21.3	7,166,705	20.6
Другой язык	5,202,240	17.6	6,147,840	19.7	6,567,685	19.8	7,321,060	21.1
Несколько языков	381,140	1.3	392,765	1.3	639,540	1.9	818,630	2.4
Английский и французский	112,575	0.4	98,625	0.3	144,685	0.4	165,325	0.5
Английский и другой язык	219,855	0.7	240,010	0.8	396,330	1.2	533,260	1.5
Французский и другой язык	38,625	0.1	43,340	0.1	74,430	0.2	86,145	0.2
Английский, французский и другой язык	10,085	0.0	10,790	0.0	24,095	0.1	33,900	0.1
Всего	29,639,030	100	31,241,030	100	33,121,175	100	34,767,255	100

Таблица 3

**Динамика распределения населения Канады
по родным языкам**

[Methodological Documents, 2011; 2016 Census Topic Language]

Язык	2001-2006 гг.		2006-2011 гг.		2011-2016 гг.	
	число	%	число	%	число	%
Английский	530,465	3.1	976,200	5.5	601,875	3.2
Французский	114,325	1.7	237,325	3.5	111,730	1.6
Другой язык	945,600	18.2	419,845	6.8	753,375	1.5
Несколько языков	11,625	3.1	246,775	62.8	179,090	2.7
Английский и французский	13,950	12.4	46,060	46.7	20,640	14.3
Английский и другой язык	20,155	9.2	156,320	65.1	136,930	34.5
Французский и другой язык	4,715	12.2	31,090	71.7	11,715	15.7
Английский, французский и другой язык	705	7.0	13,305	123.3	9,805	40.7
Всего	1,602,000	5.4	1,880,145	6.0	1646080	5.0

говорят и на французском, и на английском, свидетельствует о широком распространении индивидуального билингвизма. Существенно, что канадский билингвизм локализован преимущественно в франкофонном Квебеке (42,6 %) и в двуязычном Нью-Брансуике (33,2 %). Англофонные же провинции демонстрируют чрезвычайно низкую долю билингвизма. Следовательно, среди всех канадцев, владеющих обоими официальными языками, существенно больше носителей французского языка, выучивших английский, чем носителей английского языка, выучивших французский [Population by Mother Tongue and Age Groups, 2011].

О сильной позиции английского языка в свидетельствует также тот факт, что его используют в качестве языка до-

машнего общения 63,75 % населения, тогда как родным он является для 56 % канадцев [Language(s) Spoken at Home]. Соответственно, достаточно большое число канадцев, для которых английский язык не является родным, тем не менее, используют его в повседневном домашнем общении. Что же касается французского и других языков, то там картина зеркальная: число канадцев – носителей этих языков превышает число тех, кто использует их в домашнем общении (см. *таблицу 4*).

Примечательно, что из общего числа канадцев – носителей французского языка (7 166 705), более 6 миллионов живут в Квебеке, что составляет 78% населения данной провинции. Что же касается остальной территории Канады, то там французский язык является родным лишь для 3,8% жителей. Соответственно, опасения за состояние французского языка в Канаде выглядят достаточно обоснованными.

Как показано в *таблице 4*, в общей сложности, 20,6% граждан Канады используют французский язык в качестве языка домашнего общения; 11,1% говорят дома на языках, не являющихся официальными. При этом, за пределами франкофонного Квебека только 2,3% населения говорят дома по-французски, тогда как 12,3% используют в качестве языка домашнего общения один из «неофициальных» языков [Language(s) Spoken at Home]. Это очевидным образом свидетельствует о слабой позиции французского языка в Канаде.

Сравнение данных переписей населения 2016, 2011, 2006 и 2001 годов позволяет говорить о непрерывном уменьшении относительного числа носителей английского и французского языка, наряду с постепенным ростом относительного числа носителей других языков.

Англо-французский билингвизм

Поскольку английский и французский являются официальными языками Канады, важным аспектом канадской язы-

Таблица 4

Распределение населения Канады по родным языкам и языкам домашнего общения
 [Language(s) Spoken at Home]

	Английский язык		Французский язык		Другой язык		Английский и французский языки		Английский и другой язык		Французский и другой язык		Английский, французский и другой язык	
	Родной язык	Язык домашнего общения	Родной язык	Язык домашнего общения	Родной язык	Язык домашнего общения	Родной язык	Язык домашнего общения	Родной язык	Язык домашнего общения	Родной язык	Язык домашнего общения	Родной язык	Язык домашнего общения
Перепись 2011 г. – 33,1216175 чел.	18,858,980	7,054,975	6,567,685	144,685	396,330	74,430	24,095							
	21,457,075	6,827,865	3,673,865	131,205	875,135	109,705	46,325							
Перепись 2016 г. – 34,767, 255 чел.	19,460,855	7,166,705	7,321,060	165,325	136,930	86,145	33,900							
	22,162,865	6,943,800	3,997,200	160,185	1,284,975	148,915	69,310							

ковой политики является стимулирование англо-французского билингвизма. В частности, на это был направлен *Закон об официальных языках*, после принятия которого уровень англо-французского билингвизма неуклонно повышался – с 12,2 % (в 1961 г.) до 17,7 % (в 2001 г.). Однако, начиная с 2001 года уровень билингвизма в Канаде практически стабилизировался до 2011 года: в 2006 г. он составлял 17,4 %, в 2011 г. – 17,5 %, то есть, меньше, чем в 2001 г. [English–French Bilingualism], что свидетельствует о приостановке (как минимум) прогресса канадского англо-французского билингвизма.

Тем не менее, как видно из *таблицы 5*, последняя перепись населения 2016 года продемонстрировала возобновление роста уровня англо-французского билингвизма до рекордного значения 17.9 % в 2016 году, причем относительное число билингвов увеличилось в большинстве провинций и территорий [English–French Bilingualism].

Как следует из *таблицы 5*, географически, билингвизм в основном сконцентрирован в провинции Квебек и в соседних Нью-Брансуике и Онтарио. Согласно переписи 2016 года, в этих провинциях проживает 85% канадцев, говорящих на французском и английском языках (такая же пропорция наблюдалась и в 2011 году); это составляет 63,6 % всего населения Канады. При этом, больше половины англо-французских билингвов Канады (57,9 %) проживает в Квебеке (в 2011 году – 57,4 %). Уровень билингвизма в Квебеке составляет 44,9 % от всего населения провинции. Высокий (более 10 %) уровень билингвизма наблюдается также в провинциях Нью-Брансуик (34,0 %), Юкон (13,8 %), Остров Принца Эдварда (12,6 %), Онтарио (11,2 %), Новая Шотландия (10,5 %) и в Северо-Западных территориях (10,3 %).

Согласно данным последней переписи населения Канады, в период с 2011 по 2016 год число канадских англо-французских билингвов выросло с 5,8 миллионов до 6,3 миллиона, то есть, на 7,9 %, тогда как все население Канады

выросло за тот же период только на 5,0 %. При этом, в Квебеке в 2016 году проживало немногим более 3,6 миллионов билингвов – на 300 тысяч (8,8 %) [English–French Bilingualism].

Таблица 5

Англо-французский билингвизм в Канаде в 2011 и 2016 гг.
[English–French Bilingualism]

	2011 (%)	2016 (%)	Рост (%)
Канада	17,5	17,9	0,4
Онтарио	11,0	11,2	0,2
Квебек	42,6	44,5	1,9
Британская Колумбия	6,8	6,8	0
Альберта	6,5	6,6	0,1
Манитоба	8,6	8,6	0
Саскачеван	4,6	4,7	0,1
Новая Шотландия	10,3	10,5	0,2
Нью-Брансуик	33,2	33,9	0,7
Ньюфаундленд	4,6	5,0	0,4
Остров Принца Эдуарда	12,3	12,6	0,3
Северо-Западные территории	9,1	10,3	1,2
Юкон	13,1	13,8	0,7
Нунавут	3,8	4,3	0,5
Канада (без Квебека)	9,7	9,8	0,1

Рост англо-французского билингвизма распределился по провинциям и территориям неравномерно: две трети от общего пятилетнего приращения двуязычного населения Канады приходится на провинцию Квебек. Хорошие показатели роста билингвизма наблюдаются в Северо-Западных территориях, а также в провинциях Нью-Брансуик и Юкон. В некоторых других провинциях уровень билингвизма повысился незначительно; в частности, он практически не изме-

нился в провинциях Манитоба (8,6 %), Альберта (6,6 %) и Британская Колумбия (6,8 %).

Подобную неравномерность распределения роста англо-французского билингвизма – в частности, наибольший рост в франкофонном Квебеке – можно интерпретировать как усиление позиции английского языка.

Языковая ситуация иммигрантов в Канаде

Согласно информации, представленной на сайте правительства Канады, в 2006 году в Канаде проживало 6 млн. 186 тыс. иммигрантов, что соответствовало 19,8 % населения. В период 2006-2011 гг. страна приняла еще 1 млн. 16 тыс. человек. Сравнение данных переписи населения позволяет сделать заключение, что относительное количество иммигрантов в Канаду возрастает с повышающимся темпом. В 2011 году число иммигрантов составляло 6 млн. 838 тыс. человек. В 2016 году в страну приехало рекордное количество иммигрантов, начиная с 1971 года – 296 340 человек. Основными странами-донорами были Филиппины, Индия, Китай и Сирия.

Поскольку уровень иммиграции в Канаду является высоким, при планировании официальной языковой политики принимаются во внимание языки иммигрантов (так называемые языки культурно-этнической принадлежности). Усиливая поддержку соответствующих языковых программ обучения, правительство Канады в большинстве случаев следует установке, направленной на продвижение «мультикультурализма в рамках официального двуязычия», что предполагает использование официальных языков для коммуникации между различными этническими группами, с сохранением приверженности принципам мультикультурализма. Данный принцип реализации языковой политики способствует развитию межкультурного взаимопонимания и диалога на недискриминационной основе [Berry, 1998, p.84–86].

Учитывая, что число носителей языков коренных народов Канады весьма невелико, (213 225 человек, по данным переписи 2016 года), можно утверждать, что наиболее значимое влияние на развитие языковой ситуации в Канаде оказывают иммигранты. Иммигранты формируют три языковые группы: германо-романские языки, китайские языки и индоиранские языки. В диахронической перспективе, основной страной-донором иммиграции в Канаду является Великобритания, хотя в последние годы приток иммигрантов из нее не очень значителен. Примерно 7,5 процентов иммигрантов прибывают из Китая; доля иммиграции из этой страны находится на традиционно высоком уровне и не уменьшается. На третьем и четвертом месте по количеству иммигрантов в Канаду находятся Филиппины и Индия. Кроме того, в первой десятке стран-доноров иммигрантов в Канаду присутствуют такие страны, как Иран, Италия, США, Гонконг, Германия, Польша и Вьетнам. Согласно результатам последней переписи, самые распространенные страны-доноры иммигрантов – это Филиппины, Китай, Индия, США, Иран, Великобритания, Гаити, Пакистан, Франция и Объединенные Арабские Эмираты. Тот факт, что среди стран-доноров первой десятки более половины мест занимают азиатские страны, демонстрирует высокую значимость миграции из Азии в Канаду. Особенно ощутимо влияние иммигрантов в провинциях Онтарио, Манитоба и Британская Колумбия, где родным языком более чем 20 процентов жителей является один из неофициальных языков страны [Population by Mother Tongue, 2011].

В *таблицах 6 и 7* показаны наиболее распространенные родные языки иммигрантов в Канаду, а также динамика численности их носителей в 2011–2016 гг.

Тот факт, что большинство иммигрантов прибывают из неевропейских стран, отразился в том, что десять наиболее широко используемых неофициальных языков жителей Канады оказались неевропейскими языками [Citizenship and Immigration Canada, 2013].

Таблица 6

**Родные языки иммигрантов в Канаду в 2011 и 2016 г.
(с количеством носителей более 100 000 человек)
[Linguistic Diversity and Multilingualism in Canadian Homes]**

Язык	2011 г.	2016 г.	Разница	Изменение в процентах
Китайский (мандарин)	255,160	610,835	355,095	139.4
Китайский (кантонский диалект)	388,935	594,030	205,095	52.7
Панджаби	459,990	543,495	83,505	18.2
Тагальский (филиппинский)	384,050	510,420	126,370	32.9
Испанский	439,110	495,090	55,980	12.7
Арабский	374,410	486,525	112,115	29.9
Итальянский	437,725	407,455	-30,270	-6.9
Немецкий	430,055	404,745	-25,310	-5.9
Урду	194,095	243,090	48,955	25.2
Португальский	225,530	237,000	11,470	5.1
Персидский (фарси)	177,015	225,155	48,140	27.2
Русский	169,950	195,915	25,965	15.3
Польский	201,240	191,775	-9,465	-4.7
Вьетнамский	153,355	166,830	13,475	8.8
Корейский	142,880	160,455	17,575	12.3
Тамильский	143,395	157,120	136,725	9.6
Хинди	106,305	133,925	27,620	26.0
Гуджарати	101,310	122,460	21,150	20.9

Так, большинство вновь прибывших иммигрантов говорят на тагальском языке, относящемся к филиппинской зоне австронезийской семьи языков, что обусловлено тем фактом, что Филиппины в последнее время является наиболее частотной страной-донором иммигрантов в Канаду. В 2011 году тагальский язык был родным для 13,3 % иммигрантов, при-

бывших на постоянное место жительства [Thompson, 2013]. Следующими по частотности распространения были арабский и китайский языки, на которых говорили 10 % вновь прибывших иммигрантов. В первую десятку наиболее распространенных среди иммигрантов языков входят английский, испанский, панджаби, французский, креольские языки, урду и фарси [Citizenship and Immigration Canada, 2013].

Таблица 7

**Динамика численности носителей
неофициальных языков в Канаде в 2011–2016 гг.**
[Linguistic Diversity and Multilingualism in Canadian Homes]

Родной язык	Изменение численности носителей %
Тагальский (филиппинский)	32.9
Арабский	29.9
Персидский (фарси)	27.2
Хинди	26.0
Урду	25.2
Гуджарати	20.9
Панджаби	18.2
Русский	15.3
Испанский	12.7
Корейский	12.3
Тамильский	9.6
Вьетнамский	8.8
Румынский	8.0
Португальский	5.1
Греческий	-1.2
Польский	-4.7
Немецкий	-5.9
Итальянский	-6.9
Украинский	-8.1
Датский	-10.1

Распространение неофициальных языков в Канаде

В Канаде употребляется более чем 200 языков (два официальных языка, языки коренных народов и языки иммигрантов). Согласно данным переписи населения Канады 2016 года, 7 млн 749 тыс. канадцев говорят на языках, отличных от двух официальных, что на 910 тыс. (13,3 %) больше, чем в 2011 году. При этом, в 2016 году 2,4 % респондентов указали более чем на один язык как на родной (в 2011 году – 1,9 %). Об использовании более чем одного языка в качестве языка домашнего общения заявили 19,4 % респондентов (в 2011 году – 17,5 %). Также, перепись показала, что 7 из 10 граждан Канады, родным языком которых ни является ни английский, ни французский, используют, тем не менее, эти языки в домашнем общении [Linguistic Diversity and Multilingualism in Canadian Homes].

Не все люди, чьим родным языком является один из неофициальных языков, используют этот язык в качестве языка домашнего общения. Справедливо и обратное: жители Канады могут использовать в качестве языков домашнего общения языки, не являющиеся для них родными. Так, число людей, использующих языки коренных народов Канады в домашнем общении (228 700 человек) превышает число людей, указавших эти языки в качестве родного языка (213 230 человек). Этот факт можно интерпретировать как результат стремления к сохранению этно-культурного наследия: родители в смешанных семьях хотят, чтобы их дети не забывали родной язык.

Кроме того, в домашнем общении может использоваться два или более языков, один из которых следует считать «главным». В частности, один из языков коренных народов Канады оказался главным языком домашнего общения для 137 520 канадцев; 91 250 человек записали язык коренных народов в качестве дополнительного [Linguistic Diversity and Multilingualism in Canadian Homes].

Что касается родных языков иммигрантов, то возрастные числа канадцев, использующих эти языки в качестве языков домашнего общения, связано с ростом иммиграции, который, в свою очередь, является основным фактором роста численности населения Канады. В среднем, на наиболее распространенных 22-х языках говорили в 2016-м году более 6,3 миллионов канадцев, тогда как в 2011 году это число составляло 5,6 миллионов [Linguistic Diversity and Multilingualism in Canadian Homes].

Языковая ситуация в сфере распространения неофициальных языков связана не только с потоком иммиграции, но и с межпоколенческой передачей языков, осуществление которой обусловлено, в первую очередь, возможностью общения на родном языке в кругу семьи. Соответственно, не вызывает сомнения существенная роль межнациональных браков в сохранении/утрате родного языка в поколениях. Согласно исследованиям [Spolsky, 2004, p. 42–46], лишь 10 % детей из третьего поколения иммигрантов говорят на том же языке, что их матери и бабушки. Тем не менее, в Канаде наблюдается увеличение интенсивности передачи родных языков: если в 1981 году языки иммигрантов передавались 41 % детей, то в 2006 году относительное число детей, воспринявших родной язык от родителей, выросла до 55 % [Petrosova, 2013, p. 40].

Следует отметить зависимость межпоколенческой передачи языков от языковой группы. Так, наблюдается высокая устойчивость армянского языка, языка панджаби, бенгальского языка и урду, в то время как тагальский язык (в настоящее время наиболее частотный язык иммигрантов) сохраняется в следующем поколении лишь в 20 % от общего числа семей иммигрантов – носителей этого языка [Petrosova, 2013, p. 40–41].

Сохранение языков культурно-этнической принадлежности (родных языков иммигрантов) законодательно обеспечивается Конституционным актом 1988 года о мультикульту-

турализме и подкрепляется такими экстралингвистическими факторами, как глобализация, коммуникационные технологии и развитие международных авиаперевозок.

Система образования как инструмент продвижения лингвистического дуализма в современной Канаде

Важность образовательных программ для достижения целей языковой политики подчеркивается в рекомендациях, разработанных комиссаром по официальным языкам Канады, ответственным за продвижение официальных языков и защиту прав их носителей для окончательного достижения целей, сформулированных в *Законе об официальных языках*:

– удвоение количества студентов, участвующих в программах языкового обмена;

– увеличение количества образовательных программ, в которых студенты могут слушать курсы по второму официальному языку [Official Languages Act].

В образовательных учреждениях Канады действуют так называемые «программы погружения», подразумевающие преподавание большинства изучаемых предметов на неродном языке. «Программы погружения» обычно читаются на одном из официальных языков, чаще всего на французском (существуют также и программы на английском, на языках коренных народов и на языках культурно-этнической принадлежности) [Canadian Council on Learning, 2007] и становятся одним из наиболее важных образовательных инструментов развития билингвизма, уменьшения социальной дистанции между англофонами, франкофонами и аллофонами. Изучение языка, связанной с ним культуры и ее наследия рассматривается как средство расширения кругозора, воспитания чуткого и толерантного отношения к ценностям и традициям носителей другого языка с учетом многообразия культурных координат. Слушателям программы предлагается «примерить на себя» ментальность и мировоззренческие

установки представителей изучаемой культуры, освоить их социальные роли, приобрести статус «своего» в иноязычной культуре и подтвердить его в конкретной коммуникативной ситуации. Тем самым, у обучаемых формируются навыки межкультурной коммуникации и мультикультурализма.

Особенно ярко приверженность Канады к мультикультурализму находит отражение в «программах погружения» в языки, не являющиеся официальными языками страны (языки коренных народов и языки иммигрантов). Подобные программы открыты как для англофонов, так и для франкофонов; основная (постулируемая официально) цель таких программ – «обеспечение выживания языков и культур, находящихся под угрозой исчезновения, имеющих значение для речевых коллективов и их потомков» [Genesee, 1998, p. 313].

Образовательные программы варьируются по территории Канады; каждая провинция или территория разрабатывает свою систему образования, вследствие чего в каждой провинции имеется собственный департамент (министерство) образования, отвечающий за политику в области образования и организацию образовательной системы.

Образовательная политика Канады в отношении иммигрантов

Знание одного из официальных языков Канады имеет большое значение для обеспечения успешной интеграции иммигрантов. Исследования показывают, что существует связь между навыками владения официальным языком и возможностью найти высокооплачиваемую работу [Grondin, 2007, p. 6–7]. При этом, вероятность успешного трудоустройства иммигрантов возрастает в зависимости от их знания английского языка, в то время как статистически значимой связи между знанием французского и возможностью найти высокооплачиваемую работу не выявлено. В провинции Квебек иммигранты, знающие французский язык, для полу-

чения высокооплачиваемой работы также должны продемонстрировать хорошее владение английским.

Не удивительно, что иммигранты прилагают усилия к изучению официальных языков. Согласно статистике, если через пять месяцев после прибытия в страну 58 % иммигрантов хорошо владели английским, а 11 % – французским, то через четыре года после приезда в страну соответствующие показатели достигают 69 % и 14 % [Grondin 2007, p. 6–7].

В целях успешной интеграции иммигрантов в канадское общество и их дальнейшей адаптации, правительство, проводя политику двуязычия, создает различные программы, помогающие иммигрантам улучшить навыки коммуникации на официальных языках. Программы обучения английскому (французскому) для иммигрантов предоставляют бесплатные языковые курсы для взрослых новоприбывших иммигрантов [Language Instruction for Newcomers to Canada]. Правительства Манитобы, Британской Колумбии и Квебека (с высоким уровнем двуязычия) разрабатывают собственные программы интеграции иммигрантов.

Цель программы углубленного изучения английского языка (ELT) – развитие языковой компетенции иммигрантов для повышения их занятости на рынке труда. Данная программа является частью правительственной политики в области иммиграции, направлена на привлечение высокопрофессиональных работников на канадский рынок труда и обеспечение их успешной интеграции в социум; действует по всей территории Канады кроме провинции Квебек. В Квебеке же иммигранты имеют доступ к различным бесплатным программам и курсам французского языка.

Что касается языковой политики в сфере школьного образования, то школьные программы для детей иммигрантов предусматривают изучение английского в качестве второго языка. Дети, как правило, посещают английские (или французские) школы; при этом, в регионах с высокими показате-

лями иммиграции дети иммигрантов имеют возможность посещать дополнительные курсы, а также рассчитывать на более внимательное отношение со стороны преподавателей [Burnaby, 2008, p. 59].

В соответствии с *Конституционным актом* 1988 года о мультикультурализме, по всей стране открываются программы изучения языков культурно-этнического наследия. Обычно такие программы работают под эгидой местных муниципальных органов управления; их цель – обеспечение изучения родного языка для детей из иммигрантских семей, составляющих большинство обучаемых на таких программах, хотя другие слушатели тоже имеют возможность посещать программу. Занятия в рамках данных программ могут быть вписаны в сетку основного расписания, или проводиться после школы в вечернее время и на выходных; на них может использоваться только изучаемый язык (принцип «погружения» в языковую среду), или же один из официальных языков [Ibidem, p. 79–80].

Так, в провинции Манитоба предлагаются три программы изучения языков культурно-этнического наследия: базовая программа (язык преподается в школе параллельно с другими предметами), программа на двуязычной основе (преподавание на языке культурно-этнического наследия проводится в течение не более половины учебного дня) и программа углубленного изучения языка (для изучения ряда предметов используется язык культурно-этнического наследия). Примером обучения конкретному языку является программа «Начальный китайский» и «Китайский язык на двуязычной основе» в Ванкувере (Британская Колумбия). Первая программа направлена на детей начальной школы с нулевым знанием китайского и требует адекватного владения английским языком, так как читается частично на китайском, частично – на английском. Программа «Китайский язык на двуязычной основе» охватывает период с 4 по 7 класс. В рамках этой программы преподаются языковые дисциплины

на китайском языке, остальные предметы читаются на английском [Vancouver School Board]. Китайский язык весьма популярен в канадских школах, поскольку это один из наиболее распространенных языков среди новоприбывших иммигрантов.

Взаимосвязь между образованием и иммиграцией можно проследить и на сайтах образовательных учреждений. Так, на сайте школьных организаций Ванкувера размещены брошюры на различных языках, содержащие ответы на базовые вопросы об образовании в провинции. Среди используемых языков: арабский, китайский, тагальский, французский, хинди, корейский, персидский, панджаби, русский, испанский и вьетнамский [Vancouver School Board]. Большинство этих языков принадлежат к наиболее часто встречающимся среди иммигрантов языкам и отражают мультикультурный характер канадского общества.

Перспективы развития языковой ситуации в Канаде

Вследствие высокого уровня иммиграции, неофициальные языки приобретают все большую значимость в канадском обществе, причем, согласно прогнозам, эта тенденция сохранится и в дальнейшем.

В настоящее время 67 % прироста населения Канады обеспечивается за счет иммигрантов, и прогнозы показывают, что этот показатель будет повышаться [Population Growth in Canada]. Следовательно, количество носителей неофициальных языков будет возрастать. В этой связи, следует отметить роль соответствующих образовательных программ, широко распространенных по территории Канады, в деле сохранения значимости языков культурно-этнического наследия.

Развитие иммиграции оказывает влияние не только на вариативность языковой мозаики страны, но и на перспективы дальнейшего распространения официальных языков, а именно – французского языка. Как уже отмечалось выше, за

пределами территории провинции Квебек количество носителей неофициальных языков превышает количество носителей французского языка: 12,3 % населения используют в бытовом общении один из неофициальных языков, в то время как только 2,3 % населения указывают французский в качестве родного (о владении французским языком заявляют 10,2 % канадцев, живущих не в Квебеке) [Population by Mother Tongue].

В Квебеке, благодаря значительному количеству франкофонов, образовательной политике в поддержку образования на французском языке, а также требованию обучения детей из семей иммигрантов французскому, позиции французского языка остаются достаточно сильными. Однако, в остальной части Канады это далеко не так. В частности, в 2011 году средства массовой информации в Британской Колумбии сообщили, что французский может утратить свои привилегированные позиции в системе образования провинции. Министерство образования провинции предложило предлагать школьникам больше языков для изучения, что означало, что статус французского может быть понижен до статуса «дополнительного» языка, наряду с китайским или немецким. После протестов со стороны преподавателей, а также франкофонного населения провинции, предложение было отклонено [Steffenhagen, 2011]. Тем не менее, прогнозы показывают, что дальнейшее повышение числа и значимости иммигрантов будет сопровождаться повышением значимости и престижа их родных языков, что может послужить базой для повторения подобных попыток.

Важнейшим фактором, влияющим на степень и характер изменений в языковой ситуации Канады, является иммиграция. Согласно данным переписи 2011 года, около 20 % канадцев сообщили о том, что их родным языком не является ни один из официальных языков страны, но только 6,5 % указали, что в используют только этот язык в рамках бытовой коммуникации [Methodological Documents, 2011]. В связи

с этим, не вызывает удивления тот факт, что, как можно заключить из данных последних переписей населения, в Канаде происходит становление нового двуязычия, отличного от франко-английского билингвизма. Новый билингвизм – это комбинация английского/французского и одного из двухсот языков, на которых говорит население страны. Количество канадцев, употребляющих в бытовом общении английский язык в комбинации с одним из неофициальных языков, в 2011 году выросло до 11,5 % (по сравнению с 3,7 % жителей, использующих французский и один из неофициальных языков в бытовом общении). Согласно статистике, около 17,5 процентов канадцев владеют обоими официальными языками, но за последние годы этот показатель снизился во всех регионах, кроме Квебека. В то же время, количество канадцев, употребляющих в бытовом общении английский в комбинации с одним из неофициальных языков, возрастает [Population by Language Spoken Most Often and Regularly at Home]. Как уже отмечалось, иммиграция является одним из значимых факторов данных изменений.

В целом, можно заключить, что степень мультикультурализма и многоязычия в канадском обществе возрастают. Как отмечает социолог Дж. Уайт из университета Британской Колумбии, в настоящее время иммигранты изучают тот официальный язык, на котором ведется профессиональная коммуникация в их регионе местожительства (английский или французский), сохраняя родной язык в семейно-бытовой коммуникации (по крайней мере в первом поколении), и именно такое решение представляется наиболее рациональным [Friezen, 2012]. Сравнительный анализ данных переписи разных лет подтверждает данный тезис. К этому можно добавить, что рациональность подобной модели поведения может проистекать от сочетания стремления иммигрантов сохранить родной язык с желанием успешно встроиться в социально-профессиональную структуру канадского общества, для чего требуется знание официального языка; также, неос-

порима роль осознанной языковой политики, проводимой канадским правительством.

ЛИТЕРАТУРА

Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языка. СПб.: Гуманитарная академия, 2004. 336 с.

Вишневская Г.М. Канадский языковой разлом (англо-французский билингвизм) // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 6–1. с. 136–137. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.experimentation.ru/article/view?id=10181> (дата обращения: 15.10.2017).

Максимова О.Б. Языковая политика Канады в отношении иммигрантов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. №10. Ч.1. с. 138–141.

Швейцер А.Д. Современная социоллингвистика: Теория, проблемы, методы. М.: Наука, 1977. 208 с.

2016 Census Topic: Language [Электронный ресурс]. URL: <http://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2016/rt-td/lang-eng.cfm> (дата обращения: 15.10.2017).

An Increasingly Diverse Linguistic Profile: Corrected Data from the 2016 Census [Электронный ресурс]. URL: <http://www.statcan.gc.ca/daily-quotidien/170817/dq170817a-eng.htm> (дата обращения: 15.10.2017).

Berry J. Official Multiculturalism / ed. by J. Edwards // Language in Canada. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 84-101.

Burnaby B. Language Policy and Education in Canada / ed. by N. H. Hornberger // Encyclopedia of Language and Education. Springer, 2008. V. 1. Language Policy and Political Issues in Education. 433 p. P. 331-341.

Canada. Facts and Figures. Immigration Overview Permanent and Temporary Residents [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cic.gc.ca/english/pdf/2014-Facts-Permanent.pdf> (дата обращения: 15.10.2017).

Canadian Council on Learning. Lessons in Learning [Электронный ресурс]. 2007. URL: <http://www.ccl-cca.ca/pdfs/LessonsInLearning/May-17-07-Frenchimmersion.Pdf> (дата обращения: 15.10.2017).

Castonguay Ch. Fading Canadian Duality / ed. By J. Edwards // Language in Canada. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 36–60.

Citizenship and Immigration Canada. Start Your Life in Canada. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cic.gc.ca/english/newcomers/live/index.asp> (дата обращения: 15.10.2017).

Cooper Robert L. Language Planning and Social Change. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 216 p.

English–French bilingualism reaches new heights / Statistics Canada [Электронный ресурс]. URL: <http://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2016/as-sa/98-200-x/2016009/98-200-x2016009-eng.cfm> (дата обращения: 15.10.2017).

Fishman J.A. Language Policy and Language Shift / ed. by T. Ricento // An Introduction to Language Policy: Theory and Method. Malden, MA: Blackwell Publishing, Ltd., 2006. 388 p. P. 311-328.

Friezen J., Peritz I. “New Bilingualism Taking Hold in Canada” / The Globe and Mail [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theglobeandmail.com/news/national/new-bilingualism-taking-hold-in-canada/article4650408/> October 24, 2012 (дата обращения: 15.10.2017).

Genesee F. French Immersion in Canada / ed. by J. Edwards // Language in Canada. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 305-326.

Goundar P.R. The Characteristics of Language Policy and Planning Research: An Overview. by Prashneel R. G. // Sociolinguistics – Interdisciplinary Perspectives /Ed. by X. Jiang. Ch.5. InTech, 2017. 146 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.intechopen.com/books/sociolinguistics-interdisciplinary-perspectives/the-characteristics-of-language-policy-and-planning-research-an-overview> (дата обращения: 15.10.2017).

Government of Canada. Canadian Multiculturalism Act / Justice Laws Website [Электронный ресурс]. URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-18.7/> (дата обращения: 15.10.2017).

Grondin Ch. Knowledge of Official Languages among New Immigrants: How Important is It in the Labour Market? Minister of Industry: Ottawa. 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.statcan.gc.ca/pub/89-624-x/89-624-x2007000-eng.pdf> (дата обращения: 15.10.2017).

Houle R. Recent Evolution of Immigrant-Language Transmission in Canada.и 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.statcan.gc.ca/pub/11-008-x/2011002/article/11453-eng.htm> (дата обращения: 15.10.2017).

Immigration and Refugee Protection Act / Statutes of Canada. Government of Canada Website [Электронный ресурс]. 2001. URL: <http://laws.justice.gc.ca/eng/acts/i-2.5/> (дата обращения: 15.10.2017).

Immigrant Languages in Canada [Электронный ресурс]. URL: http://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2011/as-sa/98-314-x/98-314-x2011003_2-eng.cfm (дата обращения: 15.10.2017).

Language Highlight Tables. 2016 Census [Электронный ресурс]. URL: <http://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2016/dp-pd/hltfst/lang/Table.cfm?Lang=E&T=31&Geo=00> (дата обращения: 15.10.2017).

Language Instruction for Newcomers to Canada [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cic.gc.ca/english/newcomers/live/language.asp> (дата обращения: 15.10.2017).

Language(s) Spoken at Home, Canada, 2001, 2006 and 2011 / Linguistic Characteristics of Canadians [Электронный ресурс]. URL: <http://www12.stat>

can.gc.ca/census-recensement/2011/as-sa/98-314-x/2011001/tbl/tbl5-eng.cfm?=&wbdisable=true (дата обращения: 15.10.2017).

Linguistic Diversity and Multilingualism in Canadian Homes /2016 Census Topic: Language [Электронный ресурс]. URL: <http://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2016/as-sa/98-200-x/2016010/98-200-x2016010-eng.cfm> (дата обращения: 15.10.2017).

McArthur T. Language Shift // The Oxford Companion to the English Language. Oxford: Oxford University Press, 1992. 1184 p.

Methodological Document on the 2011 Census Language Data. Population by mother tongue, Canada, 2001, 2006 and 2011 / Statistics Canada [Электронный ресурс]. URL: <http://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2011/ref/guides/98-314-x/tbl/tbla01-eng.cfm> (дата обращения: 15.10.2017).

Office of the Commissioner of Official Languages. Canadian Charter of Rights and Freedoms [Электронный ресурс]. 2012. URL: http://www.ocolclo.gc.ca/html/charter_charte_e.php (дата обращения: 15.10.2017).

Official Languages Act [Электронный ресурс]. URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/o-3.01/FullText.html> (дата обращения: 15.10.2017).

Petrosova D. Language Policy and Immigration to Canada // Bachelor's Diploma Thesis. Masaric University, 2013.

Population by Language Spoken Most Often and Regularly at Home, Age Groups (Total), for Canada, Provinces and Territories, and Census Metropolitan Areas and Census Agglomerations [Электронный ресурс]. URL: <http://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2011/dp-pd/hltfst/lang/Pages/Highlight.cfm?TabID=1&Lang=E&PRCode=01&Age=1&tableID=403&queryID=1> (дата обращения: 15.10.2017).

Population by Mother Tongue and Age Groups, 2011 Counts, for Canada and Census Metropolitan Areas and Census Agglomerations / Statistics Canada. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2011/dp-pd/hltfst/lang/Pages/highlight.cfm?TabID=2&Lang=E&Asc=1&PRCode=01&OrderBy=999&View=1&tableID=401&queryID=1&Age=1> (дата обращения: 15.10.2017).

Population by Mother Tongue, by Province and Territory, excluding Institutional Residents (2011 Census) (Manitoba, Saskatchewan, Alberta, British Columbia) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statcan.gc.ca/tables-tableaux/sum-som/l01/cst01/demo11c-eng.htm> (дата обращения: 15.10.2017).

Population Growth in Canada: From 1851 to 2061. 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2011/as-sa/98-310-x/98-310-x2011003_1-eng.cfm (дата обращения: 15.10.2017).

Shohamy E. Language Policy: Hidden Agendas and New Approaches. Abingdon: Routledge, 2006. 185 p.

Site for Language Management in Canada [Электронный ресурс]. URL: https://slmc.uottawa.ca/?q=english_french_province (дата обращения: 15.10.2017).

Spolsky B. Language Policy. Key Topics in Sociolinguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 756 p.

Steffenhagen J. French Will Maintain Favoured Status in B.C. Schools. Canadian Parents for French. November. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cpf.bc.ca/site3/index.php/media/headline-news/76-news-articles/1608-french-willmaintain-favoured-status-in-bc-schools> (дата обращения: 15.10.2017).

Thompson I. Tagalog. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://aboutworldlanguages.com/tagalog> (дата обращения: 15.10.2017).

Vancouver School Board [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsb.bc.ca/parent-information-brochures> (дата обращения: 15.10.2017).

Williams C.H. Language Policy, Territorialism and Regional Autonomy / in B. Spolsky (Ed.) //The Cambridge Handbook of Language Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. p. 174–202.

Глава 5

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К МИГРАНТАМ

Селиванова Татьяна Владимировна

Российский университет дружбы народов, кафедра иностранных языков
факультета гуманитарных и социальных наук;
старший преподаватель кафедры иностранных языков

Ключевые слова: языковая политика, языковая ситуация, языковая интеграция, мигранты, миграционный кризис, интеграционные курсы, профессионально ориентированное обучение немецкому языку, билингвизм, многоязычие.

Языковая политика является частью национальной политики любого государства. При этом язык, будучи, как правило, объектом языковой политики, нередко используется в качестве инструмента для решения текущих политических задач. Одной из чувствительных для немецкого общества внутреннеполитических проблем уже в течение почти полувека продолжает оставаться интеграция миллионов мигрантов, прибывших в Германию с целью натурализации. Сегодня пятую часть населения страны составляют мигранты или граждане с иммигрантскими корнями [Rede von Bundeskanzlerin], а на иммиграционной карте Европы ФРГ уверенно занимает первое место. «Мы фактически уже иммиграционная страна» / «Wir sind im Grunde schon ein Einwanderungs-

land», – признала канцлер Германии Ангела Меркель (Angela Merkel), поставив точку в многолетней дискуссии на эту тему [Merkel sieht Deutschland].

Десятилетиями Германия выстраивала свою успешно функционирующую миграционную политику, в которой обучение мигрантов немецкому языку рассматривалось как важнейший ресурс их социальной и трудовой адаптации. Девизом этой политики стал слоган «*Язык – это ключ к интеграции*». Миграционный кризис 2015–2016 годов, вызванный мощным потоком беженцев с Ближнего Востока и из Северной Африки и всего за несколько месяцев увеличивший общую численность населения страны с иммигрантским происхождением более чем на один миллион, подверг seriously испытанию всю систему приема и интеграции иностранных граждан, обострил накопившиеся в ней проблемы. В сложившейся кризисной ситуации федеральное правительство было вынуждено в экстренном порядке провести ревизию миграционной политики и привести её в соответствие с новыми вызовами.

В 2016 году был принят первый в послевоенной истории Германии «Закон об интеграции» [Erstes Integrationsgesetz]. В нем в качестве одного из первостепенных приоритетов было названо усиление мер по языковой адаптации мигрантов. Приветствуя принятие Закона, канцлер Германии Ангела Меркель особенно подчеркнула важность изучения мигрантами языка принимающей их страны: «Важно рассматривать интеграцию не только как шанс для людей, прибывших к нам, но и как ожидание с нашей стороны, что *они будут учить немецкий язык и придерживаться наших законов.*» / «Es ist sehr wichtig, Integration als Angebot an die Menschen, die zu uns gekommen sind, zu sehen, aber auch als Erwartung: dass sie die deutsche Sprache lernen und dass sie sich an unsere Gesetze halten» [Bundesregierung/Artikel/Integration]. Таким образом, вступление в силу Закона об интеграции внесло коррективы также в государственную языковую по-

литику в том её сегменте, который связан с языковой интеграцией мигрантов.

Опыт Германии в проведении политики языковой адаптации мигрантов и в её недавней модернизации представляется интересным и поучительным с точки зрения возможности его использования при решении аналогичных задач в странах, принимающих на постоянное или временное жительство граждан иных государств. В этом ракурсе немецкий опыт заслуживает детального рассмотрения.

Приступая к исследованию, необходимо определить, в каком ключе применительно к поставленным задачам будут использоваться такие понятия, как «языковая политика», «языковая ситуация», «языковая интеграция/ языковая адаптация / языковая социализация».

Языковая политика. Поскольку рассмотрению подлежит языковая политика Германии в свете государственной миграционной политики, представляется рациональным воспользоваться дефиницией, которая подчеркивает актуальность языковой политики ФРГ с точки зрения её внутривнутриполитической значимости. Такую дефиницию в ёмкой форме дает большой энциклопедический словарь под редакцией В.Н. Ярцевой: «Языковая политика – это совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [Ярцева, 1998, с. 616]. При рассмотрении совокупности идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем представляется возможным также проследить, каким образом государство решает актуальные политические проблемы (интеграция мигрантов), инструментируя для этой цели языковую политику.

Языковая ситуация. Объектом языковой политики является языковая ситуация, которую та призвана сохранять или реформировать согласно требованиям общества и времени. Языковая ситуация – одно из ключевых понятий социолингвистики. Несмотря на наличие множества формули-

ровок, основные её параметры, однако, остаются константными. Наиболее отвечающей задачам данного исследования нам представляется дефиниция Никольского А.Б., в которой он акцентирует динамичный, подвижный характер языковой ситуации, трансформирующейся под воздействием изменений внутри социума: «Взаимоотношение функционально стратифицированных языковых образований *изменяется во времени под воздействием общества и языковой политики и, стало быть, представляет собой некий процесс*. Этот процесс распадается на ряд состояний. Каждое такое состояние и есть то, что можно назвать *языковой ситуацией*» [Языковая политика]. В социолингвистике принято различать две основные группы языковых ситуаций: а) экзогlossные я.с. (совокупность разных языков), б) эндогlossные я.с. (совокупность подсистем одного языка). Для данного исследования актуально рассмотрение первой группы языковых ситуаций. С.Е. Перепечкина описывает языковую ситуацию в Германии как «*экзогlossную несбалансированную*», принимая во внимание большую долю иммигрантов, которые говорят в большинстве своём на языках, неродственных немецкому и имеющих по отношению к нему неравный статус (не используются в качестве государственного или официального языка) [Перепечкина, 2003, с. 82]. Такой характер языковой ситуации в поликультурном обществе требует сбалансированной государственной языковой политики, учитывающей интересы всех социальных и этнических групп, базирующейся на эффективной межкультурной и межличностной коммуникации, культурной и языковой толерантности.

Языковая интеграция, языковая адаптация, языковая социализация мигрантов. Важнейшей предпосылкой для вовлечения мигрантов и беженцев в полноценную языковую коммуникацию и включения их тем самым в общественные процессы является их *языковая интеграция или языковая адаптация*. Под языковой интеграцией иммигрантов в нашем контексте следует понимать их социальную адапта-

цию посредством освоения ими коммуникативных возможностей языка принимающей страны. В этом случае уместно также говорить о *языковой социализации*, т.е. не только об усвоении индивидом языка, но и речевых норм данной социальной среды, стереотипов речевого поведения. В отношении иммигрантов чаще всего приходится иметь дело с их вторичной языковой социализацией на базе не родного, а второго для них языка (языка вторичной социализации).

Правовое обеспечение языковой политики ФРГ

Государственная языковая политика регулируется языковым законодательством. В Германии свод законов о языке отсутствует. Не зафиксирован правовой статус немецкого языка как *государственного* ни в конституции, ни в каком-либо ином специальном законе о статусе языка. Наиболее определённо официальный статус литературного немецкого языка определяется как «язык делопроизводства и судопроизводства» в 23 параграфе Закона об административном процессе [Verwaltungsverfahrensgesetz, VwVfG. Par. 23] и в 19 параграфе Социального закона [Zehntes Buch Sozialgesetzbuch, SGB X]. В связи с отсутствием языкового законодательства властные органы при проведении языковой политики руководствуются законодательными актами и нормами, принимаемыми различными государственными ведомствами в рамках их компетенции.

Основополагающие направления государственной политики Германии в сфере языковой адаптации иммигрантов закреплены в двух законодательных актах: в Федеральном законе об иммиграции (Zuwanderungsgesetz, 2005) и в Федеральном законе об интеграции (Integrationsgesetz, 2016).

Закон об иммиграции. В Законе об иммиграции впервые на законодательном уровне интеграция мигрантов была заявлена как одно из ведущих направлений государственной внутренней политики ФРГ. Ключевым элементом в новой

интеграционной политике должны были стать *Интеграционные курсы (Integrationskurse)*. Согласно Закону об иммиграции, государство приняло на себя обязательство организовать и финансировать Интеграционные курсы для иммигрантов, основная часть учебного времени которых отводилось на обучение немецкому языку. «Интеграционный курс объединяет адресованный иностранным гражданам пакет учебных мероприятий, направленных на освоение ими немецкого языка, ознакомление с правовой системой, культурой и историей Германии. Благодаря этим мерам иностранные граждане должны научиться ориентироваться в окружающем их социуме таким образом, чтобы иметь возможность действовать в любой жизненной ситуации без помощи третьих лиц» [AufenthG. Par. 43 Abs. 2].

Закон об интеграции. Принятый в 2016 году *Закон об интеграции* явился реакцией на миграционный кризис 2015–2016 годов и юридически закрепил изменения в языковой политике ФРГ, касающейся вопросов миграции. Принятие Закона об интеграции происходило на фоне парадоксальной ситуации, сложившейся к этому времени в немецком обществе и обострившейся после 2015 года до кризисного состояния. В то время, как немецкая экономика испытывала острую необходимость в квалифицированной рабочей силе, в стране насчитывались десятки и десятки тысяч трудоспособных мигрантов, получающих от государства пособие по безработице или другие социальные выплаты и живущих за счёт занятых общественно полезным трудом немецких налогоплательщиков. Такое положение дел нарушало баланс интересов членов общества и несло в себе опасность социальной и политической дестабилизации.

Закон об интеграции, содержащий обширный спектр мер по трудовой и одновременно языковой адаптации мигрантов, должен, по мнению правительства Германии, стать тем рычагом, который способен направить интеграционный процесс в нужное русло.

Во исполнение Закона об интеграции правительство обязуется расширить сеть Интеграционных курсов для мигрантов, упростить доступ к обучению на них, значительно увеличить финансирование образовательных программ, программ по подготовке и повышению квалификации преподавательских кадров, объединить в единый комплекс мероприятия по трудовой интеграции и обучению профессионально ориентированному немецкому языку. Одновременно Закон об интеграции изменил модальность формулировки новеллы Закона об иммиграции, касающейся изучения иммигрантами немецкого языка: начиная с 2016 года прохождение интеграционного курса становится обязательным условием для получения мигрантами разрешения на жительство (Aufenthaltserlaubnis). Для уклоняющихся предусматривается репрессивная мера в виде сокращения социальных выплат [Migration, Integration, Asyl, 2017, S. 54], а в некоторых случаях – отказа в праве на легализацию.

Общественное обсуждение проекта Закона и дебаты в правительстве и парламенте проходили под девизом «Стимулировать и требовать» («Fördern und fordern»). Критики Закона интерпретировали такой подход как демонстрацию «политики кнута и пряника». Однако его принятие, определившее на ближайшую перспективу основные направления языковой политики ФРГ по отношению к мигрантам, было воспринято гражданами ФРГ, в целом, положительно и рассматривалось ими как шаг, консолидирующий общество, пережившее шок от мощной волны беженцев, прибывших в страну 2015–2016 годах.

Государственные языковые и образовательные программы для мигрантов и беженцев

Государственная политика ФРГ в области языковой адаптации мигрантов реализуется по четырём магистральным направлениям: *обучение немецкому языку на Интегра-*

ционных курсах всех прибывших на жительство в Германию иностранных граждан; интегрированное обучение профессионально ориентированному немецкому языку мигрантов в рамках программы профессиональной подготовки; раннее приобщение к немецкому языку детей мигрантов в детских дошкольных учреждениях; совершенствование знания немецкого языка у детей и подростков в системе школьного образования.

Функцией координатора и исполнителя интеграционных мероприятий (согласно Закону об интеграции 2005 года) наделено Федеральное ведомство по делам миграции и беженцев (BAMF), находящееся в подчинении Министерства внутренних дел. В зону ответственности Ведомства входит создание, развитие и содержательное обеспечение сети Интеграционных языковых курсов для иностранцев, прибывших в страну с целью натурализации.

Интеграционные курсы. Интеграционные курсы занимают одно из центральных мест в пакете мер по трудовой и социальной интеграции мигрантов. Согласно «Закону об интеграции», обучение на Интеграционных курсах – это мероприятие, в котором в обязательном порядке должны принять участие все мигранты и беженцы. Если заявленная в 2016 году интеграционная политика стартовала под лозунгом «Язык – это ключ к интеграции», то Интеграционные курсы дают мигранту тот самый ключ, которым он может открыть для себя двери в новую жизнь. Таким образом, интеграционные курсы следует рассматривать как стартовую площадку для начальной языковой квалификации мигрантов. Контингент слушателей Интеграционных курсов составляют лица, прибывшие в Германию и уже получившие разрешение на пребывание в стране или временный вид на жительство. Сюда же относятся недавние беженцы, прошедшие регистрацию и ожидающие разрешение на проживание. Обязательным условием для бесплатного обучения на курсах служит документированное подтверждение того, что данное лицо являет-

ся получателем социальной помощи от государства. Для обучения на курсах допускаются также лица, уже имеющие вид на жительство, и граждане Германии с иммиграционным происхождением. Для них обучение платное и составляет 50% от стоимости курса.

С 2016 года Ведомство по делам иммиграции и беженцев (BAMF) имеет полномочия в принудительном порядке привлекать к обучению мигрантов, знание немецкого языка у которых отсутствует или недостаточно. С другой стороны, успешное прохождение интеграционного курса может послужить основанием для упрощенного порядка получения мигрантами вида на жительство или продления срока его действия.

С 2017 года для беженцев, временно проживающих на территории Германии, но не имеющих перспективы на получение разрешения на жительство (*Geduldete*), работают специальные ориентировочные курсы. Организаторы курсов исходят из того, что даже кратковременное пребывание беженцев в Германии должно принести им пользу и оставить у них благоприятное впечатление о стране.

Началом полномасштабной работы системы Интеграционных курсов следует считать 2005 год. В 2006 году Ведомство по делам иммиграции дало поручение Институту имени Гёте (*Goethe-Institut*) на разработку Рамочной программы для Интеграционных курсов / Немецкий как второй язык (*Rahmencurriculum für Integrationskurse / Deutsch als Zweitsprache*). Программа была опубликована в 2007 году. К созданию Программы, помимо Института имени Гёте, были привлечены также научные кадры из Института по изучению миграции и межкультурным исследованиям (*Institut für Migrationsforschung und Interkulturelle Studien*), Немецкого союза народных университетов (*Deutscher Volkshochschulverband*), Мюнхенского университета имени Людвига-Максимилиана (*Ludwig-Maximilians-Universität München*). В Рамочной программе были изложены концептуальные подходы

к формированию различных моделей языковых курсов, к их содержательному наполнению, к методической и дидактической базе, а также определены критерии оценки знаний учащихся.

Интеграционный курс состоит из двух блоков: а) курса языковой подготовки (600 учебных часов) и б) ориентировочного курса, расширенного в 2016 году с 40 до 100 учебных часов. Языковой курс начинается с базового уровня, состоящего из трех модулей по 100 часов, за которым следует углублённый курс немецкого языка, также разделённый на три модуля по 100 часов каждый. Поступающий на курсы может выбрать модули, соответствующие уровню его языковой компетенции и комбинировать их согласно своим возможностям и запросам.

Конечная учебная цель *языкового курса* состоит в выработке у учащихся речевого навыка, достаточного для коммуникации на темы повседневной жизни без посредничества третьих лиц, что соответствует уровню B1 Общеввропейского стандарта сертификации языковых знаний (GER) .

Интеграционные курсы, учитывая возрастную, образовательную, социальную, культурную неоднородность контингента учащихся, предлагают также различные его модификации, адресованные отдельным целевым группам обучаемых. В них учитываются возрастные характеристики (курсы для взрослых людей без достаточной школьной подготовки), семейный фактор (женщины, воспитывающие детей и не имеющие свободного времени для посещения занятий), гендерные и религиозные особенности (курсы для женщин-мусульманок), курсы для неграмотных, вспомогательные курсы для лиц с трудностями в обучении. Чтобы максимально охватить обучением весь контингент прибывающих на жительство в Германию лиц, руководство курсов расширяет перечень целевых групп. Так, прорабатывается возможность открытия групп для слабослышащих, для лиц, не владеющих письмом на основе латинского шрифта. По

статистике, каждый четвёртый учащийся курсов посещает занятия в какой-либо из целевых групп.

Вторым блоком учебной программы является рассчитанный на 100 часов учебного времени *Ориентировочный курс*, который содержит страноведческую тематику и знакомит учащихся с реалиями жизни в Германии, её правовой системой, историей, культурой, географией и т.д.

В качестве итогового контроля знаний учащимися предлагается выполнить два теста: экзаменационный языковой тест «Deutsch-Test für Zuwanderer» («Тест по немецкому языку для мигрантов») и страноведческий тест «Leben in Deutschland» («Жизнь в Германии»). Если результаты тестирования показывают, что знание слушателей курсов соответствует уровню B1, они получают «Сертификат об окончании интеграционного курса». В случае неудачи выдаётся удостоверение об окончании интеграционного курса в пройденном объёме программы. Согласно статистике, в 2015 году 60% сдававших экзамен «Deutsch-Test für Zuwanderer» получили сертификат, подтверждающий их языковую квалификацию на уровне B1. Около 32% достигли уровня A1 и 8% экзамен не выдержали. [Bericht der Beauftragten, 2016, S. 64] Успешное завершение курса даёт мигрантам возможность продолжить повышение своей языковой квалификации по программе «Профессионально ориентированное обучение немецкому языку» («Berufsbezogene Deutschsprachförderung»).

О высокой пропускной способности интеграционных курсов свидетельствуют ежегодные отчёты Федерального ведомства по иммиграции и делам беженцев. Согласно отчётности, в 2015 году в обучении на интеграционных курсах приняли участие 180 тысяч мигрантов и беженцев. Уже год спустя, в кризисном 2016 году, количество обучавшихся на интеграционных курсах насчитывало 317 тысяч человек. Сравнение этих данных показывает, насколько возросла нагрузка на интеграционные курсы и как велики вызовы, стоящие перед ними. Мощности интеграционных курсов, начи-

ная с октября 2015 года (пика миграционного кризиса), были значительно увеличены: начали работу 450 новых учебных площадок для курсов, их общее количество по сравнению с 2015 годом выросло на 70 процентов. Увеличился преподавательский корпус: только в 2016 году в систему интеграционных курсов пришло 13 000 новых преподавателей [Bericht zug]. О перспективах развития интеграционных курсов говорит также федеральный министр внутренних дел ФРГ Томас де Мезьер (Thomas de Maiziere): «Язык – это ключ к интеграции. В деле расширения Интеграционных курсов мы уже многого достигли. ... Первый опыт положителен, мы шаг за шагом готовы его распространять» / «Sprache ist der Schlüssel zur Integration. Mit dem Ausbau der Integrationskurse haben wir bereits viel erreicht. ... Erste Erfahrungen sind positiv, wir werden dies nach und nach ausweiten» [BMI-Nachrichten].

Обеспечение Интеграционных курсов электронными средствами обучения. Ввиду высокого спроса на учебные места на интеграционных курсах, вызванного массовым притоком беженцев, особую актуальность приобрёл вопрос о возможности использования дистанционных электронных средств обучения. Ещё в 2012 году была предпринята попытка создать электронную обучающую программу, дублирующую в определённой степени интеграционный курс. Однако созданная по инициативе BAMF (БAMФ) экспертная комиссия сочла электронную программу слабо оснащенной дидактически, технически сложной для использования и малодоступной ввиду её высокой стоимости. В 2016 году BAMF вернулся к этой идее и в качестве эксперимента апробировал на интеграционных курсах электронную программу дистанционного обучения (blended-learning-Kurs). Учебный материал скомпонован в отдельные лексико-грамматические блоки и комбинируется с очным обучением. Уже апробирована электронная программа «виртуальный класс», финансируемая Федеральным агентством по иммиграции и делам беженцев. Благодаря модулю «виртуальный класс» появляется возмож-

ность общения преподавателя и учащихся, находящихся в разных местах, в режиме реального времени с помощью видео и аудиоконференций и других коммуникационных инструментов. Модуль создан для проведения интерактивных online-уроков и online-лекций. BAMF предполагает в будущем широко использовать проект «виртуальный класс» для дистанционного обучения мигрантов немецкому языку по программе интеграционных курсов. Институт имени Гёте также предлагает в свободном доступе свои обучающие online-программы, которые финансово поддерживаются Министерством иностранных дел и хорошо зарекомендовали себя как за рубежом, так и внутри страны. Имеются также программы, предназначенные для лиц, самостоятельно изучающих немецкий язык, и программы для преподавателей с дидактическими материалами для использования их в учебном процессе. Широко известна такая учебная online-программа как «Lern Deutsch – Stadt der Wörter» («Учи немецкий язык – город слов»). Система упражнений предлагает задания различного уровня сложности, начиная с работы над словарём для начинающих и заканчивая видео-уроками для лиц, совершенствующих свои знания.

Подводя итог рассмотрению роли и места Интеграционных курсов в деле языковой интеграции мигрантов, следует ещё раз подчеркнуть, что они представляют собой государственный образовательный проект, функционирующий под патронажем Министерства внутренних дел ФРГ и финансируемый из государственного бюджета. Всесторонне продуманная, чётко структурированная, обеспеченная детально проработанной методической и дидактической базой, система Интеграционных курсов, вступив во второе десятилетие своего существования, демонстрирует высокий уровень эффективности и зарекомендовала себя как наиболее успешно используемый инструмент языковой политики, способствующий гармонизации языковой ситуации в Германии.

«Профессионально ориентированные курсы немецкого языка для мигрантов и беженцев», «Программа ESF-BAMF (ЕСФ-БАМФ)». Немецкий бизнес остро нуждается в привлечении на рынок труда лиц, прибывших в страну на жительство. Существует также встречная заинтересованность мигрантов, так как для них включение в рынок труда означает не только материальное благополучие, но и глубокую социальную адаптацию.

Однако недостаточный уровень языковой компетенции мигрантов часто приводит к неудаче в поиске рабочего места, поскольку оснащение современных предприятий сложной техникой требует от работников не только соответствующего уровня квалификации, но и знания профессиональной лексики, умения читать и разбираться в технической документации, владеть навыком общения на профессиональные темы с коллегами, клиентами и руководством.

Для языковой подготовки мигрантов к трудовой деятельности Федеральное ведомство по миграции и делам беженцев (BAMF) в сотрудничестве с Европейским социальным фондом (ESF) и при его финансировании разработало в 2007 году специализированную программу «Курсы профессионально ориентированного немецкого языка для мигрантов и беженцев» («Berufsbezogene Deutschkurse für Zuwanderer und Flüchtlinge») [Berufsbezogene Deutschförderung, 2013, S. 6–8]. Программа получила краткое название ESF-BAMF-Programm (Программа ЕСФ-БАМФ), которое официально используется в документах. Принятие Программы означало также введение на федеральном уровне института двуязычного преподавания, ориентированного на нужды немецкого рынка труда. Адресатами программы являются иммигранты и лица, которые ожидают разрешения на проживание или вид на жительство и нуждаются для трудоустройства в освоении уровня языковой компетенции, необходимого для осуществления их профессиональной деятельности. В рамках интеграционных мероприятий Программа

ЕСФ-БАМФ представляет собой своеобразный мост, связывающий Интеграционный курс и языковую подготовку мигрантов для их дальнейшего обучения профессии и успешного вхождения на рынок труда. Предпосылкой для бесплатного обучения на курсах по Программе ЕСФ-БАМФ служит сертификат об успешном окончании Интеграционного курса и официальное подтверждение того, что соискатель получает от государства пособие по безработице. Курсы посещают лица, предполагающие освоить профессию для работы в малом или среднем бизнесе, в строительстве, в сфере услуг, в гастрономии, в помощи по уходу за больными и престарелыми и др. Общий объем учебного времени составляет 730 учебных часов и рассчитан на шестимесячный срок. За время обучения учащиеся имеют возможность усовершенствовать свои знания немецкого языка от исходного уровня языковой компетенции В1 до уровня С2, что соответствует владению языком в совершенстве. Занятия немецким языком совмещаются с посещением предприятий и тренингом на рабочих местах. В конце обучения учащиеся проходят производственную практику, где приобретают первичные профессиональные навыки и опыт общения на немецком языке с работодателем и коллегами. В случае успешного завершения всех этапов обучения слушатели курсов получают сертификат о прохождении курсов «ESF-BAMF» с начислением квалификационных часов производственной практики. При условии, если мигрант овладел немецким языком на уровне С1 и трудоустроился, он получает от государства поощрение: уже по истечении трех лет пребывания в стране ему может быть предоставлен вид на жительство.

Программа, действующая с 2007 года и финансируемая Европейским Социальным Фондом (ЕСФ), оценивается правительством как проект, успешно выполняющий свою задачу в рамках государственной политики подготовки квалифицированных рабочих кадров со знанием немецкого языка для

рынка труда. Выпускники тоже давали положительные отзывы об организации учебного процесса на курсах. Все это дало повод уполномоченной по делам беженцев при правительстве ФРГ Айдан Озогуз заявить, что «своими инновационными подходами программа проложила путь в будущее» / «Dies unterstreicht, dass mit diesem innovativen Förderansatz ein neuer und zukunftsweisender Weg beschritten worden ist» [BMAS, 2016, S. 57].

С 2013 года из-за возникших проблем в финансировании со стороны ЕСФ правительство Германии начало финансирование мероприятий по Программе. В связи с этим, а также в связи с истечением срока действия Программы в декабре 2017 года, на федеральном уровне было принято решение заменить её на новую, полностью финансируемую из федерального бюджета *Программу профессионально ориентированного обучения немецкому языку* («Berufsbezogene Deutschsprachförderung»).

Программа «Профессионально ориентированное обучение немецкому языку» / «Berufsbezogene Deutschsprachförderung». Программа была разработана по поручению федерального правительства и закреплена на законодательном уровне в «Распоряжении о профессионально ориентированном обучении немецкому языку» [Verordnung, 2016, Par. 3]. Не в последнюю очередь стимулом для создания новой программы послужил миграционный кризис 2015–2016 годов. Безотлагательно следовало разработать универсальный инструмент для широкомасштабной языковой подготовки мигрантов с целью их скорейшей трудовой интеграции. Программа стартовала 1 июля 2016 года и до конца 2017 года должна была функционировать параллельно с Программой ESF-BAMF. Начиная с 2017 года из федерального бюджета на финансирование новой программы направляются средства, достаточные для создания 200000 учебных мест. С 2018 года ежегодная сумма финансирования Программы достигнет 470 миллионов евро [Bericht der Beauftragten, 2016, S.79].

Концептуально и содержательно новая программа профессионально ориентированного обучения немецкому языку базируется на программе Интеграционных курсов (Aufenthaltsgesetzes, Par. 43) и одновременно наследует опыт работы Программы ESF-BAMF. Структурно новая программа состоит из двух блоков модулей: а) блока из трёх базовых модулей (Basismodule) и б) блока из трёх специальных модулей (Spezialmodule).

Базовые модули

Модуль 1. Исходный уровень языковой компетенции – B1, приобретённый уровень языковой компетенции – B2 (300 учебных часов).

Модуль 2. Исходный уровень языковой компетенции – B2, приобретённый уровень языковой компетенции – C1 (300 учебных часов).

Модуль 3. Исходный уровень языковой компетенции – C1, приобретённый уровень языковой компетенции – C2 (300 учебных часов).

Специальные модули ориентированы:

1) на языковую подготовку специалистов для подтверждения или признания уже имеющейся у них квалификации (не более 600 учебных часов);

2) на обучение немецкому языку представителей одной профессиональной группы (300 учебных часов);

3) на обучение профессиональному языку с исходного уровня языковой компетенции A2 до уровня B1 (300 учебных часов);

4) на обучение профессиональному языку с нулевого уровня (уровень A0) до уровня языковой компетенции A2 (300 учебных часов).

Специальные модули 3 и 4 рассчитаны на обучающихся, закончивших интеграционные курсы, но не достигших уровня владения немецким языком B1 [Verordnung über die berufsbezogene Deutschsprachförderung, 2016, Par 12–13].

Каждый из модулей завершается экзаменом на получение сертификата.

Обучение по модульной системе служит для того, чтобы максимально учитывать индивидуальные потребности лиц, поступающих на курсы, обеспечить связь между занятиями немецким языком, профессиональным обучением или работой по уже освоенной профессии, а также другими мероприятиями в рамках государственной интеграционной политики. Финансируемая из федерального бюджета программа адресована мигрантам, нуждающимся в языковой поддержке для работы по своей профессии, но временно безработным и получающим социальные субсидии от государства. К обучению на курсах допускаются также мигранты и беженцы, недавно прибывшие в страну и являющиеся соискателями вида на жительство. Беженцы, не имеющие перспективы на натурализацию, но пребывающие в стране из-за временной невозможности вернуться на родину, тоже могут принять участие в обучении. Их допуск к обучению на курсах мотивируется необходимостью облегчить им доступ к рынку труда с тем, чтобы они могли самостоятельно материально себя обеспечивать.

Единая языковая программа. По поручению правительства обе законодательно закреплённые федеральные языковые программы (*Интеграционные курсы* и *программа Обучение профессионально ориентированному языку*) были объединены в проект под названием «*Единая языковая программа*» («Gesamtprogramm Sprache») [Bericht der Beauftragten, 2016, S. 82]. Новая правительственная программа призвана реализовать на практике основополагающее положение Закона об интеграции, которое требует от компетентных государственных инстанций объединения усилий для решения двуединой задачи – трудовой и языковой интеграции мигрантов. Согласно закону, работа Интеграционных курсов, находящихся в ведении Министерства внутренних дел, должна проходить в одном русле с мероприятиями, иници-

рованными Министерством по труду и социальным вопросам, которое курирует программу «Профессионально ориентированное обучение немецкому языку».

Единая языковая программа – это проект федерального уровня, к реализации которого привлечены наряду с учебными заведениями и институтами государственной власти предпринимательское сообщество, научные учреждения, неправительственные организации и фонды, информационный ресурс, общественные инициативы. Программа имеет солидную законодательную базу и обеспечена государственным финансированием. В настоящее время проект «Единая языковая программа» находится в начале пути, но, учитывая его стартовые позиции, можно предполагать, что программа будет успешно решать поставленные задачи.

Практика дуального обучения подростков-мигрантов и беженцев. Концепция обучения мигрантов немецкому языку с начального этапа на интеграционных курсах и одновременной ориентации их на трудовую деятельность лежит в основе государственной Единой языковой программы. Подобная форма обучения основывается на принципе дуального школьного образования, практикуемого в Германии. В качестве эксперимента в феврале 2016 года в Гамбурге в рамках программы профессиональной подготовки беженцев в возрасте от 16 до 18 лет была начата реализация пилотного проекта «Ausbildungsvorbereitung Dual» (AvM Dual) (Профессионально ориентированная подготовка по системе дуального обучения). Практической целью проекта является языковая адаптация подростков, их подготовка к поступлению в школы с дуальным обучением и дальнейшее сопровождение при непосредственном обучении в них. Учебный курс рассчитан на два года и делится на две фазы: подготовительную фазу, включающую преподавание немецкого языка и одновременно ряда общеобразовательных предметов, и *основную*, более длительную по времени фазу с дуальным обучением, которая включает два дня в неделю занятий в

школе и три дня практики на предприятии. Более широкая цель пилотного проекта заключается в развитии концепции интегрированного обучения немецкому языку (integrierte Sprachförderung) в комплексе с профессиональной подготовкой учащихся.

В 2015 году в федеральной земле Нордрейн-Вестфалия аналогичная форма обучения была предложена подросткам из семей мигрантов и беженцев, которые не владели достаточным уровнем языковой компетенции для обучения в школе. Для них при профессионально-технических колледжах открыли «Интеграционные классы», ориентированные на профессиональную подготовку. Наряду с основами профессии в учебную программу «интеграционных классов» были включены такие общеобразовательные дисциплины, как английский язык, математика, немецкий язык, обществоведение, страноведение. В 2014 году «интеграционные классы» закончили 1.400 учащихся, а в 2016 году их уже было 3.107. Опыт дуального обучения мигрантов подросткового возраста в Гамбурге и Нордланд-Вестфалии был рекомендован для широкого использования в других федеральных землях Германии.

Языковая и культурная адаптация детей дошкольного возраста из семей мигрантов

Полноценная интеграция мигрантов, то есть их равноправное и добровольное включение во все сферы жизни социума, - процесс многоаспектный и длительный по времени. Предыдущий опыт интеграционной политики Германии показывает, что социальная и культурная инкорпорация лиц, прибывших в страну для жительства, продолжается в течение нескольких поколений, но даже мигранты, уже с рождения являющиеся гражданами ФРГ, не всегда воспринимают Германию как свою единственную родину. Об этом, например, свидетельствует история такой самой многочисленной

этнической группы, проживающей в стране, как турки, у которых связь со страной своего исхода не прерывается поколениями и ментально зачастую даже крепче, чем со страной их гражданства. Часто многие мигранты, особенно женщины, родившиеся уже в Германии, в недостаточной степени владеют немецким языком и общаются с детьми в домашних условиях на родном языке, что затрудняет их раннее и полноценное приобщение к языковой среде страны проживания.

Демографическая статистика свидетельствует о том, что каждый третий ребёнок в Германии родился в семье мигрантов первого или второго поколения. Воспитание этих детей в атмосфере речевой культуры немецкого языка, а, следовательно, их ранняя социализация, становится неотложной задачей государственного уровня, поскольку раннее обучение немецкому языку имеет решающее значение для успешного обучения детей мигрантов в школе, при выборе профессии, в доступе к высшему образованию и, в перспективе, для становления ребёнка как будущего гражданина страны.

Осознавая всю важность этого аспекта интеграционной политики, правительство ФРГ поручило реализацию мероприятий по языковой и культурной адаптации детей-мигрантов дошкольного возраста Министерству по вопросам семьи, пожилых людей, молодёжи и женщин. (Bundesministerium für Familie, Senioren, Jugendliche und Frauen). Центральная роль в решении этих задач отводится детским дошкольным учреждениям.

Эксперты в области дошкольной педагогики и детской психологии утверждают, что у детей, посещающих ясли до достижения трёхлетнего возраста, шанс на успешное окончание гимназии, а, следовательно, на обучение в университете, возрастает на 40 %. У детей из семей с иммиграционным прошлым этот показатель ещё выше и составляет 55 процентов.

Проблема с отсутствием или дефицитом знания немецкого языка у детей мигрантов и беженцев ещё острее стала ощущаться в период миграционного кризиса 2015–2016 го-

дов, о чем свидетельствуют статистические данные. Согласно исследованию контингента воспитанников детских дошкольных учреждений, число детей из семей мигрантов, в которых говорят не на немецком языке, в последние годы значительно возросло. С 2006 по 2015 годы включительно количество детей мигрантов до трёхлетнего возраста, не говорящих на немецком языке, увеличилось в трехкратном размере. В этот же период число детей в возрасте от трёх до шести лет показывает рост в 16% [Bericht der Beauftragten, S. 40]. Вместе с тем, статистика демонстрирует также данные, внушающие оптимизм: дети из семей мигрантов все чаще посещают детские сады и ясли, к 2015 году 90% малышей из семей мигрантов в возрасте от трёх до шести лет были воспитанниками детских дошкольных учреждений [Wanka]. Это указывает на то, что значительный контингент детей уже в дошкольном возрасте проходит языковую социализацию и получает те знания немецкого языка, которые им не могут дать их родители. Следует, однако, добавить, что содержание детей в детских садах и яслях оплачивают родители и только незначительная часть мест дотируется из бюджета федеральных земель. В тех федеральных землях, где в качестве эксперимента вводились квоты на бесплатное посещение, например, в Саарланде, процент детей мигрантов в яслях и детских садах был выше.

Забота о приобщении к немецкому языку распространяется также на детей беженцев, проживающих вместе с родителями в местах для их временного размещения. Здесь они получают первые уроки немецкого языка и общаются с педагогами и медицинскими работниками, которые помогают им выйти из стрессового состояния от пережитого во время их долгого пути в Германию. Это время их родители используют для посещения интеграционных курсов или курсов профессионального обучения.

Семья, родители также являются важным ресурсом в деле ранней языковой адаптации детей. Именно с ними дети

осуществляют первый вербальный контакт, познают окружающую их реальность. Общеизвестно, что существенную роль в становлении и развитии личности ребёнка играет социальное и экономическое положение семьи. Невысокий образовательный уровень родителей, незанятость на рынке труда или отсутствие стабильного и достаточного для содержания семьи заработка, являются факторами риска, влияющими на дальнейшую судьбу детей, вне зависимости от того, родились они в семье немецких граждан или родители их мигранты. Однако по сравнению с детьми из немецких семей дети мигрантов в пять раз чаще подвергаются риску занять низкое социальное положение, быть лишёнными доступа к социальным лифтам. Предпосылки для этого возникают уже в самом раннем возрасте. С целью выравнивания шансов для всех без исключения детей, проживающих в Германии, федеральное правительство в рамках образовательной политики последовательно осуществляет курс на создание системы обучения детей-мигрантов немецкому языку с раннего возраста в детских дошкольных учреждениях. Объединение усилий государства, педагогов дошкольного образования и семьи могут стать залогом успеха в языковой социализации детей-мигрантов. Однако, несмотря на предпринимаемые усилия со стороны федеральных и местных властей, в детских дошкольных учреждениях ощущается значительный дефицит мест. Многие мигранты вынуждены заниматься обучением своих детей немецкому языку собственными силами. По поручению Министерства по вопросам семьи, пожилых людей, молодёжи и женщин для них созданы пособия – брошюры, видеофильмы и видеокурсы – с подробными рекомендациями, знакомящими их с основными методическими приёмами обучения немецкому языку ребенка-инофона от рождения и до поступления в школу. Пособия переведены на 15 языков и находятся в свободном доступе в интернете [Zweisprachigkeit]. Это действенная и нужная поддержка, однако она не может заменить квалифи-

цированную помощь педагогов детских дошкольных учреждений.

Для интенсификации и оптимизации языковой педагогической работы с детьми мигрантов в детских садах Министерством по делам семьи, пожилых людей молодёжи и женщин была разработана федеральная программа «Язык в детских садах», потому что язык – это ключ, открывающий мир. («Sprach-Kitas". Weil Sprache der Schlüssel zur Welt ist»). [Bekanntmachung, 2015, S.1]. Программа рассчитана на период с 2016 по 2020 год и реализуется на базе детских дошкольных учреждений с преобладающим числом воспитанников из семей мигрантов. Программа финансируется из федерального бюджета. В период с 2016 по 2020 год на её поддержку выделено около 1 миллиарда евро [Sprach-Kitas, 2017]. Целью программы является повышение качественного уровня интегрированного обучения немецкому языку детей из семей мигрантов в детских садах и яслях. Обучение ориентируется на индивидуальные компетенции и возрастные интересы воспитанников и поддерживает естественное развитие речевых навыков. В процессе обучения дети должны научиться воспринимать и понимать немецкую речь на слух и говорить по-немецки в пределах доступной им тематики, простых лексико-грамматических структур, несложных образцов связной речи. В рамках программы педагогический состав детских садов пополнился специалистами в области детской психологии, языковой педагогики, логопедии. Особое внимание программа уделяет сотрудничеству с семьями детей. Консультируя родителей, оказывая им методическую поддержку, педагоги детских дошкольных учреждений стремятся объединить обучение и воспитание детей в семьях в единый непрерывный процесс. Принципиально важное место в программе отводится повышению квалификации педагогических кадров для детских садов, специализирующихся на оказании языковой помощи детям-инофонам, а также распространению опыта их работы. Во многих федеральных землях куль-

турное и языковое многообразие в детских садах нашло отражение в программах подготовки дошкольных педагогов, в которые была включена такая дисциплина как «межкультурное образование». У воспитателей, проходящих курс повышения квалификации, тема «Обучение языку» (Sprachbildung) пользуется устойчивым интересом. Это свидетельствует о том, что персонал детских дошкольных учреждений осознаёт потребность в знаниях основ дошкольной языковой педагогики и умении использовать их в своей повседневной работе.

Институт имени Гёте принимает действенное участие в переподготовке и повышении квалификации дошкольных педагогов и учителей младших классов, предлагая им свои курсы "Deutsch als Zweitsprache in der Grundschule", 2005 / "Немецкий как второй язык в начальной школе" и курс "Deutsch als Zweitsprache im Elementarbereich", 2007 / "Немецкий язык как второй язык в детских садах" /. В 2012 году в Институте имени Гёте была разработана программа повышения квалификации для дошкольных педагогов и учителей начальной школы, основанная на принципе дистанционного обучения в группах. Online-курс предлагает возможность педагогам, работающим с детьми дошкольного и младшего школьного возраста, при совместном обучении не только осваивать теоретические основы методики формирования и развития речевых навыков у детей, но и обмениваться практическим опытом, предлагать свои решения, дискутировать по актуальным профессиональным проблемам. Подобное сотрудничество способствует развитию концепции непрерывности процесса интегрированного обучения детей-инофонов немецкому языку с раннего возраста в детских дошкольных учреждениях и его продолжения в начальных классах школы.

Говоря о раннем обучении детей немецкому языку, следует упомянуть проблемы, с которыми сталкивается система дошкольного воспитания в Германии. К таким «болевым точкам» относятся сегрегация [Segregation, 2013, S. 1], не-

достаток квалифицированных кадров, трудности с диагностикой воспитательного и учебного процесса и его планирования, недостаток мест в дошкольных детских учреждениях. Сегрегация – проблема не только дошкольных детских учреждений, она присутствует также в школьном образовании и связана с местом проживания детей. Исторически сложилось так, что мигранты, концентрируясь в крупных городах Германии, заселяли районы, где традиционно оседали преимущественно представители их этнических и языковых общин, образывавших со временем основную часть местных жителей. Поскольку направления в детские сады и ясли распределяются по месту жительства детей, то значительную часть воспитанников в них составляют дети из иммигрантских семей, говорящих в быту не на немецком языке. Доклад «Образование в Германии в 2016 году» (Bildung in Deutschland 2016) даёт следующую статистику: в западных федеральных землях Германии в 2015 году 34 % воспитанников детских дошкольных учреждений составляли дети мигрантов, говорящих в семьях на родном языке. В Берлине их число уже 53 %, в Бремене 48,8 %, в Гамбурге 44,3 %, в земле Гессен – 41,8 %. В детских коллективах, где преобладает родной язык воспитанников, дети естественным образом общаются между собой на своём родном языке, в то время как немецкий язык остаётся на периферии общения. Иная, но не менее сложная и требующая высокого профессионализма со стороны педагогов ситуация, складывается, когда дети в группе являются носителями разных языков. Это обстоятельство осложняет задачу воспитателей в обучении воспитанников немецкому языку и требует от них высокого уровня профессионализма.

Многоязычие, ставшее обычным явлением в немецком обществе, имеет место также в детских дошкольных учреждениях. Надо сказать, что тема многоязычия и его влияния на процесс воспитания и обучения детей-инофонов давно является предметом дискуссий как в академических кругах, так и

в обществе. Сторонники пользы многоязычия в образовательном процессе и их скептически настроенные оппоненты представляют две взаимоисключающие точки зрения, бесспорным, однако, остаётся тот факт, что дети, обладающие естественным многоязычием, имеют больше шансов на успех в их будущей профессиональной жизни.

Несмотря на то, что федеральное правительство и правительства федеральных земель активно занимаются развитием системы раннего обучения языку детей-мигрантов, до сих пор остаётся нерешенным ряд проблем. Продолжает оставаться проблемным анализ эффективности предпринимаемых ими мер. До сих пор не созданы инструментарий и методика для оценки эффективности процесса обучения, для определения количества детей-мигрантов, нуждающихся в дошкольном обучении языку. Отсутствие точных статистических данных затрудняет планирование работы системы дошкольной языковой адаптации детей-мигрантов в масштабах страны, её своевременное и достаточное финансирование, а также контроль за исполнением учебных мероприятий. В докладе «Образование в Германии в 2016 году» названные недостатки квалифицируются как серьёзные упущения в деле интеграции мигрантов [Bericht der Beauftragten, 2016, S. 82].

Языковая социализация детей мигрантов в системе школьного образования

Конвенция ООН о правах детей гласит, что все дети, независимо от их гражданства и места проживания, имеют право на образование. Это положение находится в полном соответствии с законодательством ФРГ, по которому закон об обязательном школьном образовании распространяется также на детей мигрантов. Миграционный кризис 2016 года подверг серьёзному испытанию немецкую школу. По оценкам экспертов, в этом году в Германию прибыли на жительство от 90000 до 120000 детей и подростков школьного возраста. В срочном

порядке создавались дополнительные учебные места, привлекались новые преподавательские кадры. Федеральное агентство по иммиграции и делам беженцев оценивала дополнительную потребность школы в учителях цифрой в 11000-14000 человек, что потребовало дополнительного финансирования в размере 1,1 миллиардов евро. Однако самой серьёзной задачей была интеграция детей беженцев в немецкоязычный учебный процесс. В связи с тем, что система школьного образования ФРГ имеет федеративную структуру и каждая федеральная земля Германии имеет своё школьное законодательство, приём в школу детей мигрантов и беженцев в разных регионах страны осуществляется согласно местным законам. Так, например, в Берлине, Бремене, Гамбурге, в земле Саарланд и Шлезвиг-Гольштайн дети обязаны приступить к учебе сразу после регистрации родителей в качестве беженцев. В Баварии и Тюрингии срок ожидания поступления в школу длится три месяца с момента регистрации, а в Баден-Вюртемберге этот срок достигает шести месяцев. В зависимости от законодательства федеральной земли дети или определяются сразу в классы с регулярным обучением, или обязаны посещать специализированные подготовительные классы, в которых их обучают немецкому языку и преподают ряд общеобразовательных предметов. В Баварии такие классы называются переходными, в Гамбурге – базовыми, в земле Гессен – интенсивными, в Нижней Саксонии подготовительные классы называют «классами с обучением немецкому языку» («Sprachlernklassen»). В Берлине классам для детей-беженцев дали название «Классы Добро пожаловать!» (Willkommenklassen). Не все педагоги и эксперты рассматривают подготовительные классы как оптимальное решение. Так, специалисты в области школьной педагогики Юлиана Каракаяли (Yuliane Karakayali) и Биргит цур Ниден (Birgit zur Niden) считают, что раздельное обучение создаёт организационные проблемы, связанные с постоянным изменением состава учащихся за счет внепланового поступления новых

учеников. Эксперты рекомендуют как можно скорее помещать детей-мигрантов в регулярные классы, в которых им дополнительно будет преподаваться немецкий язык. Не стоит сомневаться, что подготовительные классы были организованы из лучших побуждений, однако одновременно они изначально ставят детей мигрантов в неравную стартовую позицию по отношению к детям из немецких семей. У детей с иммигрантскими корнями чаще, чем у их немецких сверстников диагностируют недостаточный уровень языковой компетенции, они чаще рискуют попасть в школу с общим низким уровнем успеваемости и сегрегированную по принципу социального и имущественного статуса их родителей. А между тем, исследования, проводимые экспертами на федеральном уровне, утверждают, что успешная учеба в школе напрямую связана с наличием сформированной языковой компетенции у учащихся, и показывают, что дети из семей мигрантов и беженцев с недостаточным уровнем владения немецким языком испытывают трудности в освоении школьной программы. Чем лучше ученики-мигранты освоили немецкий язык и чем свободнее они умеют выражать свои мысли на нём, тем выше у них результаты в учёбе. Программа поддержки детей-мигрантов в освоении немецкого языка (Sprachförderung srogramm) для школьников младших классов является продолжением и развитием программы раннего обучения языку в детских дошкольных учреждениях. Она продолжает практиковаться в основном в школах и классах продленного дня, которые, по статистике, посещает каждый третий ученик в Германии. Поскольку инкорпорация детей из семей мигрантов в школьный учебный процесс проводится на базе языка школьного преподавания, перед немецкой школой стоит дополнительная задача обеспечения учащимся необходимого минимума языкового образования с целью успешного освоения ими школьной программы.

Несмотря на интенсивные усилия, которые предпринимаются для обучения немецкому языку воспитанников в сис-

теме дошкольных учреждений, в школу по-прежнему поступают дети мигрантов с уровнем владения немецким языком, недостаточным для школьного обучения. Доклад «Образование в Германии 2016» констатирует, что у 22% детей из семей мигрантов отсутствует языковая компетенция. Недостаточное владение немецким языком отмечается у каждого десятого ребёнка, поступающего в школу, что ведет к более позднему началу их обучения. Основными недостатками в знании языка у детей-мигрантов специалисты считают бедный словарный запас, несформированные или недостаточно сформированные речевые и грамматические навыки. Дефицит знаний немецкого языка ведет в итоге к низким показателям в успеваемости к моменту перехода детей в школу следующей ступени, что зачастую лишает их перспективы на получение аттестата, допускающего к поступлению в высшие учебные заведения. Показателем успешности обучения в немецкой школе является факт поступления учащегося в гимназию и её окончания. По статистике в 2014–2015 учебном году в гимназиях обучалась почти половина (44%) выпускников средней школы второй ступени из немецких семей, аналогичный показатель для школьников из семей мигрантов составлял лишь 24%. Эти показатели свидетельствуют о том, что шансы на обучение в университете у выходцев из иммигрантской среды почти в два раза ниже, чем у молодых людей из семей коренных немцев.

Уровень и качество усвоения немецкого языка детьми-мигрантами в школе зависит от многих факторов и не в последнюю очередь от организации учебного процесса. В этом отношении показательной стала дискуссия, развернувшаяся в экспертном сообществе и в правительственных кругах, повод для которой дала федеральный министр образования Йоханна Ванка (Johanna Wanka). В интервью изданию «Фокус» министр заявила, что следует упорядочить количество детей-мигрантов в школьных классах. По её словам, соотношение количества детей-мигрантов и детей с родным немецким

языком должны быть сбалансированными. В противном случае дети из семей мигрантов будут общаться между собой на родном языке, что затруднит процесс их языковой и социальной интеграции [Menkens]. При этом специалисты, принявшие участие в дискуссии, ссылались на исследования, проведённые Международной программой по оценке образовательных достижений учащихся (PISA), в которых утверждается, что при доле учащихся-мигрантов в 40% общая успеваемость в классе резко падает [Menkens]. Политик от правящей партии ХДС (CDU) Юлиа Клёкнер (Julia Klöckner) утверждает, что в крупных городах Германии это соотношение превысило уровень в 40% и меняется в пользу учеников из семей мигрантов [Menkens]. Эта тенденция, по её мнению, нарастает также по причине того, что родители переводят своих детей с родным немецким языком в другие школы с более благоприятным, с их точки зрения, составом учащихся. Член Общества немецких филологов Хайнц-Петер Хайдингер (Heinz-Peter Heidinger) высказался ещё резче, заявив в интервью журналу «Welt», что слишком большая квота учащихся-мигрантов в классах представляет собой «яд для социальной и языковой интеграции». Далее он пессимистично добавил: «Однако мы ничего не предпринимаем, потому что ничего предпринять не можем». [Menkens]. Развернувшаяся дискуссия только формально велась вокруг организационных вопросов. По сути дела, она отражает озабоченность экспертов проблемой языковой социализации детей и подростков из семей мигрантов и об отношении немецкого общества к проблеме многоязычия в школе. Родители детей с родным немецким языком часто реагируют на многоязычие в школьной практике с озабоченностью. До сих пор не забыт скандал, произошедший в берлинской школе Lenau-Grundschule в 2012 году. По настоянию родителей детей с родным немецким языком, руководство школы сформировало классы по принципу этнического происхождения учащихся, вследствие чего дети из семей мигрантов были помещены в отдельный

класс. [Nikolow, 2013b]. Тогда этот инцидент вызвал протест в обществе и одновременно привлёк внимание к проблеме. Проблема, действительно, существует, о чем непредвзято говорит статистика: в Гамбурге, например, доля школьников из семей мигрантов до 18 лет составляет 45%, в Берлине эта цифра достигает 43,7%, а в некоторых его районах приближается к 90 процентам. Похожую картину можно наблюдать во всех крупных городах Германии. Приведённые статистические данные ещё раз подтверждают тот факт, что контингент учащихся в немецких школах стал многоязычным.

Многоязычие в немецких школах

Естественные двуязычие и многоязычие представляют собой ценный ресурс для будущей трудовой биографии школьников и для общества в целом, поскольку на рынке труда наблюдается устойчивый спрос на специалистов со знанием иностранных языков. Весомым аргументом в пользу изучения родного языка детьми-билингвами эксперты называют также его общеобразовательную значимость и развивающий характер. По инициативе родителей и при поддержке общественности в программы школьного обучения в ряде федеральных земель была включена такая факультативная дисциплина, как «занятия на языке происхождения» (*herkunftssprachlicher Unterricht*) [Der Erlass ist neu]. Задача обучения заключается в развитии устной и письменной речи на родном языке, а также формировании у учащихся межкультурных компетенций. В начальной школе преподавание проводится в объёме 5 учебных часов в неделю и дополняет основную учебную программу. В неполной средней школе, начиная с 7 класса, а также в гимназии занятия на родном языке могут проводиться в сетке регулярного расписания в качестве второго или третьего иностранного языка. Итоговая оценка вносится в аттестат и может компенсировать плохие оценки по основному иностранному языку.

На вопрос, насколько широко практикуется школьное обучение родному языку и в какой мере оно востребовано, дают ответ результаты опроса, проведённого специалистами по школьной педагогике Урсулой Нойман и Дорит Ленгайл в Гамбурге [Lokshin]. Респондентами были 3000 родителей-мигрантов. 88% опрошенных заявили о своей заинтересованности в занятиях родным языком для их детей. Большинство из них считает, что занятия способствуют социализации детей, повышают их общую успеваемость в школе, приобщают к культуре страны их родного языка. Одновременно опрос показывает, что школы проявляют недостаточную заинтересованность в организации занятий по родному языку для детей-мигрантов, по причине чего родители ищут альтернативные возможности. Лишь 27% учеников изучали родной язык в школах (желание обучать детей в школе высказали 50% опрошенных родителей), 23% посещали занятия при иностранных консульствах, 44% детей обучались на курсах, организованных общинами на коммунальном уровне (6% опрошенных не смогли дать ответ на вопросы). Приведённые данные говорят об упущенных возможностях со стороны школы в использовании обучения родному языку детей-мигрантов, для их интеллектуального развития, повышения общего уровня успеваемости, для их социальной интеграции.

С призывом шире распространять практику школьного преподавания родного языка детям мигрантов обращается к властям профессор Утц Маас (Utz Maas) из Института межкультурных исследований и изучения миграции в Оснабрюке: «Это нужно делать не из жалости или добрых чувств. В постиндустриальном мире уроки родного языка – это не благотворительность, а насущная необходимость общества, заинтересованного в хороших профессионалах».

Проблема двуязычия и многоязычия в немецких школах давно и широко дискутируется в педагогических кругах, в среде учёных-лингвистов, специалистов по школьной пси-

хологии, в общественности. В центре дискуссии стоит вопрос о том, является ли использование родного языка детьми мигрантов помехой в освоении немецкого языка и причиной их плохой успеваемости или, напротив, развивает детей и стимулирует освоение языков. Популяризатором идеи примата немецкого языка в лингвистическом воспитании детей-мигрантов является учёный-социолог из Манхайма Хартмут Эссер (Hartmut Esser) [Nikolow, 2013a]. Он опровергает тезис о том, что билингвизм несёт в себе позитивный потенциал, развивает познавательные способности детей и способствует более успешному изучению ими немецкого и любого третьего языка. Накал дискуссии таков, что в него вступают политики. Так, федеральный министр образования и исследований, доктор наук, профессор Йоханна Ванка в уже упомянутом интервью изданию «Фокус» упрекнула родителей-мигрантов за то, что они в семьях общаются с детьми не на немецком языке [Menkens]. Министр, таким образом, поддержала одну из сторон, участвующих в дискуссии. Подобной, на сегодняшний день консервативной точки зрения придерживается определённая часть школьных педагогов и немецкой общественности, хотя веских научных аргументов в пользу своей позиции они не предоставляют. Примечательно, что противоположную точку зрения высказывают, в первую очередь, учёные. В декабре 2014 года группа из 46 профессоров немецких и швейцарских университетов обратилась к общественности и политикам с призывом поддержать концепцию развития культуры речи детей-мигрантов как на родном, так и на немецком языке. [Stellungnahme zur Frage] Ссылаясь на свой исследовательский опыт, учёные утверждают, что двуязычие, даже в самом раннем возрасте, не представляет проблемы для развития ребенка и при правильном педагогическом подходе только стимулирует их познавательную деятельность. При этом учёные еще раз подчёркивают, что владение немецким языком является решающим фактором для успешного освоения

школьной программы. Представители крупных этнических общин Германии, в первую очередь, турецкой общины, довольно эмоционально высказывались в рамках дискуссии. Их возмущает пренебрежительное и дискриминационное отношение к их родному языку, которое наблюдается в обществе и распространяется также на другие языки мигрантов. Они утверждают, что речь ребенка, разговаривающего на английском, французском, испанском языках, воспринимается в немецком обществе благожелательно. Если же дети мигрантов говорят, например, на турецком, арабском или на одном из славянских языков, то это воспринимается как повод для того, чтобы отнести их к проблемной группе. Объединение турецких педагогов Берлина и Бранденбурга в 2006 году высказалось очень резко по поводу инициативы об обязательном использовании немецкого языка не только на уроках, но и на переменах и во время внешкольных мероприятий. Они назвали нарушением прав человека запрет говорить на родном языке, считая это политической и дискриминационной мерой, выходящей за рамки образовательной политики [Nikolow, 2013b].

Языковое многообразие в немецком обществе

Статистических данных о том, насколько велико языковое многообразие в Германии, не существует. Есть результаты отдельных исследований учёных, занимающихся проблемой полигlossии в немецком обществе. Результат одного из таких исследований, проведённых в Гамбурге, свидетельствует о том, что в мегаполисе проживают носители 190 различных языков. (Для сравнения: в Лондоне их 230) [Gogolin]. В названное число не входят 7 официально признанных, законодательно охраняемых региональных языков национальных меньшинств, издавна проживающих на территории Германии, права которых закреплены в Европейской хартии региональных языков. Языки мигрантов вне зависимости от

величины контингента их носителей в число охраняемых Хартией и, следовательно, немецким государством, не входят. Уже тот факт, что перепись родных языков мигрантов в стране никогда не проводилась, демонстрирует политическую недооценку значения многоязычия как со стороны общественности, так и государственных структур. Не в последнюю очередь по этой причине в немецком обществе приходится сталкиваться с дискриминационными настроениями по отношению к родным языкам мигрантов. У коренных немцев, например, вызывает неудовольствие поведение мигрантов, давно живущих в Германии и часто уже имеющих немецкое гражданство, но не говорящих или не желающих говорить на немецком языке в общественных местах. В этом отношении показательны результаты опроса, проведённого американским независимым исследовательским центром Pew Research в 14 странах, которые были затронуты миграционным кризисом 2015–2016 годов [Язык мой – паспорт мой]. Один из вопросов в анкете для Германии был сформулирован следующим образом: «Кого можно считать немцем?» По результатам опроса 79% немецких граждан считают, что ключевым с точки зрения национальной идентичности является не место рождения или иные признаки, а владение немецким языком как родным. Опрос косвенным образом показал, насколько велико ожидание коренных немцев от мигрантов освоения ими немецкого языка и уважительного отношения к нему как к достоянию национальной культуры принимающей их страны. С другой стороны, следует с пониманием относиться к естественному желанию иммигрантов свободно и без ограничений пользоваться родным языком и поддерживать их стремление сохранить родной язык для себя и для детей как часть их общей, наследуемой идентичности. Такая политика действительно может способствовать гармонизации интересов всех членов общества без различия их этнического происхождения или принадлежности к иной культуре, будет стимулировать плодотворный диалог

между ними, обеспечит широкое сотрудничество в решении задачи создания благоприятных условий для жизни всех граждан страны.

Возвращаясь к тезису о том, что языковая политика государства является частью его национальной политики, следует констатировать, что усилия по языковой адаптации мигрантов в рамках языковой политики ФРГ в полной мере отвечают государственной задаче привлечения в страну иностранных граждан и их интеграции с целью решения демографической проблемы и пополнения трудовых ресурсов для динамично развивающейся экономики Германии. В целом, современная языковая политика ФРГ по отношению к мигрантам, формировавшаяся в течение десятилетий и ориентированная на дальнюю перспективу, характеризуется прагматизмом, последовательностью, эффективностью и демонстрирует гибкость в выборе тактических средств для решения стратегических задач.

ЛИТЕРАТУРА

Перепечкина С.Е. Особенности языковой ситуации в Германии. // Культура народов Причерноморья. Симферополь: 2003. № 42. 82 с.

Языковая политика и законы о языке. [Электронный ресурс]. URL: <http://p.120-bal.ru/pravo/10320/index.html> (дата обращения 06.09.2017).

Ярцева В.Н. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. // Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. 616 с.

Язык мой – паспорт мой / Политика / ИноСМИ – Всё, что достойно... // [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170210/238707545.html> (дата обращения 09.08.2017).

Aufenthaltsgesetz, Par. 43, Abs. 2.

Bekanntmachung. Förderrichtlinien zum Bundesprogramm «Sprach-Kitas: Weil Sprache der Schlüssel zur Welt ist». Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend. Vom 2. Nov. 2015. S. 1.

Bericht der Beauftragten der Bundesregierung für Migration, Flüchtlinge und Integration. Teilhabe, Chancengleichheit und Rechtsentwicklung in der Einwanderungsgesellschaft. Dezember 2016. S. 64, S. 79, S. 82.

Bericht zur Integrationskursgeschäftsstatistik für das Jahr 2016. Bundesamt für Migration und Flüchtlinge 2017. S. 4.

BMAS: Zusammenfassung des Endberichtes der Evaluation des Operationellen Programms des Bundes für den ESF in der Förderperiode 2007-2013, Berlin: 2017. S. 57.

BMI-Nachrichten – «Sprache ist der Schlüssel zur Integration». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Artikel/2016/08/2016-08-05> (дата обращения 15.07.2017).

Berufsbezogene Deutschförderung. Das ESF-BAMF-Programm. Bundesamt für Migration und Flüchtlinge.// Bonifatius GmbH, Druck-Buch-Verlag Paderborn, 2013. S. 6–8.

Bundesregierung/Artikel/Integrationsgesetz setzt auf Fördern und Fordern. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Artikel/2016/08/2016-08/2016-08-05> (дата обращения 26.09.2017).

Der Erlass ist gegenüber der letzten BASS. Herkunftssprachlicher Unterricht. 28. 06. 2016. S. 1.

Erstes Integrationsgesetz beschlossen. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dw.com/de/erstes-integrationsgesetz-beschlossen/a-19387835> (дата обращения 20.09.2016).

Gogolin I. Tag der Muttersprache. [Электронный ресурс]. URL: <https://mediendienst-integration.de/artikel/kommentar-gogolin-tag-der-muttersprache> (дата обращения 04. 08. 2017).

Lokshin P. Wie stehen Eltern zum herkunftssprachlichen Unterricht? [Электронный ресурс]. URL: <https://mediendienst-integration.de/artikel/wie-stehen-eltern-zum-herkunftssprachlichen-unterricht> (дата обращения 04. 08. 2017).

Menkens S. // Integration: Brauchen Schulen eine Migranten-Obergrenze? // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article164033456/Brauchen-Schulen-eine-Migranten-Obergrenze?> (дата обращения 23.08.2017).

Merkel sieht Deutschland als Einwanderungsland – Angebote an Afrika. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sueddeutsche.de/news/politik/bundesregierung-merkel-sieht-deutschland-als-ein-einwanderungsland-angebote-an-afrika> (дата обращения 05. 08. 2017).

Migration, Integration, Asyl. Politische Entwicklung in Deutschland. Jährlicher Bericht der deutschen nationalen Kontaktstelle für das Europäische Migrationsnetzwerk (EMN). Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. Nürnberg: 2017. S. 54, S. 55.

Nikolow R. Deutsch für Anfänger. 2013a. [Электронный ресурс]. URL: <https://mediendienst-integration.de/artikel/gute-sprache-schlechte-sprache> (дата обращения 04.08.2017).

Nikolow R. Gute Sprache, schlechte Sprache? 2013b [Электронный ресурс]. URL: <https://mediendienst-integration.de/artikel/gute-sprache-schlechte-sprache> (дата обращения 04.08.2017).

Rede von Bundeskanzlerin Merkel zur Verleihung des Nationalpreises am 17. Mai 2017. [Электронный ресурс]. <https://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Rede/2017/05/2017-05-1...> (дата обращения 25.07.2017).

Segregation an deutschen Schulen. Ausmaß, Folgen, und Handlungsempfehlungen für bessere Bildungschancen. Herausgeber: Sachverständigenrat deutscher Stiftungen für Integration und Migration (SVR) GmbH. Berlin, 2013. S. 7.

Sprach-Kitas:: Sprachkitas – Frühe Chancen. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fruehe-chancen.de/sprah-kitas> (дата обращения 20.08.2017).

Stellungnahme zur Frage nach der Familiensprache. Unterzeichnet von 46 Sprachwissenschaftler/innen, Sprachpsycholog/innen und Entwicklungspsycholog/innen. Carl von Ossietzky Universität Oldenburg. 2014.

Verordnung über die berufsbezogene Deutschsprachförderung (Deutschsprachförderverordnung – DeuFöV). Vom 4. Mai 2016. Par. 12–13.

Verwaltungsverfahrensgesetz, VwVfG. Par. 23.

Wanka J. Wir werden noch mehr tun, um die Chancen zu verbessern. Bildung BMBF [Электронный ресурс] <https://www.bmbf.de/de/wir-werden-noch-mehr-tun-um-die-chancen-auf-gute-integration-zuverbessern-4104.html> (дата обращения 10. 09. 2017).

Zehntes Buch Sozialgesetzbuch, SGB X Par. 13.

Zweisprachigkeit. [Электронный ресурс]. URL: <http://zweisprachigkeit.net> (дата обращения 20.09.2017).

Глава 6

РОЛЬ И МЕСТО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Спыну Лариса Михайловна

Российский университет дружбы народов, кафедра иностранных языков
факультета гуманитарных и социальных наук;
кандидат философских наук;
доцент; доцент кафедры иностранных языков

Ключевые слова: французский язык; международные организации; лингвистическая политика Франции; Международная Организация Франкофонии; продвижение, распространение; культурное и языковое многообразие; английский язык.

Французский язык более, чем другие языки, издавна считался языком дипломатии. Уже в 18-ом веке переговоры велись на французском языке, международные договоры были составлены на французском языке, что свидетельствовало о признании французского языка на международной арене. В начале 19 века французский язык еще являлся языком дипломатии. Считается также, что французский язык оказал влияние на дипломатический английский на уровне терминологии. Например, в дипломатической лексике на французском языке существуют такие термины, как «*chargé d'affaire*» или «*agrément*», которых не существует в английском языке. Именно поэтому в дипломатической практике из-за отсутствия эквивалентов на английском языке часто используется

французская дипломатическая терминология. Но в 1919 году, по причине участия в Парижской Конференции американского президента, было решено утвердить английский язык, наряду с французским, рабочим языком, и Версальский Договор был составлен уже на двух языках – французском и английском. До 1960 года французский занимал еще достаточно важное место на международных переговорах и дипломатических встречах, несмотря на появление английского языка на международной арене [Le français].

В эпоху глобализации в современном мире насчитывается около 6000 языков. Совершенно очевидно, что все эти языки неравнозначны, имеют разный статус и разные позиции на международной арене. Французский язык в мировом пространстве занимает довольно высокое место, о чем свидетельствуют следующие данные: статус французского языка как официального имеют 32 государства, которые являются также членами Международной организации Франкофонии (МОФ), что составляет 350 млн. человек, владеющих французским языком; французский язык занимает 5-е место в мире по числу говорящих на нем (274 млн человек) после китайского, английского, испанского и арабского; ежедневно в мире на французском языке говорит 212 млн человек, в Европе 77 млн; французский язык изучают 116 млн человек на пяти континентах в 130 странах, половина из них изучают французский язык как иностранный [La langue française, 2014, p. 8].

В 2017–2018 учебном году в 137 странах мира на французском языке начали обучаться 350 000 учащихся из 492 учебных заведений, в то время как в 2016–2017 учебном году насчитывалось всего 158 учебных заведений с преподаванием на французском [Message de la rentrée, 2017]. Такое сравнение, безусловно, говорит о привлекательности французского языка как иностранного в академической среде.

Французский язык делового общения занимает второе место в Европе, третье место в мире [Vade-Mecum, 2016, p.17].

Французский язык имеет статус официального и рабочего языка практически во всех основных органах, институтах, региональных комиссиях ООН (за исключением Мирового Банка и МВФ), в ЕС, в ЮНЕСКО, на Международных Олимпийских Играх, в четырех международных американских организациях, двух региональных американских организациях, в НАТО, а также в ряде региональных африканских организаций.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что французский язык по праву имеет статус международного языка. Определение роли и места, которое занимают иностранные языки на международной арене, в частности, в международных организациях, влияет не только на лингвистическую политику страны, но и является мерой влияния в мире.

Одним из приоритетных направлений деятельности Министерства иностранных дел Франции является именно лингвистическая политика Франции, которую реализует Международная Организация Франкофонии (МОФ). Ее основной задачей является распространение и укрепление позиций французского языка в мире.

МОФ как главный актор МИДа Франции, претворяя в жизнь положения данного направления лингвистической политики страны, действует через своих операторов, а именно 132 Французских Института (*Instituts français*) и 445 структур Альянс Франсэз (*Alliances françaises*), в которых работает около 1 млн специалистов, группы франкофонных послов, а также французские средства массовой информации, например, TV5, RFI, FMM и другие. Франция выделяет ежегодно более 600 млн. евро на реализацию программ продвижения французского языка [*La politique culturelle*].

Лингвистическая политика Франции осуществляется МИДом Франции по двум направлениям. Первое – претворение в жизнь двухсторонней политики, которая подразумевает укрепление позиций французского языка за пределами

Франции. В данном случае речь идет об изучении французского языка в рамках систем образования (в школах, ВУЗах, на курсах) во всех странах мира. Второе направление осуществляется в соответствии с принципами многосторонней политики, которая направлена на объединение франкоговорящих государств в политические сообщества.

Международная Организация Франкофонии (МОФ), реализуя принципы лингвистической политики Франции, осуществляет также франкоязычные связи по всему миру. Членами МОФ являются 84 государства на пяти континентах, из которых 58 стран являются странами-членами и 26 стран имеют статус наблюдателя.

В соответствии с Уставом МОФ от 2005 года определены четыре великие миссии:

- продвижение французского языка, культурного и лингвистического многообразия;
- укрепление мира, демократии и прав человека;
- поддержка образования, в том числе высшего, и научных исследований; укрепление сотрудничества в интересах устойчивого мира;
- развитие сотрудничества на благо длительного развития [Charte de la Francophonie].

Международная Организация Франкофонии, с целью сохранения многоязычия, присоединилась к выполнению документа ЮНЕСКО «Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения», который вступил в силу в 2007 году, и подтвердила взятое на себя обязательство о выполнении положений данной Конвенции, одно из которых гласит, что «...языковое многообразие является основополагающим элементом культурного разнообразия» [Конвенция].

С целью претворения в жизнь лингвистической политики Франции, направленной на распространение французского языка в мире и усиление роли и места французского языка на международной арене, в Бухаресте в сентябре 2006 года

министры государств и правительств стран-членов и наблюдателей МОФ приняли документ «Руководство по применению французского языка в международных организациях» [Vade-Mecum, 2006].

Страны-подписанты данного документа приняли на себя обязательства по выполнению прописанных в нем положений по использованию французского языка в международных и региональных организациях, где статус французского языка имеет статус рабочего или официального языка. Данный документ настоятельно рекомендует говорить на французском языке в соответствующих международных организациях, т.к. этот язык является государственным или рабочим языком, но в то же время, признавать и другие государственные и официальные языки, демонстрируя, таким образом, культурное и лингвистическое многообразие. Но в некоторых случаях «Руководство» рекомендует «отдавать предпочтение французскому языку».

В соответствии с «Руководством по применению французского языка в международных организациях» речи представителей стран-членов МОФ, говорящих на английском или другом официальном языке, в международных организациях обязательно должны сопровождаться синхронным переводом на французский язык, который также должен использоваться на официальных заседаниях и встречах. Вся письменная документация должна быть также изложена на французском языке или сопровождаться переводом на французский язык. Важно отметить, что несмотря на то, что в международных организациях приоритет отдается французскому языку, тем не менее заявляется, что «должен соблюдаться принцип многоязычия», что подтверждает положения «Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии» [Всеобщая декларация ЮНЕСКО].

«Руководство по применению французского языка в международных организациях» выдвигает требования, в соответствии с которыми сотрудники и должностные лица со-

ответствующих международных организаций должны пройти курсы французского языка, а для руководящего состава должны быть организованы интенсивные курсы французского языка и стажировки. Таким образом, МОФ через «Руководство по применению французского языка в международных организациях» (VADE-MECUM) оказывает непосредственное влияние на все международные организации, реализуя меры, направленные на распространение французского языка и укрепление его роли в международных организациях, способствуя тем самым повышению уровня владения французским языком.

В соответствии с «Руководством» (VADE-MECUM) в 2012 году в Киншаса был принят еще один документ - «Интегрированная Политика по распространению французского языка». Этот документ направлен на распространение французского языка и укрепление его роли и места на международной арене как языка дипломатии [Politique intégrée].

МОФ благодаря этим документам осуществляет еще одну важную задачу, а именно, укрепляет «политическое влияние» стран-членов МОФ на международной арене. Документы «Руководство по использованию французского языка в международных организациях» и «Интегрированная политика по распространению французского языка» со всей очевидностью показывают, что политика МОФ направлена не только на использование и распространение французского языка, но также и на поддержку многоязычия в международных организациях. Таким образом, существование не только английского, но и французского языков в статусе официальных или рабочих свидетельствует о соблюдении принципа языкового многообразия, подтверждая тем самым положения конвенции ЮНЕСКО «Об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения».

Очень важным является тот факт, что большинство стран, будучи членами некоторых Международных Организаций, входят также и в МОФ. Например, 76 стран являются

членами таких организаций как МОФ, ООН и ЮНЕСКО, 30 стран являются членами МОФ и АС (Африканский Союз), 29 стран являются членами МОФ и Европейского Совета, 17 стран входят в МОФ и в ЕС [Vade-Mecum, 2016, p. 17]. Многие из государств-членов МОФ признают статус официального французского языка, что способствует его более широкому использованию и одновременно укрепляет языковое многообразие в международных организациях.

Известно, что в международных организациях приоритетом является диалог и переговоры, но использование единственного языка (английского) противоречит культурному и языковому многообразию. В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что в «Руководстве по использованию французского языка в международных организациях» (Vade-Mecum) речь идет не о «доминировании французского языка, а о той опасности, которую несет использование единственного языка в международных организациях».

Практическое «Руководство по использованию французского языка в международных организациях» (Vade-Mecum), принятое в 2011 году, является Дорожной картой по применению французского языка в международных организациях, при этом поддерживается и использование других официальных языков. С учетом роли и места французского языка в международных организациях и, принимая во внимание важность языкового многообразия как важного фактора их демократизации, были созданы комиссии, задачей которых является осуществление контроля за выполнением поставленных задач, связанных с использованием французского языка как языка дипломатии. Эти комиссии должны также осуществлять контроль за выполнением положений данного документа и способствовать их выполнению.

Этот документ рекомендует странам-членам МОФ «способствовать использованию французского языка в международных организациях и его изучению по программе изучения иностранных языков» в странах, где французский язык

не является официальным. Существует 5 категорий стран в зависимости от статуса французского языка:

1. Страны, где французский – единственный официальный язык;

2. Страны, где французский является одним из официальных языков наряду с одним или несколькими языками, не имеющими статус официальных языков в соответствующих международных организациях;

3. Страны, где французский является официальным языком наряду с другим языком, имеющим статус официального языка в соответствующей международной организации;

4. Страны, где французский язык является иностранным языком и где ни один из официальных языков не имеет статуса официального в соответствующей международной организации;

5. Страны, где французский язык является иностранным языком и где официальный язык является официальным языком соответствующей международной организации [Guide pratique].

«Руководство по использованию французского языка в международных организациях» (Vade-Mecum), с целью укрепления роли французского языка в Международных Организациях, рекомендует кандидатам, желающим получить работу в международных организациях, владеть, наряду с другими языками, французским языком, особенно если речь идет о руководящих должностях. Данное положение свидетельствует о том, что продвижение французского языка является также и способом борьбы против использования одного языка, что, в свою очередь, способствует культурному и языковому многообразию. Но на практике очень часто происходит совершенно иначе: приоритетным остаётся английский язык.

Страны-члены МОФ регулярно обсуждают вопрос о положении языков на международной арене, что говорит о том, что они озабочены проблемой использования одних языков, например английского, и игнорированием других языков,

несмотря на то, что они имеют статус официальных и/или рабочих языков в международных организациях

Международные организации

МОФ и **ООН**, являясь важными партнерами, продолжают совместно сотрудничать в области продвижения французского языка в ООН. В соответствии с Уставом ООН (статья 111) [Устав ООН], в Организации Объединенных Наций шесть официальных языков: английский, арабский, испанский, китайский, французский и русский. Эти же языки являются рабочими языками Генеральной Ассамблеи (ГА) и Совета Безопасности (СБ). В Секретариате Организации Объединенных Наций рабочими языками являются английский и французский, которые также используются и в повседневном профессиональном общении.

Английский, немецкий и **французский** языки являются рабочими в **ЭКОСОС, ПРООН, ЮНИСЕФ.**

Приведенная ниже таблица показывает, что французский язык как официальный и рабочий присутствует во всех структурах ООН.

Начиная с 2003 года в Секретариате ООН с учетом существования в организации шести официальных языков появилась должность ответственного координатора ООН по вопросам многоязычия, которую с декабря 2015 занимает Кэтрин Поллард (Гайана) [Резолюция 69/250 ГА ООН].

Режим многоязычия в рамках ООН требует, безусловно, присутствия качественного перевода как в устной форме (конференции, заседания, собрания, обсуждения, выступления), так и в письменной форме (документация, публикации). Естественно, в условиях существования шести официальных языков ООН очень важно гарантировать качественный перевод. Цель перевода – обеспечение взаимопонимания, передачи правильной, точной информации, что способствует эффективности решения вопросов на международном уровне.

Таблица использования официальных и рабочих языков в ООН

Органы	Официальный язык Применение	Рабочий язык Применение
Генеральная Ассамблея	А, АР, К, И, Ф , Р * – Перевод. – Все документы.	А, АР, К, И, Ф , Р
Совет Безопасности	А, АР, К, И, Ф , Р – Перевод. – Все документы.	А, АР, К, И, Ф , Р.
Экономический и Социальный Совет	А, АР, К, И, Ф , Р – Перевод. – Резолюции, решения.	А, И, Ф – Аналитические отчеты.
Административный Совет ПРООН, ЮНФПА	А, АР, К, И, Ф , Р – Перевод. – Документы по повест- ке дня. – Отчеты заседаний.	А, И, Ф – Документация по программам. – Документы заседаний.
Административный Совет ЮНИСЕФ	А, АР, К, И, Ф , Р	А, И, Ф

* А – английский, АР – арабский, К – китайский, И – испанский, **Ф** – французский, Р – русский. (А, АР, К, И, **Ф**, Р) [Guide pratique, 2011, р. 30].

В Нью-Йорке, Женеве, Вене и Найроби существуют Департаменты по делам Генеральной Ассамблеи и конференционному управлению, которые обеспечивают высококачественным переводом как в устной, так в письменной формах все официальные мероприятия, проводимые в рамках ООН в соответствии с параграфами 5 и 6 преамбулы резолюции 59\309 от 6 июля 2005 года о многоязычии в Генеральной Ассамблее и равенстве языков [Резолюция 59\309]. Но на неофициальных мероприятиях в рамках ООН преобладает английский язык при условии, что хотя бы один из участников мероприятия не говорит на **французском языке**. Что касается сайта ООН (www.un.org), то некоторые из его разделов име-

ют только англоязычную версию, а перевод на другие языки не существует по причине отсутствия финансирования. Но по рекомендации «Руководства по использованию французского языка в международных организациях» (Vade-Mecum), любая документация или публикация, включая электронную версию документов на сайте ООН, должны иметь и франкоязычную версию, а тексты переговоров должны быть доступны на французском языке в реальном времени. К сожалению, это говорит о том, что не все международные организации соблюдают рекомендации этого базового документа относительно французского языка.

Известно, что штаб-квартира ООН находится в англоговорящем городе – Нью-Йорке, поэтому именно здесь использование английского языка как в профессиональном, так и в повседневном общении вполне естественно. Но даже в Нью-Йорке страны-члены МОФ и страны, подписавшие «Руководство по использованию французского языка в международных организациях» в соответствии с его положениями при общении с различными службами ООН, с представительствами МОФ и представителями других стран-членов МОФ, обязаны говорить на французском языке. Французский язык также должен использоваться при ведении переписки, на переговорах с представителями других стран, где французский язык является официальным языком.

При приеме на работу в структуры ООН в большинстве случаев требуется обязательное знание английского языка. Собеседования и тесты проводятся только на английском языке, даже если французский является родным языком кандидата, желающего получить работу. Но при этом, при приеме на работу в ООН, настоятельно рекомендуется владеть французским языком как первым в том случае, если речь идет о работе в франкоговорящих странах.

В феврале 2010 года Департамент общественной информации ООН учредил «День языка» для каждого из шести официальных языков ООН. В частности, День французского

языка провозглашен 20 марта. Цель данной инициативы ООН направлена на продвижение иностранных языков в международных организациях, на поощрение многоязычия, культурного разнообразия и обеспечение равных возможностей использования всех шести официальных языков ООН. Эта инициатива позволяет познакомиться с историей и культурой стран, говорящих на каждом из шести официальных языков ООН.

ЮНЕСКО – специализированное учреждение ООН по вопросам образования, науки и культуры. 76 стран-членов МОФ входят и в ЮНЕСКО. Из 205 стран-членов ЮНЕСКО 13 государств говорят только на французском языке [Vade-Mecum, 2016, p. 98]. В соответствии со статьей 53 правил процедуры Генеральной конференции ЮНЕСКО, французский язык является одним из девяти ее официальных языков, среди которых также английский, арабский, китайский, испанский, хинди, итальянский, португальский, русский [Правила процедуры ГК].

В соответствии со статьей 50 Генеральной конференции ЮНЕСКО, французский язык – один из шести рабочих языков Генеральной конференции и Исполнительного Совета (наряду с английским, арабским, китайским, испанским, русским). [Руководство ГК]. В 2015 году на заседаниях Генеральной конференции ЮНЕСКО все шесть официальных языков использовались в следующих пропорциях: английский язык – 60%, **французский – 20%**, испанский – 8%, русский – 4,5%, арабский – 7%, китайский – 0,5% [Vade-Mecum, 2016, p. 99]. Эти данные показывают, что на международной арене французский язык уверенно занимает второе место, следуя за английским языком.

«Руководство по использованию французского языка в международных организациях» рекомендует поощрять использование французского языка на официальных мероприятиях. Но несмотря на данную рекомендацию, из 50-и стран МОФ, имеющих статус полноправных членов или наблюда-

телей, достаточное количество стран продолжает использовать английский язык, а не французский.

Генеральный Директор ЮНЕСКО Ирина Бокова (Болгария), несмотря на знание нескольких иностранных языков, в октябре 2009 года на открытии 35 сессии Генеральной Ассамблеи выступила на французском языке. Данный факт демонстрирует соблюдение одного из главных принципов ЮНЕСКО – равноправия языков, одновременно свидетельствуя о сохранении роли французского языка в этой организации. И. Бокова, являясь в 2007 году председателем ГФП, внесла свой вклад в распространение французского языка в международных организациях. Она предложила проект, в соответствии с которым любой кандидат на руководящий пост, хорошо знающий один из 2-х рабочих языков Секретариата ЮНЕСКО, должен выучить второй рабочий язык, работая в структуре ЮНЕСКО. Таким образом, становится очевидным, как действия руководителя могут оказывать влияние на масштаб использования (в данном случае французского языка) в соответствующей международной организации.

В международной организации **Экономическая Комиссия ООН для Африки (ЭКА)**, несмотря на существование 3-х официальных языков, а именно английского, арабского и французского, до 2013 года одним из уязвимых моментов являлся тот факт, что большинство документов (90%) было представлено на английском языке, в том числе сотрудниками – франкофонами.

Что касается устного перевода, то в Комиссии нет ни одного устного переводчика. Для устного перевода ЭКА обращается к Международной организации устных переводчиков для конференций. Французский и английский языки наиболее востребованы на собраниях, конференциях и встречах. При приеме на работу, несмотря на два рабочих языка (английский и французский), предпочтение отдавалось английскому языку. Но тот факт, что руководящие посты занимают

представители франкофонного мира, положительно влияет на улучшение положения французского языка в организации. Начиная с 2013 года все документы составляются на двух рабочих языках: английском и **французском**; при необходимости устный и письменный перевод осуществляется (помимо английского и французского) и на арабский язык. Вся переписка ведется на английском **французском языках**, интернет-сайт - также на английском и **французском**.

Таким образом, если сравнить данные 2012 года с данными за 2016 год, можно констатировать, что ситуация с французским языком меняется в лучшую сторону.

АФРИКАНСКИЙ СОЮЗ (АС) – международная межправительственная организация, датой создания которой считается 9 июля 2002 года. Рабочие языки АС и его институтов – арабский, английский, **французский**, португальский. Наиболее используемые в АС – английский и французский языки. Из 54 стран-членов АС 30 стран являются членами МОФ, из которых в 22 странах французский является официальным языком.

В 2005 году в Аддис-Абебе Генеральный Секретарь МОФ и президент Комиссии Африканского Союза (КАС) подписали меморандум о сотрудничестве в области уважения прав человека, демократии и распространения и поддержания **французского** языка в КАС. В этой связи МОФ разработала план, направленный на распространение и поддержку французского языка в КАС. Были организованы курсы французского языка для сотрудников КАС, а также приняты меры, направленные на улучшение уровня владения дипломатами французским языком.

Все представители франкоговорящих стран на всех официальных встречах и конференциях говорят на французском языке. Язык общения – преимущественно английский. Переписка ведется на английском языке, за исключением посольства Франции и нескольких африканских посольств, где французский язык является официальным языком.

При приеме на работу требуется владение английским и французским языками, но приоритет отдается английскому.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ (ЕС)

В настоящее время в ЕС входит 28 стран. Все официальные языки стран ЕС, одним из которых является **французский** язык, являются официальными языками Еврокомиссии. Довольно долгое время французский язык в европейских институтах занимал значимое место, но в настоящее время вся письменная документация ведется на английском языке, и только 12% документов составлено на французском [La langue française, 2010, p. 278]. Интересно, что язык общения в международной организации зависит от того, каким иностранным языком владеет ее руководитель. Например, во втором семестре 2008 года здесь председательствовала Франция, в связи с чем появилось очень много документов на французском языке. Так, если ранее из всего количества документов только 7% было на французском языке, то в 2008 году количество документов на нем увеличилось в 2 раза, достигнув 16,4% [Presidence du Conseil de l'Union].

В отчете Парламенту ЕС по использованию французского языка за 2002 год отмечалось значительное ослабление позиций французского языка в институтах ЕС и усиление позиций английского языка: английский язык использовался в 98% случаев, а документация на французском языке составляла 70% [Rapport au Parlement, 2002].

В 2008 году все объявления о приеме на работу в структуры ЕС, собеседования осуществлялись на английском и французском языках, что свидетельствует о том, что кандидаты должны владеть в обязательном порядке двумя языками – английским и французским. Отчет «Парламенту по использованию французского языка» за 2014 год подтверждает, что все сотрудники европейских институтов должны обязательно владеть третьим иностранным языком [Rapport au Parlement, 2015].

Во всех институтах Совета Европы существует четыре режима устного перевода: перевод на все языки; перевод по запросу; перевод на три языка – английский, немецкий, французский; режим без перевода, если это французский или/и английский языки. Но, тем не менее, во многих институтах ЕС наблюдается тенденция к использованию одного языка – английского, как устного, так и письменного (80% документации составлено на английском языке). И эта тенденция просматривается, несмотря на то, что европейские институты расположены в Бельгии, в г. Брюссель, где значительное количество сотрудников этих организаций прекрасно владеет французским языком.

ЕВРОПАРЛАМЕНТ – одна из структур ЕС, где предпочтение отдается французскому языку. Но в 2015 году количество документов, составленных на французском языке, сократилось на 8 пунктов по сравнению с 2014 годом [Vademecum, 2016, p. 129].

В то же время, в Парламенте, более чем в других европейских институтах, наблюдаются благоприятные условия для использования французского языка. В соответствии с Правилами процедуры Парламента, все документы Европарламента должны быть составлены на всех официальных языках, т.е. должен соблюдаться принцип языкового разнообразия. Депутаты имеют право выступать в Парламенте на любом из официальных языков, но предпочитают говорить на английском языке, за исключением европейских депутатов, которые говорят на немецком и французском языках. Перевод осуществляется на каждый из официальных языков. Президент Европарламента говорит на трех языках: английском, немецком и французском.

В апреле 2010 года Генеральный Секретарь МОФ Абду Диуф принял Еврокомиссара по делам образования, культуре, многоязычию и молодежи. Во время встречи А. Диуф говорил о значении и роли французского языка в институтах Евросоюза, о необходимости укрепления французского язы-

ка в дипломатической среде, о роли МОФ и его возможностях в осуществлении политики распространения французского языка. Он также подчеркнул, что необходимо укреплять положение французского языка и его применение как языка общения в Еврокомиссии, на интернет-сайтах Европейских институтов [Diversité culturelle].

Все институты и структуры Евросоюза полностью обеспечиваются устным переводом. Но стоит отметить, что во всех структурах Евросоюза, как и во многих других международных организациях, преобладает английский язык. В Совете Европы большинство документов составлены на английском языке. Наблюдается некоторое расхождение между теорией и практикой, а именно, европейские институты рекомендуют претворять в жизнь политику культурного и языкового многообразия, но внутри самих институтов общение со странами-членами, с гражданами осуществляется, в основном, на английском языке.

С целью претворения в жизнь принципов многоязычия, ценностей франкофонии и, в первую очередь, распространения французского языка в июне 2009 года была образована Группа франкофонных послов (ГФП), куда вошли послы, постоянные представители при ЕС стран-членов или наблюдателей МОФ, а также двухсторонние послы франкофонных государств при Королевстве Бельгия. Деятельность Группы послов в Брюсселе была направлена на усиление роли французского языка на международной арене. В настоящее время существует 48 групп франкофонных послов на 5-и континентах [Groupes d'ambassadeurs francophones]. Главным предназначением ГФП является претворение в жизнь принципов лингвистической политики МОФ, основанной на принципах языкового и культурного многообразия и продвижении французского языка, на соблюдении принципов и положений лингвистической политики в международных организациях.

ГПФ, в соответствии с аккредитацией, делятся на два типа: Группы послов, аккредитованные при международных

организациях (ЕС, ЮНЕСКО, ООН в Женеве, Нью-Йорке и Вене, при Совете Европы и ОБСЕ, при Африканском Союзе и ЭКА в Аддис-Абебе), и Группы послов, аккредитованные при Государствах (37 Групп).

МОФ, начиная с 2006 года, реализует Программы «Французский язык международных отношений». Эти программы направлены на поддержание и распространение французского разговорного языка, а также на более интенсивное использование французского языка в Евросоюзе, на переговорах, в дипломатической практике в целом. Целью данных программ является улучшение качества владения французским языком сотрудников и дипломатов Европейских институтов. Создаются курсы французского языка для дипломатов и сотрудников международных организаций, где французский язык является официальным и/или рабочим языком.

В 2014 году было предложено обучение по Программе «Французский язык международных отношений» для ЕС 11000 сотрудникам и руководителям структур международных организаций и дипломатам. Ежегодно по линии МОФ могут пройти стажировку во Франции и Бельгии 5 должностных лиц правительства [Vade-Mecum, 2016, p. 137]. Например, в 2010 году Госсекретарь Франции по делам Европы пригласил Министра иностранных дел Евросоюза и Парламента на лингвистическую стажировку для руководящих работников. Таким образом, Программы по французскому языку способствуют улучшению уровня владения французским языком и распространению французского языка на всех уровнях и во всех структурах ЕС.

Всемирный Почтовый Союз (ВПС) – специализированное учреждение ООН, существующее с 1948 года, куда входят 192 страны мира. В соответствии со статьей 6 Конституции ВПС [Constitution de l'UPU], французский язык является единственным официальным языком, начиная с 1994 года рабочим языком является английский язык. Большинство до-

кументов издано на официальных языках ООН. Служба перевода осуществляет перевод на английский, немецкий, арабский, китайский, французский, испанский, русский языки.

Французский язык так же, как и английский, является официальным языком **НАТО**.

Международные Олимпийские Игры (МОИ) – В соответствии с Хартией Международных Олимпийских игр, их официальными языками являются французский и английский языки [Charte Olympique].

Французский и английский являются официальными языками Международного Олимпийского Комитета (МОК). На каждой сессии МОК осуществляется перевод на французский, английский, немецкий, испанский, русский и арабский языки. МОК поддерживает деятельность МОФ, направленную на распространение французского языка.

Несмотря на увеличение спроса на французский язык в академической среде, доминирование английского языка в международных организациях становится все более очевидным. До 1960 года французский язык международных отношений еще занимал лидирующие позиции, несмотря на давление английского языка. И тем не менее, в настоящее время английский уже не только занял первое место в международных организациях, но и стал языком общения, научным языком.

Одна из причин доминирования английского языка в международных организациях, возможно, связана с уменьшением количества руководителей, владеющих французским языком. В ООН, например, носителями французского языка были Бутрос Бутрос Гали, который являлся Генеральным Секретарем ООН в 1992–1996 гг. и Исполнительным секретарем Франкофонии в 1997–2002 гг., а также Президент Еврокомиссии Жак Делор (1985–1995 гг.). В настоящее время очень мало руководителей, которые свободно владеют французским языком. Представителями франкофонного мира являются Жан-Клод Юнкер – Председатель Еврокомиссии с

2014 года и Кристин Лагард – Директор-распорядитель МВФ с 2011 года. Важным фактором, влияющим на ослабление позиций французского языка в международных организациях, является и требование обязательного владения английским языком при приеме на работу в международные организации. Этот факт, сам по себе, создает предпосылки доминирования английского языка на международной арене. И только с 2015 года для поступления на работу в структуры Евросоюза существует обязательное условие – владение тремя языками.

Обязательное владение английским языком и его использование в международных организациях на всех уровнях приводит к доминированию одного языка, что в свою очередь, приводит к монокультуре и противоречит принципам ЮНЕСКО о культурном и языковом многообразии.

Требование владения только английским языком автоматически приводит к тому, что все компьютерные программы, документация во всех областях будут иметь только англоязычную версию. И, естественно, если все должностные лица говорят на английском языке, то и все высокие посты будут заняты, в конце концов, англоговорящими руководителями.

С целью улучшения позиций французского языка на международной арене МОФ приняла ряд документов, направленных на применение французского языка в международных организациях, усиление его позиций (VADE-MECUM): «Руководство по применению французского языка в международных организациях», «Практическое Руководство по применению французского языка в международных организациях», «Интегрированная политика по распространению французского языка».

В январе 2003 года Парламентская Ассамблея Франкофонии приняла Страсбургскую Декларацию, основная цель которой – продвижение французского языка в европейских институтах [Declaration de Strasbourg].

Что касается положения французского языка в Евросоюзе, то очевидно, что представители франкофонных государств Евросоюза, особенно Франции, должны обязательно говорить на французском языке на официальных мероприятиях и встречах. Именно Франция должна быть примером для подражания в области применения французского языка во всех странах Евросоюза. К тому же из 28 стран – членов ЕС 17 являются полноправными членами или имеют статус наблюдателя МОФ. Франкофонные города, где находятся большое количество международных организаций (Брюссель, Люксембург, Страсбург), также должны сыграть свою роль в популяризации французского языка. Безусловно, именно МОФ должна руководить и следить за соблюдением правил использования французского языка в международных организациях в соответствии с установленными правилами, документами.

Работая в этом направлении, МИД Франции организует курсы французского языка для комиссаров и руководящего состава институтов Евросоюза.

Группы франкофонных послов (ГФП) состоят из представителей и дипломатов стран – членов МОФ, аккредитованных при государствах или международных организациях, и являются очень важным актором МОФ в реализации политики продвижения и использования французского языка, способствуя, таким образом, поддержанию многоязычия.

Несмотря на ослабление позиций французского языка в европейских институтах, как в письменной сфере (документация), так и в устной сфере (встречи, переговоры, саммиты), французский язык, по использованию, продолжает занимать второе место после английского, являясь дополнительным бонусом, способствующим продвижению должностных лиц по карьерной лестнице.

В заключение можно сделать вывод, что среди многих языков французский язык занимает привилегированное место на международной арене. В уставных документах всех

международных организаций он фигурирует как официальный и рабочий язык. Совершенно логично, что одна из приоритетных задач лингвистической политики Международной Организации Франкофонии и стран-членов МОФ – поддерживать и сохранять присутствие французского языка на мировой арене, гарантируя, таким образом, языковое и культурное многообразие. Безусловно, поддержку французского языка и языкового многообразия в международном пространстве в одиночку МОФ реализовать не может. Если принять во внимание, что 84 страны – члены МОФ являются одновременно и членами других международных организаций, таких как ЮНЕСКО, ООН, Совет Европы, ЕС, Африканский Союз, можно говорить об огромном значении этих стран в реализации задач, изложенных в «Руководстве по использованию французского языка в международных организациях» (VADE-MECUM). В большинстве стран – членов МОФ французский язык имеет статус официального, что должно еще больше способствовать его распространению и его использованию в международных организациях, одновременно содействуя укреплению принципа языкового многообразия в международных организациях. Таким образом, значение, которое имеет французский язык в мире, делает его ответственным за то, чтобы соблюдался принцип языкового многообразия в международных организациях.

Группа послов франкофонных государств также способствует осуществлению основной задачи VADE-MECUM, а именно – распространению французского языка, укреплению его места и роли в международных организациях. Достижение поставленных задач осуществляется следующими способами: принятие официальных инструкций, обязывающих служащих, экспертов и дипломатов применять французский язык как в устной, так и в письменной речи в международных организациях; обучение французскому языку служащих и дипломатов; распространение VADE-MECUM в международных организациях; укрепление места и роли

французского языка как иностранного в системе образования всех пяти континентов.

Группа послов франкофонных государств совместно со странами членами МОФ принимает соответствующие меры, направленные на введение обязательного владения французским языком при приеме на работу в международные организации; уделение внимания качеству и уровню владения французским языком сотрудников международных организаций, в особенности, при продвижении по карьерной лестнице. Наряду с мерами, направленными на усиление роли и места французского языка, в международных организациях должен соблюдаться общий принцип языкового многообразия, изложенный в документах МОФ и ЮНЕСКО.

Деятельность МОФ в пользу соблюдения принципов многоязычия в международных организациях реализуется по пяти направлениям: повышение уровня владения французским языком служащих и дипломатов; создание курсов на французском языке по разным направлениям; создание обществ профессиональных переводчиков; применение французского языка в международном спортивном движении.

Несмотря на огромную работу МОФ по принятию документа VADE-MECUM, «Руководство по использованию французского языка в международных организациях», разработке «Рекомендаций по использованию VADE-MECUM» и распространению данных документов и соответствующих международных рекомендаций, наряду с положительными результатами, укрепляющими роль и место французского языка, наблюдаются и некоторые недостатки. Только 7 государств и правительств стран МОФ приняли и реализуют положения VADE-MECUM; представители стран-членов МОФ и сотрудники международных организаций из стран, где французский язык – единственный официальный язык, не всегда его используют. Это представляется странным, учитывая, что существуют примеры, когда представители государств, которые не являются членами МОФ (например, Пор-

тугалия, Голландия, Турция, Германия) в индивидуальном порядке выступают на собраниях на французском языке.

Роль и место французского языка в ЕС неоднозначны: с одной стороны, наблюдается влияние Председателя ЕС, в частности, на укрепление роли французского языка в международных организациях; при этом, как ни парадоксально, значительно возросло количество документов, составленных на французском языке при председательстве Германии в ЕС, в то время как этот процент был значительно ниже, когда эту роль играла одна из стран-членов МОФ. Однако есть и ощутимые положительные результаты: количество стран – членов МОФ, выступающих на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН, увеличилось с 15 в 2007 году до 25 в 2015 году.

Проанализировав случаи неиспользования французского языка официальными представителями и сотрудниками международных организаций из стран, где французский язык является единственным официальным языком, можно назвать две причины: отсутствие информации о документе VADE-MECUM и отсутствие политической воли действовать в соответствии с принципами вышеназванного документа.

Изучив документы, отчеты, статьи, сайты МИД Франции, МОФ, где много говорится о роли и месте французского языка в международных организациях можно отметить следующее:

- количество документов на французском языке сократилось, за исключением Международного суда и Европарламента;

- профессиональная переписка в международных организациях осуществляется преимущественно на английском языке даже между сотрудниками, не являющимися носителями английского языка;

- доминирование английского языка (90%) как в профессиональной сфере, так и в повседневном общении внутри международных организаций;

– общение с прессой происходит в основном на английском языке;

– только 11 интернет сайтов из 63 сайтов системы ООН имеют версии на 6-и официальных языках ООН; основная часть информации дается на английском языке;

– большинство социальных сетей имеют только англоязычную версию;

– основные органы ЕС соблюдают правила использования официальных языков (24 официальных языка), но социальные сети и новости представлены только на английском языке;

– из 67 интернет-сайтов ЕС, 63 сайта не имеют версий на официальных языках ЕС, а 42 сайта имеют только английскую версию;

– при приеме на работу в международные организации все опубликованные предложения представлены только на английском языке, в процессе приема на работу предпочтение отдается английскому языку.

Учитывая лингвистическую составляющую функционирования международных организаций и доминирования в них английского языка, стоит отметить, что почти все их сотрудники владеют 3-мя языками, подавляющее большинство из них говорят на французском языке, хотя при этом уровень владения французским языком может быть разным. Достаточно редко должностные лица международных организаций не говорят на французском языке. В данном случае речь идет, в основном, о лицах, занимающих ответственные и руководящие посты в международных организациях, штаб-квартиры которых находятся в странах, где французский язык не является официальным языком.

Абду Диуф, выступая в октябре 2014 года в ЮНЕСКО перед Группой франкофонных послов (ГФП), затронул тему о роли и месте французского языка на международной арене, о языковом и культурном многообразии. Говоря о миссии ГФП, Генеральный Секретарь назвал их «ценными союзниками»,

подчеркнув их основное предназначение как «защитников французского языка, проводников многоязычия, особенно в международных организациях» [Discours de M. Abdou].

«Французский язык – это наше достояние», – сказал Генеральный Секретарь Международной Организации Франкофонии [La langue française dans le monde, 2014, p. 3].

ЛИТЕРАТУРА

Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 1.10.2017).

Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения [Электронный ресурс]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001429/142919r.pdf> (дата обращения: 5.10.2017).

Правила процедуры ГК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/documents/rules/unesco.pdf> (дата обращения: 20.10.2017).

Резолюция 59/309 от 6 июля 2005года о многоязычии в Генеральной Ассамблее [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N04/495/69/PDF/N0449569.pdf?OpenElement> (дата обращения: 25.10.2017).

Резолюция 69/250 Генеральной Ассамблеи ООН о назначении координатора по вопросам многоязычия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sg/ru/multilingualism/index.shtml> (дата обращения: 3.10.2017).

Руководство Генеральной конференции [Электронный ресурс]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001255/125590r.pdf> (дата обращения: 9/10/2017).

Смокотин В.М. Европейское многоязычие: от государств-наций к многоязычной и поликультурной Европе. Изд. Томского университета, 2010. 178 с.

Устав ООН. Статья 111 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-xix/index.html> (дата обращения: 10.10.2017).

Cerquiglini В. «Adoptez les parlers francophones!» [Электронный ресурс]. URL: (<http://www.lefigaro.fr/langue-francaise/francophonie/2016/10/21/37006-20161021ARTFIG00158-bernard-cerquiglini-adoptez-les-parlers-francophones.php>) (дата обращения: 30.09.2017).

Charte Olympique [Электронный ресурс]. URL: <https://stillmed.olympic.org/media/Document%20Library/OlympicOrg/General/FR-Olympic-Charter.pdf>, (дата обращения: 5.10.2017).

Constitution de l'Union Postale Universelle [Электронный ресурс]. URL: <http://www.laposte.bj/doc/constitutionUPU.pdf> (дата обращения: 5.10.2017).

Declaration de Strasbourg [Электронный ресурс]. URL <http://www.melchior.fr/etude-de-cas/8919> (дата обращения : 5.10.201).

Discours de M. Abdou Diouf a Paris, le 16 octobre 2014 lors d'une rencontre avec le Groupe francophone de l'UNESCO [Электронный ресурс]. URL: <https://www.francophonie.org/Discours-de-M-Abdou-Diouf-a-Paris-45358.html> (дата обращения: 5.10.2017).

Diversité culturelle et linguistique: la Francophonie et la Commission européenne joignent leurs forces [Электронный ресурс]. URL : <https://www.francophonie.org/-Diversite-culturelle-et-.html> (дата обращения: 5.10.2017).

Francophonie et langue française [Электронный ресурс]. URL <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/francophonie-et-langue-francaise/> (дата обращения: 1.10.2017).

Francophonie et multilinguisme dans les organisations internationales [Электронный ресурс]. URL: <https://www.francophonie.org/IMG/pdf/francais.pdf> (дата обращения : 1.10.2017).

Guide pratique du Vade-mecum sur l'usage de la langue française dans les organisations internationales. Éditions Nathan, Paris, 2011. 84 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.francophonie.org/IMG/pdf/Guide_pratique_du_VADEMECUM.pdf (дата обращения: 5.10.2017).

Guide pratique de mise en oeuvre du Vade-mecum. Observatoire de la langue française. Nathan, 2011 [Электронный ресурс]. URL https://www.francophonie.org/IMG/pdf/Guide_pratique_du_VADEMECUM.pdf. дата брашения:10.10.2017).

Groupes d'ambassadeurs francophones. [Электронный ресурс]. URL : <https://www.francophonie.org/IMG/pdf/gaf.pdf> (дата обращения: 15.10.2017).

La langue française dans le monde, 2010. Organisation Internationale de la Francophonie, 40 ans, Nathan, 2010. Paris. 384 p.

La langue française dans le monde 2014. OIF, Nathan. 576 с.

La politique culturelle et le français [Электронный ресурс]. URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/img/pdf/fr_la_promotion_du_francais_dans_le_monde_cle4136a1.pdf (дата обращения 1.10.2017); <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/francophonie-et-langue-francaise/> (дата обращения: 1.10.2017).

Le français une langue aujourd'hui et demain. Politique intégrée de promotion de la langue française [Электронный ресурс]. URL: https://www.francophonie.org/IMG/pdf/brochure_politique_integree_langue_francaise.pdf (дата обращения: 1.10.201).

Le livre blanc sur la politique étrangère et européenne de la France 2008-2020. Sous la présidence d'Alain Jupé et Louis Schweitzer [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ladocumentationfrancaise.fr/var/storage/rapports-publics/084000459.pdf> (дата обращения: 15.10.2017).

Les pays de la Francophonie doivent agir [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ledevoir.com/international/actualites-internationales/354579/les-pays-de-la-francophonie-doivent-agir> (дата обращения: 5.10.2017).

Message de la rentrée du directeur de l'AEFE aux chefs d'établissement du réseau (1-er septembre 2017) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aefe.fr/vie-du-reseau/toute-lactualite/message-de-rentree-du-directeur-de-laefe-aux-chefs-detablissement-du-reseau-1er-septembre-2017> (дата обращения : 1.10.2017.).

Mise en oeuvre du Multilinguisme dans les organisations internationales. Mettre en pratique la diversité linguistique. Organisation internationale de la Francophonie. Observatoire de la langue française. Nathan, Paris, 2014. 33 p.

Organisation internationale de la Francophonie [Электронный ресурс]. URL : <https://www.francophonie.org/L-Organisation-internationale-de-la-Francophonie-42707.html> (дата обращения 1.10.2017).

Politique intégrée de promotion de la langue française [Электронный ресурс]. URL: https://www.francophonie.org/IMG/pdf/brochure_politique_integree_langue_francaise.pdf - дата обращения: 1.10.2017].

Politique intégrée de promotion de la langue française. XIVe Conférence des chefs d'État et de gouvernement des pays ayant le français en partage. Kinshasa (RDC). les 13 et 14 octobre 2012. [Электронный ресурс]. URL: https://www.francophonie.org/IMG/pdf/politique_integree_de_promotion_de_la_langue_francaise.pdf (дата обращения: 15.10.2017).

Pourquoi promouvoir la langue française [Электронный ресурс]. URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/francophonie-et-langue-francaise/pourquoi-promouvoir-la-langue-francaise/> (дата обращения: 30.09.2017).

Presidence du Conseil de l'Union européenne [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strasbourg-europe.eu/presidence-du-conseil-de-l-union-europeenne,27572,fr.html> (дата обращения 5.10.2017).

Promotion du français dans le monde [Электронный ресурс]. URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/img/pdf/fr_la_promotion_du_francais_dans_le_monde_cle4136a1.pdf (дата обращения 1.10.2017).

Rapport au parlement sur l'emploi de la langue française. Ministère de la Culture et de la Communication. Paris, 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.sgae.gouv.fr/files/live/sites/sgae/files/contributed/SGAE/3.%20Les%20autorit%C3%A9s%20fran%C3%A7aises%20et%20l'UE/documents/Rapport_au_parlement_2016.pdf (дата обращения: 5.10.2017)

Rapport au Parlement sur l'emploi de la langue française. Ministère de la Culture et de la Communication. Paris, 2015 [Электронный ресурс]. URL:

http://www.langue-francaise.org/rapport_DGLF_2015.pdf (дата обращения: 20.10.2017).

Rapport au Parlement sur l'emploi de la langue française. Ministère de la culture et de la communication. Paris, 2002 [Электронный ресурс]. URL: [file:///C:/Users/Admin/Downloads/rapport_parl_2002_def%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/Admin/Downloads/rapport_parl_2002_def%20(1).pdf) (дата обращения: 9.10.2017).

Reglement de la procedure de la Cour de Justice [Электронный ресурс]. URL : https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2011-07/gr_cjue_fr.pdf (дата обращения: 5.10.2017).

Rey A., l'homme dictionnaire. Paris Match| Publié le 22/11/2016 [Электронный ресурс]. <http://www.parismatch.com/Culture/Livres/Alain-Rey-l-homme-dictionnaire-1121777#xtor=CS2-14>, (дата обращения 1.10.2017).

Vade-Mecum relatif a l'usage de la langue française dans les organisations internationales (Vade-mecum). 26 septembre 2006. [Электронный ресурс]. https://www.francophonie.org/IMG/pdf/Vade-mecum_Fcs_vie_intnale_2006.pdf (дата обращения: 15.10.2017).

Vade-Mecum 2006–2016, 10 ans, 5-e document de suivi du Vade-Mecum relatif a l'usage de la langue française dans les organisations internationales, novembre 2016. Organisation internationale de la francophonie. 154 p.

Глава 7

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИСПАНИИ

Химич Галина Александровна

Российский университет дружбы народов, кафедра иностранных языков
факультета гуманитарных и социальных наук;
кандидат филологических наук;
доцент; доцент кафедры иностранных языков;

Терентьева Екатерина Дмитриевна

Российский университет дружбы народов, кафедра иностранных языков
факультета гуманитарных и социальных наук;
кандидат филологических наук;
доцент кафедры иностранных языков

Ключевые слова: лингвистическая политика; отношения России и Испании; мягкая сила; образование; образовательная политика Испании; внешняя политика Испании.

На протяжении всей истории человечества язык являлся фактором, объединяющим или разделяющим народы разных культур, формирующим нацию и отличающим население одного государства от другого. Именно поэтому язык и образование сегодня считаются важнейшими составляющими государственной политики каждой страны. Реальность эпохи

глобализации, сокращение дистанций и интенсификация международного общения, переживаемая нами в конце XX – начале XXI веков, дают новый импульс развитию не только внутренней лингвистической и образовательной политики государств, но и внешней, выводя язык, культуру и систему образования далеко за пределы одной страны и делая их мощнейшим оружием реализации внешнеполитических целей.

Внутренняя лингвистическая политика Испании

Лингвистическая политика – мощнейшее средство национальной консолидации. Одной из стратегических задач языковой политики является создание такого государства, в котором ни одна этническая группа не будет ущемлена в своих культурно-языковых правах. Большинство современных государств признают языковое разнообразие своего населения и поддерживают его, а также гарантируют языковые права представителей меньшинств. Важность внутренней лингвистической политики мы наблюдаем на примере различных стран, где использование различных языков приводит либо к политике мультикультурализма и общенационального единства, либо к подъему национализма. Этнический характер большинства внутренних конфликтов в различных странах мира демонстрирует нам важность лингвистического аспекта во внутренней политике. Перерастая в сепаратистские движения, межэтнические противоречия начинают угрожать территориальной целостности государства.

Этой проблемой сегодня обеспокоены многие страны во всем мире. Возможно, именно эта проблема является основополагающей и во внутренней лингвистической политике Испании.

Юридической основой современной языковой политики Испании является Конституция 1978 года [*Конституция Испании 1978 года*], согласно которой в Испании признается официальным языком испанский. Любой гражданин Испа-

нии обязан его знать и имеет право на его использование на всей территории страны.

Испанский язык по распространенности в мире уступает только китайскому и впервые опережает английский по количеству говорящих на нем. Он официально признан вторым языком международного общения благодаря тому, что помимо Испании он является государственным языком многих стран Латинской Америки, а также благодаря огромному интересу, проявляемому к его изучению [La Vanguardia, 25.09.2017].

Но, как известно, на территории современной Испании проживают представители различных народностей, исторически составляющих отдельные княжества и государства и помимо испанского говорящие до сих пор на различных языках как романской языковой группы, сформировавшейся к XIII веку из вульгарной латыни, близких к испанскому по структуре и грамматике, так и на древнем языке, возникшем до завоевания полуострова Древним Римом – баскском, или, как называют его, «эускера». Баскский язык, в отличие от других языков Испании, не принадлежит к индоевропейским и является так называемым псевдо-изолированным языком.

Испанский язык относится к романской языковой группе, основой которой является латынь. Впервые латынь появляется на Иберийском полуострове после завоевания территории полуострова римлянами. Постепенно она смешивается с существующими местными наречиями и получает название «вульгарная» или народная латынь. Некоторое влияние на формирование испанского языка оказал арабский язык во время 700-летнего завоевания полуострова маврами. Вульгарная латынь заимствовала некоторые арабские слова и названия, которые стали неотъемлемой частью испанского языка. Формирование испанского языка, как многих других романских языков, началось в XIII веке во времена правления Короля Альфонсо X Мудрого. В основе его было положено наречие «кастейяно», получившее это название по

названию княжества центральной части Испании, именуемой «Кастилия». Ученые города Толедо перевели на кастильский / испанский язык исторические хроники, научные и юридические труды и литературные произведения. Кроме того, кастильский был признан языком, на котором составлялись и подписывались все официальные документы и декреты. Во время правления католических королей Изабеллы Кастильской и Фердинанда II Арагонского, объединивших территории современной Испании, кастильский диалект был объявлен официальным языком на всей территории королевства. По распоряжению Изабеллы Кастильской в 1492 году в Университете Саламанки выходит первая «Грамматика испанского языка» («Gramática castellana»), описывающая правила и устанавливающая нормы испанского языка. Целью этого труда, а также двух словарей («испанско-латинского» и «латинско-испанского») является не только описание языка. Данный труд становится одним из инструментов Католических королей Изабеллы и Фердинанда по объединению после долгого периода феодальной раздробленности земель полуострова в единое государство и должен был способствовать созданию не только территориальной, но и лингвистической целостности новой объединенной Испании. После объединения Кастилии и Арагона, завоевания в 1492 году Гранады и изгнания арабов Изабелла и Фердинанд объявляют о территориальной, религиозной и лингвистической целостности Испании, в которой единый язык должен был стать мощным инструментом внутренней политики страны.

Однако, несмотря на появление государственного языка, на различных территориях Испании продолжали говорить на местных наречиях, которые, за исключением баскского, были разновидностями все той же вульгарной латыни.

Еще одной исторически значимой для развития современной языковой политики Испании попыткой объединения страны с использованием лингвистического фактора становится политика Франко в XX веке. Вслед за Министром фи-

нансов при режиме Примо де Ривера антиреспубликанцем Хосе Кальво Сатело, объявившим, что он предпочитает Испанию, погрязшую в крови, нежели Испанию, разделенную на провинции, Франко также активно выступает за объединение страны и лингвистическую унификацию. Во время правления Франко языки национальных меньшинств и национальные культуры Испании в значительной степени ущемлены, что неминуемо вызывает скрытый рост национализма в наиболее самобытных областях страны. После падения режима Франко в 1975 году происходит «взрыв». Автономии, старательно сохраняющие все эти годы свои культурные и языковые традиции, стремятся к самоопределению и требуют соблюдения своих прав на использование на государственном уровне национальных языков, что и определяет новую лингвистическую политику Испании, закрепленную в Конституции 1978 года: уважение к национальным языкам и культурам. Отметим, что выбор именно этого пути Королевства под руководством нового монарха короля Хуана Карлоса I дал, на наш взгляд, стране на многие годы то политическое равновесие, которое стало основой стремительного развития и последующего процветания страны в конце XX – начале XXI веков.

Сегодня действующая Конституция Испании 1978 года признает «территориальный билингвизм», то есть статус официальных языков на территории того Автономного Сообщества, в котором на них говорят. Таким образом, каталанский, баскский и галисийский являются официальными языками Испании наряду с испанским на территории соответствующих Автономных областей: Каталонии, Страны Басков и Галисии. На этих языках ведется официальная документация и преподавание в школах.

Согласно Конституции, лингвистическое богатство Испании признается культурным достоянием страны, вследствие чего большие и малые языки достойны уважения, изучения и сохранения.

Также по Конституции Автономные области получают право признавать языки, на которых говорит их население, официальными и закреплять это в Уставе Автономной Области.

Однако, как отмечают многие критики современной внутренней лингвистической политики Испании, такая «толерантность» и стремление к уважению, прописанные в Конституции, с течением времени на деле вылились в то, что каждая Автономная область, получив на то конституционное право, стала проводить собственную внутреннюю лингвистическую политику и использовать этот мощнейший рычаг в своих интересах. «Конституция была щедра и восприимчива к лингвистическим тенденциям времени, стараясь залечить раны, нанесенные эпохой правления Франко. Однако мало кто мог просчитать в 1978 году, что законное возрождение и продвижение каталанского (баскского, галисийского) языка будет в полной мере поставлено на службу националистского проекта, что приведет к позиционированию каталанского языка как единственного языка Каталонии», – пишет в своей статье «Новый лингвистический актер в Испании» Мерсе Виларубьяс [Vilarrubias, 2015].

С 1979 года в некоторых Автономных областях Испании начинается процесс проведения в жизнь собственной внутренней лингвистической политики, основанной зачастую не столько на уважении или изучении национальных языков, сколько на внутренних политических интересах Автономий. Внутри страны, особенно из регионов центральной Испании, где официальный язык один – испанский, часто можно слышать критику лингвистической политики регионов, обвинение в «навязывании билингвизма», в превальировании личных прав над гражданским стремлением к территориальному единству страны. Действительно, в современной политической жизни Испании сепаратизм, развивающийся, прежде всего, в Каталонии, а также на протяжении всего XX века в Стране Басков – фактор весьма весомый, и

язык становится дополнительным лозунгом на пути к большей политической и экономической независимости или даже к развитию сепаратизма.

Вопрос с отделением Каталонии и, соответственно, с каталонским языком стоит сегодня наиболее остро. В Каталонии радикально настроенные граждане отказываются использовать испанский язык, несмотря на его статус официального на территории страны, провозглашая его языком угнетения и подавления их национальной самоидентичности.

В современной истории Испании есть масса примеров использования языкового фактора в политических целях и споров политиков с учеными. Так, до сих пор дискуссионным остается вопрос о валенсийском языке. Органическим законом 5/1982 «Об Уставе Автономной Области Валенсийское Сообщество» [Устав Автономной области Валенсийского сообщества] наряду с испанским официальным языком Валенсии признается валенсийский язык. Тем не менее, филологи и лингвисты не признают валенсийский самостоятельным языком, считая его диалектом каталонского, по грамматической и синтаксической структуре и по словарному составу практически от него не отличающимся, как, например, майоркинский или меноркинский языки – другие диалекты каталонского, на которых разговаривают на островах Майорка и Менорка соответственно. Диалектом каталонского языка считает валенсийский и Королевская академия Испании. Но, несмотря на критику и множественные дебаты, политическое решение закреплено Уставом, а многие валенсийцы, далекие от филологии, считают валенсийский еще одним государственным языком Испании. Во многом это связано с тем, что Валенсия не разделяет политических сепаратистских настроений Каталонии.

В 2010 году Парламент Каталонии провозгласил официальным языком этой Автономии не только каталонский, но и аранский язык – диалект гасконского и вариант окситанского языков, на котором говорят в Валь-д'Аран. Интересно, что

на этом языке как на первом говорят менее 3 тысяч человек, а жители долины также свободно владеют испанским, каталонским и французским языками. Большинство испанцев назвали это решение политическим.

Помимо вышеназванных языков, на территории Испании существуют и другие языки романской группы, на которых говорит коренное население соответствующих областей: астурилеонский (Автономные области Астурия и Кастилия и Леон), арагонский (Арагон), астурийский (Астурия).

В Испании существуют Академии каждого из языков [*Ассоциация академий испанского языка*]: каталонского, астурийского, астурилеонского, галисийского, аранского, арагонского, валенсийского, две академии баскского языка, изучающие и описывающие данные языки.

Можно сказать, что общая лингвистическая политика Испании направлена на развитие толерантности, уважения к языкам и культурам мелких народов, на урегулирование межэтнических отношений при сохранении национальной целостности и испанского языка как основополагающего национальной самоидентичности страны, а также языка богатейшей национальной культуры.

Внешняя лингвистическая и образовательная политика Испании

В отношении Испании с уверенностью можно сказать, что задачи и стратегия реализации внутренней и внешней лингвистической, культурной и образовательной политики очень разнятся.

Глобализация, несомненно, усиливает потребность взаимопонимания и обмена информацией на международном уровне. Языковая политика в условиях глобализации современного мира приобретает огромное значение и на международном уровне.

Язык, культура и образование становятся сегодня мощным ресурсом внешней политики каждого из государств [Ruis-Ulldemolins, Rubio Arostegui, 2015, с. 9–26], решающим целый спектр задач: от создания положительного имиджа развитых стран до формирования сферы их влияния. В современном глобализованном мире язык, культура и образование, как и иные сферы человеческой деятельности, вышли за рамки национальных границ и политики одного государства и приобретают все большее значение в решении основных задач государственной внешней политики, которые, согласимся с мнением А.В. Торкунова, состоят в «укреплении его позиций и авторитета на международной арене, создании благоприятных внешних условий для долгосрочного социально-экономического развития страны» [Торкунов, 2012, с. 85]. После принесшего миру две жесточайшие мировые войны и длительное биполярное противостояние «войны холодной» XX века, век XXI, несмотря на угрозу терроризма, неослабевающие военные конфликты и политические разногласия, помимо традиционных стратегий жесткой силы, стремится также развивать более гуманные ресурсы для достижения все той же политической цели: укрепления позиций государства на мировой арене. Посредством продвижения языка и культуры и распространения национального образования во всем мире страна, как пишет Джозеф Най [Nye, 2003, с. 30; Nye, 2004, с. 208], может получить желаемые результаты вследствие того, что представители других наций будут следовать ее моделям развития, уважать и распространять ее ценности в стремлении добиться такого же уровня и качества жизни. Реальность переживаемой в XXI веке политической трансформации самого концепта культуры и образования, становящихся мощным ресурсом внешней политики государств, дает уникальную возможность формирования нового поколения людей, получивших образование и культурное воспитание не только в рамках одной страны, но сформированных в условиях международных культурных

обменов, имеющих глубокие знания различных культур и способных на базе этих знаний к конструктивному межнациональному диалогу, к работе на международном уровне.

Несомненно, это одно из достижений развития стратегии «мягкой силы», результаты которого мы видим уже сегодня. Важнейшим же шагом на пути трансформации самой системы образования, которая неминуемо должна была отвечать на вызовы современности, обусловленные процессом глобализации, и соответствовать требованиям времени, в Европе можно считать подписание в 1999 году Министрами Образования европейских стран Болонской Декларации. Несмотря на критику и споры, которые, как и по России, прокатились по всем странам Европы, о негативном влиянии эффектов Болонского процесса для национальных систем образования, о разрушении национальных традиций и сложившихся в XX веке научных школ по причине чрезмерной мобильности студентов, и даже о возможном падении общего уровня высшего образования, идея Болонского процесса победила. Победила, потому что было очевидно, что в данный исторический момент нельзя было упускать возможность реализовать столь амбициозный план, как создание нового всеевропейского образовательного пространства, и превратить культуру и образование в мощный ресурс внешнеполитического диалога. Таким образом, в XXI веке произошла смена самой парадигмы общеевропейского образования с целью создания единой открытой Европы, основанной на взаимном знании и уважении культур и традиций, главным ресурсом и основой для политического развития и экономического процветания которой провозглашался высокий человеческий потенциал [Rubio Arostegui, Ruis-Ulldemolins, 2015, с. 27–52].

Основные принципы нового образовательного пространства изложены в «Великой хартии европейских университетов», подписанной ректорами наиболее влиятельных университетов Европы в Болонье в 1988 году. В «Хартии»

отмечается: «Хранитель традиций европейского гуманизма, но с постоянной заботой о достижении глобального знания, университет для выполнения своих задач отвергает всякие географические и политические границы и утверждает настоятельную необходимость взаимного познания и взаимодействия культур» [Международные правовые акты и документы по развитию европейской интеграции в образовании и исследованиях, 2004, с. 29].

На сегодняшний день большинство развитых мировых держав уделяют огромное внимание развитию внешней культурной и образовательной политики, реализуемой через государственные органы в сотрудничестве с организациями, фондами и ассоциациями культуры и образования, общественными учреждениями и даже коммерческими структурами, занимающимися распространением культуры, языка и системы образования за рубежом [Сизоненко, 2007, с. 32–34]. Одной из черт международной культурной политики является ее амбивалентность: распространяя культуру одной страны, она создает условия для того, чтобы ее собственные граждане смогли познакомиться с культурами других стран. То же самое можно сказать и об образовании: со вступлением в мировое образовательное пространство страна «открывается» как для принятия иностранных учащихся в образовательных учреждениях своей страны, так и для отправки своих студентов за рубеж. Таким образом, происходит взаимный культурный и образовательный обмен. В течение последних четырех десятилетий показатель количества студентов, прошедших обучение по обмену в другой стране, неуклонно растет. Так, с 0,8 миллионов в 1975 году к 2009 году он вырос до 3,7 миллионов. Наиболее значительный скачок, 41%, произошел с 1989 по 1994 годы. Сегодня эксперты говорят о четвертой волне интернационализации образования и прогнозируют, что число студентов, обучающихся в других странах, достигнет к 2020 году 5,8 миллионов, а к 2025 году 8 миллионов [Торкунов, 2012, с. 87]. Образовательный рынок

называют одной из самых прибыльных сфер экономической деятельности, а образовательная политика становится одним из наиболее эффективных средств создания сфер влияния на мировой арене.

По официальным данным Министерства Иностранных дел и Сотрудничества Испании в современной внешней политике страны культурная, лингвистическая и образовательная политика «играет стратегическую роль, чему способствует богатейшее культурное и художественное наследие страны, а также распространенность испанского языка, занимающего второе место в мире по числу говорящих на нем, причем спрос на изучение испанского языка постоянно растет» [Министерство Иностранных дел и Сотрудничества Испании]. Несомненно, для страны со значительным числом объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, богатейшей историей, ведущей свое начало от кельтских и иберийских племен, включающей римский период, арабские завоевание, Реконкиту, завоевание Нового Света, славный для страны XVI век в эпоху правления Императора Карла V, но также страны постоянно и динамично развивающейся, с новой, идущей в ногу со временем, культурой, архитектурой и эстетикой, культурная политика – мощнейший ресурс внешнеполитической деятельности.

Современная внешняя культурная, лингвистическая и образовательная политика Испании складывалась в последние четыре десятилетия [Лярская, Химич, 2015, с. 197–202]. Смерть Франко в 1975 году, падение режима, переход к демократии, создание нового общеевропейского пространства, глобализация и развитие технологий – вот основные факторы, определившие направления ее развития. В последние 10 лет культурная и образовательная составляющая, а также распространение испанского языка в мире, стали едва ли не важнейшими компонентами во внешней политике страны. Продвижение культуры, системы образования и языка за рубежом с целью развития, в том числе, культурного и соци-

ального и даже экономического – привлечение в страну туристических потоков и финансовых инвестиций; поощрение разнообразия и сотрудничества на основе взаимного уважения – такова стратегия внешней культурной политики Испании, направленная на укрепление присутствия страны за рубежом и создание ее положительного имиджа и условий для долгосрочного развития.

Современная концепция внешней культурной политики Испании была изложена в документе 2000 года «Культурная политика в действии». Главными акторами новой внешней политики стали Министерство Иностранных дел и Сотрудничества и Министерство Культуры, совместно с Институтом Сервантеса, внешними Представительствами и культурными центрами за рубежом. Следующий документ 2004 года, разработанный Королевским Институтом международных и стратегических исследований «Элькано» (Elcano) на основе глубокого изучения внешней культурных политик других европейских государств, «Культурная политика Испании» [Cultural Policy in Spain, 2004, с. 11–12], определил стратегию и ознаменовал новый этап в развитии внешней политики страны. В документе отмечается, что главную роль в ее реализации должны играть культурные и образовательные центры за рубежом. Была намечена стратегия работы Института Сервантеса в стратегически наиболее важных странах мира по распространению испанского языка и культуры в мире с целью установления более тесного сотрудничества и создания положительного образа Испании в мире. Также среди новых первоочередных задач в документе фигурируют интенсификация международного сотрудничества в сфере образования, в том числе в высшей школе, организация Конгрессов в сфере образования и создание новых программ международной мобильности, в том числе, программ Двойных дипломов. Следующим важным документом, провозгласившим «культуру ради развития», стали «Генеральный план Сотрудничества» [Plan Director de cooperación] и «Стратегия

культуры и развитие сотрудничества Испании» [Estrategia de Cultura y Desarrollo de la Cooperación Española 2007]. В нем внешняя образовательная и культурная политика оформляется в приоритетное независимое направление внешней политики страны. Пропаганда национальной культуры и испанского языка за рубежом, равно как и взаимоуважения и толерантности в отношении других культур, укрепление межнационального диалога, усиление присутствия Испании в мире через культурную и языковую политику, культурное взаимообогащение народов – вот основа испанской внешней политики первого десятилетия XXI века.

В 2014 году в Испании впервые появляется документ, излагающий стратегию и основы культурной внешней политики «Стратегия внешнего действия» («La estrategia de Acción Exterior»). Появляются новые инструменты реализации внешней политики, такие как, например, национальный проект «Марка Испания», призванный вобрать в себя и представить всему миру все достижения страны в различных областях жизнедеятельности, цифровая и публичная дипломатия.

По данным информационного агентства «Потланд» (Potland) и газеты «Ла Вангвардия» [La Vanguardia, 25.09.2017] на сегодняшний день Испания занимает почетное 14 место в списке стран, наиболее эффективно использующих мягкую силу в мире. Первые 4 позиции, по данным агентства, отданы Великобритании, Германии, США и Франции. В рейтинге оценивались такие составляющие, как культура, государственное управление, образование, сотрудничество, развитие информационных технологий, управление и бизнес-климат.

Важнейшей составляющей реализации внешней культурной, образовательной и лингвистической политики государств в XXI веке является использование новых технологий и интернета. С целью расширения присутствия страны в социальных сетях и увеличения интереса к ней, 2015 году в Испании был принят План цифровой дипломатии (el Plan de Diplomacia Digital). В Twitter, Facebook, YouTube и Instagram

на разных языках для пользователей разных стран были созданы активные аккаунты, предполагающие креативное общение, как официальных институтов страны, так и регионов, культурных событий, туристических направлений и многого другого. К июлю 2016 года, по данным официального сайта, только Министерство Иностранных дел и Сотрудничества Испании насчитывало более 750000 подписчиков, его аккаунт в Twitter 108.000 человек и в Facebook более 55.000 пользователей. «Дипломатия 2:0», несомненно, эффективна и не требует больших вложений. В России на Facebook также ведутся и активно пополняются актуальной информацией официальные страницы Посольства Испании, Института Сервантеса, Отдела Туризма Посольства Испании и других организаций, что значительно увеличило популярность Испании и интерес к ее культуре, языку, а также к стране как туристическому направлению, в том числе среди молодежи. Один из примеров эффективного использования интернета как средства внешней культурной политики – это проект Отдела Туризма Посольства Испании «Испания. Академия online», предлагающий пользователям интернета бесплатно и в занимательной форме пройти интереснейший базовый курс по истории, культуре и туризму в Испании и после прохождения теста получить сертификат.

Важнейшим государственным институтом, реализующим внешнюю культурную и образовательную политику Испании, является Министерство Иностранных дел и Сотрудничества, в подчинении которого находится хорошо разработанная структура: за культурные связи отвечает Управление по культурным и научным связям, представительств за рубежом и культурные центры; за распространение испанского языка и литературы отвечает Институт Сервантеса, насчитывающий 87 представительств в 44 странах мира; «Испанское государственное общество Культурное действие» (Sociedad Estatal Acción Cultural Española (AC/E); Генеральное управление политикой и культурной индустрией

при Министерстве Культуры (la Dirección General de Política e Industrias Culturales de la Secretaría de Estado de Cultura (AECID), сеть «Домов» за рубежом, среди которых Дом Америки, Дом Азии, Дом Африки, Арабский Дом, Израильский центр, Дом Средиземноморья. Особенно стоит отметить деятельность в сфере образования и науки Фонда «Каролина». В него входят как государственные органы, известные политики и выдающиеся деятели страны, так и финансирующие фонд коммерческие структуры. Фонд поддерживает программы повышения квалификации на территории своей страны преподавателей из-за рубежа, организует встречи в Испании с администрациями образовательных центров, колледжей и университетов, преподавателей испанского языка из разных стран и научных работников с целью установления профессиональных контактов. Подобное сотрудничество в сфере науки и преподавания, в том числе преподавания испанского языка, оказывается весьма эффективным для страны, так как по возвращении сотрудники образовательных центров и высших учебных заведений становятся настоящими «послами» Испании в своей стране, стимулируют интерес к ней среди своих учеников и на многие годы вперед закладывают в сознание растущего поколения положительный имидж Испании, что в дальнейшем дает свои плоды как в сфере образования, изучения испанского языка и культуры, так и в экономике (поездки студентов и их будущие профессиональные связи со страной) и политике.

Образование является важной составляющей внешней культурной политики Испании. В условиях глобализации XXI века Испания, страна, открытая для всех культур и религий и толерантная к любым традициям, избирает стратегию международного распространения образовательной модели своей страны как важнейший инструмент мягкой силы, что полностью соответствует ее целям: создание положительного образа за рубежом, укрепление сотрудничества с другими странами, распространение собственных интересов.

Всю деятельность по распространению образовательной модели можно условно разделить на три составляющие:

1) сотрудничество в сфере высшего образования с вузами других стран,

2) распространение языка и культуры Испании за рубежом в образовательных центрах и учреждениях культуры,

3) обучение испанскому языку иностранных граждан внутри страны.

1. Сотрудничество в сфере высшего образования с вузами других стран. В академической сфере сотрудничество с другими вузами направлено, в первую очередь, на привлечение студентов в Испанию путем создания программ студенческой мобильности и через общеевропейские программы, основной из которых стала программа *Erasmus* и *Erasmus+* для стран, не входящих в Евросоюз; а также создание совместных программ Двойных дипломов на уровне Бакалавриата и Магистратуры, развитие совместных научно-исследовательских проектов с профессорами из университетов других стран, проведение на территории Испании международных научных конференций и конгрессов. Для успешной реализации международного сотрудничества в сфере высшего образования в Испании была проведена реформа университетов в соответствии с Болонской системой, открыты новые конкурентоспособные на мировом образовательном рынке специальности, многие передовые вузы открыли программы на английском языке. Важно отметить, что сегодня в Испании проходят обучение как студенты Евросоюза по международным программам обмена, жители стран Латинской Америки, которые традиционно ехали в Испанию, так и дети семей состоятельных эмигрантов со всего мира, которые считают, что образование в Испании достойного уровня и не отправляют своих детей учиться за рубеж.

2. Распространение языка и культуры Испании за рубежом в образовательных центрах и учреждениях культу-

ры. Огромную работу по распространению испанского языка и культуры за рубежом выполняют Посольства и Отделы Образования при Посольствах Испании за рубежом совместно с сетью «Домов» и Институтом Сервантеса. Большая часть работы в заданном направлении проводится посредством сотрудничества и различного рода помощи: дипломатической, информационной и даже финансовой, с уже существующими в стране образовательными центрами, курсами преподавания испанского языка и испанскими культурными центрами, которые в современном мире приобретают роль самостоятельных акторов реализации внешней культурной политики [Боголюбова, 2008, с. 87–93].

В России, например, подобная деятельность весьма эффективна. Активную деятельность на ниве образования и поддержки преподавания испанского языков здесь осуществляют Посольство Испании, открытый в 2002 году в Москве Институт Сервантеса, Отдел Образования при Посольстве (открыт в 2003 году), Отдел Туризма при посольстве Турэспанья (с 1999 года), присутствуя на мероприятиях, посвященных Испании в специализированных школах с углубленным изучением испанского языка, университетах и других образовательных центрах в различных городах России. В 2007 году состоялось подписание «Соглашения между Российской Федерацией и Королевством Испанией о деятельности культурных центров». Преподаватели испанского языка имеют возможность получить финансирование для поездок в Испанию, в том числе, на курсы повышения квалификации и конференции, а также на ежегодные встречи преподавателей испанского языка как иностранного различных стран, например, Федерации по Преподаванию Испанского языка как Иностранного (FEDELE) или на Фестиваль Испанского языка и культуры, проводимый в Гранаде (FLECOS). На территории России также постоянно проводятся мастер-классы и курсы повышения квалификации, презентация методик и учебников для преподавания испанского языка как ино-

странного. Университеты России и Испании, имеющие соглашения о сотрудничестве, программы двустороннего обмена и программы Двойных дипломов также постоянно чувствуют поддержку со стороны Посольства и Отдела Образования: представители Посольства присутствуют на вручении дипломов, на совместных конференциях и мероприятиях университетов. Отдел туризма Посольства Испании [Tur España] поддерживает федеральные и городские мероприятия, направленные на ознакомление жителей России с культурами различных стран, в которых фигурирует Испания. Так, например, в Москве в январе 2017 года в рамках празднования Рождества на Тверской площади при поддержке Турэспаньи была представлена испанская традиция празднования Рождества, а летом 2017 года в Фестивале «Московская весна А капелла» участвовало четыре музыкальных коллектива из Испании, и на их выступлениях в городе присутствовали лично посол Королевства Испании и Советник по Туризму. Институт Сервантеса, кроме преподавания испанского языка на курсах, проводит активнейшую просветительскую деятельность, организуя для широкой публики несколько раз в неделю в своих стенах на русском и испанском языках с синхронным переводом бесплатные встречи с видными деятелями культуры и образования, а также поддерживая мероприятия по всей стране: фестивали фламенко, конференции и др. [Терентьева, 2013, с. 116–119], [*Институт Сервантеса в Москве*]. Все это только малая часть той огромной работы, которая делается ежедневно по продвижению культуры Испании, испанского языка и двухстороннего образовательного сотрудничества.

По официальным данным отдела Образования Посольства Испании в Москве только среди учащихся средней школы с 5 по 11 класс в России изучают испанский язык как первый иностранный 15 тысяч человек в 26 городах России в 133 образовательных учреждениях, 8 тысяч из них – в Москве. С 2016 года испанский язык входит в перечень дисцип-

лин, официально зарегистрированных Министерством Образования и науки России в школьных Олимпиадах. В 2015–2016 учебном году число студентов, изучающих испанский язык, превысило 8 тысяч, а преподавателей – 500 в 53 университетах РФ.

Результаты двух десятилетий этой интенсивной работы мы видим в огромной популярности сегодня Испании в России, в растущем интересе к испанскому языку, а также в развитии деловых связей наших двух стран, особенно среди молодого поколения. Как отмечает Дарья Ксенофонтова [Ksenofóntova], никогда между нашими двумя странами не было такого взаимного интереса и притяжения, а уровень международного образовательного, туристического, делового и культурного обмена не достигал столь высоких показателей.

3. Обучение испанскому языку иностранных граждан внутри страны. Обучение испанскому языку иностранцев на территории Испании – третья важнейшая составляющая культурной и образовательной политики страны, также подчиненная среднесрочной стратегической цели развития государства и укрепления его присутствия в мире. Преподавание испанского языка рассматривается в Испании не только в контексте образовательной деятельности, но и как важная составляющая реализации культурной внешней политики государства, неразрывно связанная с другими компонентами и имеющая стратегические цели [Castro, 2017].

Одним из следствий этого стало решение о популяризации преподавания испанского языка с целью сделать качественное преподавание языка общедоступным, повторимся, как, на наш взгляд, очень грамотная геополитическая стратегия распространения культуры и влияния страны на международной арене.

Для привлечения наибольшего числа людей во всем мире к изучению испанского языка преподавание его решено было вывести за пределы университетского образования, что

позволило не только значительно увеличить показатели изучающих язык, но и расширить возрастные рамки, предложив обучение как детям и студентам из различных стран, так и взрослым, осваивающим язык для работы, общения, путешествий или эмиграции, и даже пенсионерам.

На сегодняшний день испанский язык можно изучать в Испании как в рамках университетской программы, так и в частных лингвистических центрах (они также называются школами или академиями). В университетах, как это ни парадоксально, уровень преподавания не всегда высок. Объясняется это негибкостью университетской системы: группы здесь традиционно большие, иногда до 40 человек, а количество часов лимитировано согласно учебным планам, что осложняет процесс преподавания и неминуемо влияет на результат. Намного более гибкой, конкурентоспособной и адаптированной к современной действительности оказалась структура частных лингвистических академий.

Гарантией качества для развития частных лингвистических центров стал созданный в Испании в 1991 году Институт Сервантеса. Эта организация была создана для распространения языка и культуры Испании и Латинской Америки за рубежом с целью формирования положительного образа страны. Среди основных задач Института стала разработка методики преподавания испанского языка для иностранцев, для чего к сотрудничеству были приглашены ведущие методисты страны и мира. После продолжительных дискуссий научного сообщества был выработан метод обучения, при участии методистов было написано и издано в ведущих типографиях страны множество учебников, были введены стандарты общего экзамена на знание языка – экзамена DELE. В самой Испании Институт Сервантеса не ведет преподавательскую деятельность. Его функции – методическая работа, разработка стандартов качества для аккредитованных Институтом учебных центров и контроль исполнения данных стандартов, а также обширнейшая культурная, просветитель-

ская и информационная деятельность: лекции, встречи, различного рода культурные мероприятия. Таким образом, постоянно взаимодействуя с центрами по изучению испанского языка на территории страны, Институт Сервантеса обеспечивает стандарты качества преподавания в частных школах. Немаловажна деятельность учреждения и в других странах. За рубежом Институт берет на себя как функции распространения культуры и языка путем организации культурных мероприятий и создания библиотек, так и сам процесс обучения и приема экзаменов DELE.

Помимо Института Сервантеса, в стране функционируют и другие организации, объединяющие лингвистические центры. Членство в них не обязательно, однако почти все школы стремятся быть в составе наиболее авторитетных из них, поскольку помимо установления общих стандартов качества, такие ассоциации осуществляют информационную и рекламную поддержку школ, организуют конгрессы, семинары, мастер-классы с целью привлечения аудитории, установления связей. Одной из наиболее крупных ассоциаций является FEDELE – Федерация преподавания испанского языка как иностранного. В ее состав входит 90 школ. Основная цель Федерации – содействие предпринимательской деятельности, повышение квалификации преподавателей и продвижение школ.

На сегодняшний день в Испании преподают испанский язык по методике Института Сервантеса более 430 частных лингвистических академий. Выбор метода, как и основная линия развития, были детерминированы основными задачами этого направления в образовании, и существенно отличается от традиционных методик, используемых за пределами страны, где существует язык-посредник, например, от сознательно-практического метода, применяемого в ведущих вузах РФ [Khimich, Kargovskaya, Basmanova, 2011, с. 113–116], [Khimich, Palacios González, 2011, с. 89–101]. Назовем основные черты методики преподавания испанского языка в Испании:

– Многонациональные группы стали причиной того, что испанский язык преподается без языка-посредника, коммуникация, объяснение грамматического материала идет непосредственно на испанском языке. Положительный эффект этого метода состоит в быстром развитии навыков аудирования и говорения. Для людей, имеющих филологическое образование или высокие аналитические способности, объяснения на иностранном языке не вызывают затруднений, однако большая часть обучаемых не до конца усваивают грамматический материал.

– По той же причине не осуществляется работа по развитию техники и навыков перевода, соответствию лексических и грамматических конструкций изучаемого и родного языка. Вследствие этого обучающиеся часто намного лучше говорят на иностранном языке, нежели переводят на родной язык.

– За основу в процессе обучения положен коммуникативный метод, что обусловлено главной задачей процесса обучения: в кратчайшие сроки дать обучающемуся инструментальные знания для осуществления акта коммуникации. Эта задача кардинально отличается от той, что стоит перед преподавателями российской высшей школы: подготовить за 4 года (то есть, здесь работа идет на конечный высокий результат) грамотного специалиста и переводчика в сфере профессиональной коммуникации. Использование русской лингвистической школой сознательно-практического метода детерминировано, в первую очередь, целью обучения и отсутствием при обучении языковой среды, позволяющей практиковать знания с носителями одновременно с обучением [Химич, Терентьева, 2014, с. 134–137]. Коммуникативный же метод, используемый в Испании, напротив, дает более быстрые видимые результаты, нацелен, в первую очередь, на быстрое развитие навыков коммуникации и подразумевает возможность постоянно применять полученные в аудитории знания в общении с носителями языка.

– С выбором коммуникативного метода связана еще одна важная линия работы всех лингвистических центров: введение обучающихся в языковую и культурную среду. Для этого все лингвистические центры, помимо обучения, организуют ежедневные мероприятия культурного (посещение музеев, выставок, экскурсии по городу и близлежащим городам), спортивного (занятие теннисом, парусным спортом, футбольные тренировки, игры и т.д.), образовательного (дополнительные лекции по литературе, истории Испании, ведению бизнеса), социального характера (совместный поход в кино, кафе, уроки танца и кухни), главной целью которых является общение всех студентов на испанском языке как с носителями языка, так и между собой.

Как мы уже отмечали, школы преподавания испанского языка – это частные коммерческие организации. Чтобы успешно функционировать и обеспечить себе постоянное привлечение клиентов, они должны быть конкурентоспособными и отличаться друг от друга. Поэтому каждый центр имеет свое лицо и свою специфику: одни делают упор на методической части, разрабатывают собственные учебники, внедряют новые методики, не идущие вразрез с общим методом, выбранным Институтом Сервантеса, в собственных издательствах печатают журналы, газеты, книги; другие делают упор на культурную программу, организацию мероприятий; третьи – читают дополнительные курсы по профессиональному языку, истории, литературе, кино. Важной составляющей работы является адаптация центров к условиям спроса и меняющегося рынка. Так, в последние годы многие лингвистические академии работают по программе «Эразмус», принимая студентов из университетов мира по программе финансирования международного обмена; также появилась новая услуга – «Практики на предприятиях Испании», позволяющая студенту пройти обучение в академии до определенного уровня (обычно это В2) и затем через лингвистический центр устроиться на практику (нужную либо для получения

диплома вуза, либо для получения опыта работы в испанской компании) в профессиональную организацию и получить сертификат о прохождении практики. Среди других услуг центров организация лингвистических лагерей для детей и подростков, подготовка к поступлению в испанские вузы и к сдаче обязательных экзаменов для получения вида на жительство и права на работу в стране.

Во всех лингвистических центрах работает команда, состоящая из профессионалов разного профиля: методистов, организующих процесс обучения, помогающих преподавателям учебными материалами, следящих за контролем качества; преподавателей; отдельная группа сотрудников занимается внеучебной работой, организацией мероприятий, практик. В каждой лингвистической школе работает команда информатиков и промоутеров, занимающаяся ведением сайта, фототочетами и постами в социальных сетях, промоакциями. Большинство школ придает огромное значение информационной деятельности и развитию в области информационных технологий. В течение последнего десятилетия практически в каждой школе функционирует бесплатный Wi-Fi и используется самое современное оборудование, в том числе, мультимедийные и интерактивные доски, что не только позволяет преподавателям активно использовать все ресурсы интернета во время занятий, в том числе видео и аудио, столь полезные для визуализации урока и развития навыков аудирования, но и дает возможность студентам в процессе занятия использовать интернет-словари и другие сетевые ресурсы. В последние годы многими школами ведется активная работа по созданию приложений для мобильных устройств, целью которых является не только предоставление возможности студентам обучаться дома, но и привлечение студентов в академию, то есть, скрытая реклама. Подобные приложения выпускаются в игровой форме силами методистов, преподавателей и команды информатиков. С внедрением интерактивных досок многие школы начали работу по созданию собственных ин-

терактивных электронных учебников, позволяющих в формате урока работать с текстовыми, видео- и аудиоматериалами на доске и на личных планшетных устройствах обучающихся.

Необходимо отметить, что выбранная Испанией схема преподавания иностранных языков оказалась весьма эффективной с различных точек зрения:

– На микроэкономическом уровне: развитие новой отрасли малого бизнеса, небольших, но многочисленных и успешно функционирующих коммерческих предприятий – всегда положительный фактор для развития экономики, а возникновение новых рабочих мест создает положительную динамику социального развития.

– Лингвистические академии ежегодно принимают огромный поток иностранных граждан во все регионы Испании. Каждый приезжающий не только учится, он также оплачивает проживание, питание, живет активной социальной жизнью города, тратит деньги на покупки, добавим к этому экскурсии и мероприятия, организуемые для участников программ – все это означает развитие целой отрасли услуг и поступления в бюджеты городов. Данный факт позволил Турэспанье – организации, отвечающей за продвижении Испании в мире как туристического направления и за разработку стратегий развития туризма – использовать термин «идиоматический туризм» применительно к поездкам в Испанию с целью изучения языка наравне с пляжным, спортивным и иными видами туризма.

– Языковые центры являются весьма успешным инструментом реализации стратегии культурной внешней политики страны. По данным газеты “La Vanguardia” и ежегодного отчета Института Сервантеса, вышедшего в 2015 году под заголовком «Испанский язык – живой язык», в 2015 году испанский язык изучали более 21 миллиона людей по всему миру, что на 1,5 миллиона больше, чем в 2014 году. Это не только создание положительного имиджа страны с вектором

на десятилетия (ведь большинство людей, изучающих язык, молоды), но это огромный успех в стратегии экономического развития страны: ведь большинство молодых людей, изучающих испанский язык, захотят вернуться и продолжить свое обучение не только в лингвистических центрах, но и в университетах; более взрослые люди непременно свяжут свою работу с Испанией, что будет залогом создания новых международных бизнес-проектов и положительно скажется на экономике страны, а более состоятельные люди приобретут недвижимость в стране или вложат деньги в развитие крупного бизнеса, что привлечет в страну капитал.

Таким образом, преподавание испанского языка в современной Испании можно считать правильно выбранной и успешно реализуемой стратегией развития не только образования, но и внешней политики страны, ее социального и экономического развития. Распространение культуры, исторического наследия и языка, как продемонстрировала всему миру Испания – достойный путь продвижения страны в целом с целью ее развития.

Российский университет дружбы народов как один из важнейших центров международного образовательного сотрудничества России и Испании

Хотя взаимное притяжение пограничных государств Европы России и Испании было всегда, новой вехой образовательного сотрудничества можно считать 90-ые годы XX века.

Сегодня, во втором десятилетии века XXI, программы международной студенческой мобильности, среди которых можно выделить Программы Двойной магистратуры, включенного обучения, международного обмена студентами и языковые стажировки, стали неотъемлемой частью и характерной чертой современной образовательной реальности эпохи глобализации. «Данные программы сегодня необхо-

димы, по нашему мнению, для формирования высококвалифицированных и конкурентоспособных специалистов, в особенности, если они ориентированы на работу за рубежом или с иностранными компаниями, поскольку международные программы не только дают возможность усовершенствовать владение иностранным языком, познать культуру, традиции и менталитет жителей других государств, но и, что, возможно, не менее важно сегодня – адаптировать исследовательский опыт другой научной школы, стать ее частью» [Химич, 2014, с. 31].

Российский университет дружбы народов, имея как богатейшие традиции международного сотрудничества, так и одну из сильнейших в России научно-практических школ преподавания испанского языка, внес огромный вклад в развитие международных отношений между Россией и Испанией посредством создания и успешной реализации совместных образовательных программ. В 2014 году руководителю программ Двойной магистратуры между РУДН и вузами Испании доц. Химич Г.А. выпала честь представлять РУДН на расширенном «Конгрессе Ректоров университетов Испании и России» в Мадриде, и в то время как большинство вузов рассказывали о первых шагах на пути к сотрудничеству, мы смогли представить четырехступенчатую, отлаженную и отлично функционирующую систему сотрудничества РУДН с вузами-партнерами из Испании [Химич, 2014, с. 29–31], [Khimich, 2014, с. 27–29], а проректор одного из наших постоянных вузов-партнеров Университета Балеарских островов (УБО) проф. Жауме Хесус Карот Джинер подчеркнул огромное значение сотрудничества с РУДН для его университета, а также важность совместной работы УБО и РУДН по созданию программ студенческой мобильности для развития отношений наших стран.

В 2014 году на факультете гуманитарных и социальных наук существовала трехступенчатая система сотрудничества с вузами Испании. Первым, самым простым этапом сотруд-

ничества, являются языковые стажировки в летние и зимние каникулы для студентов любого уровня, которые дают возможность познакомиться со страной, культурой и усовершенствовать знания языка. Второй ступенью является программа включенного обучения, где вместе с испанскими студентами наши ребята изучают на испанском языке дисциплины по основной специальности.

В 2009 году было подписано Соглашение между РУДН и Университетом Балеарских островов о создании программы Двойной Магистратуры «Культурное наследие: исследование и управление», которая стала первой Программой двойной магистратуры между вузами России и Испании. Этот важнейший шаг двустороннего сотрудничества стал результатом многолетней совместной работы сплоченных коллективов двух университетов. Участие в программе Двойной Магистратуры открывает для современного студента новые горизонты: он получает два диплома об окончании магистратуры в двух странах, что дает огромные возможности трудоустройства. Студенты защищают магистерские диссертации под двойным научным руководством: профессоров из России и Испании, исследуют литературу на двух или более языках, используя библиотечные фонды обеих стран, присутствуют на лекциях представителей научных школ двух университетов, имея уникальную возможность анализа и сопоставления точек зрения.

В 2011 году было подписано соглашение о сотрудничестве между нашим университетом и Мадридским Университетом Комплутенсе о создании второй программы Двойной Магистратуры «Мировая политика: системный подход и междисциплинарные исследования» с факультетом политических наук.

На сегодняшний день сотрудничество в сфере образования между вузами Испании и РУДН и расширяется, и углубляется, отмечая общий вектор сотрудничества двух стран. Только на факультете гуманитарных и социальных наук к

трем вышеперечисленным ступеням сотрудничества прибавились еще 3: обмен студентами на полгода и год по программе “Erasmus+”, прохождение переводческих практик в образовательных учреждениях Испании и новая ступень двустороннего развития в области образования России и Испании – первая в истории «Программа Двойных дипломов кандидата / доктора наук (PhD)» РУДН и УБО, подписанная в 2015 году.

Помимо студенческого обмена важен и обмен преподавательский. Каждый год преподаватели РУДН читают лекции в испанских вузах, а профессора из Испании имеют возможность обратиться на испанском языке к нашим слушателям. В 2017 году в РУДН прошла совместная конференция РУДН и Мадридского Университета Комплутенсе «Россия и Испания: перспективы взаимодействия в глобальном мире», в которой приняли участие ученые двух стран.

Сегодня статистика международной деятельности факультета гуманитарных и социальных наук и Испании – это более 250 студентов, побывавших с 2005 года на языковых стажировках, более 100 студентов, прошедших с 2008 года включенное обучение на испанском языке, 22 студента, получивших Двойные магистерские дипломы России и Испании, 3 студента Двойной Аспирантуры, 60 студентов ФГСН РУДН, принявших участие в 2016–2017 учебном году в Международных Программах мобильности с Испанией. И ежегодно не менее 250 студентов, изучающих испанский язык и испанскую культуру, чтобы своими знаниями сделать политический, коммерческий, культурный диалог XXI века между нашими странами более глубоким, взаимовыгодным и эффективным.

ЛИТЕРАТУРА

Ассоциация академий испанского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asale.org/> (дата обращения: 25.09.2017).

Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Зарубежные культурные центры как самостоятельный актор внешней культурной политики. Вестник Санкт-Петербургского университета, 2008, 2. с. 87–93.

Всемирный доклад по образованию 2006. Сравнение мировой статистики в области образования. Институт статистики ЮНЕСКО, Монреаль, 2006, с. 32–34.

Институт Сервантеса в Москве [Электронный ресурс]. URL: <http://moscu.cervantes.es/ru/default.shtm> (дата обращения: 25.09.2017).

Конституция Испании 1978 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.boe.es/boe/dias/1978/12/29/pdfs/A29313-29424.pdf> (дата обращения: 25.09.2017).

Королевская Академия Испании [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rae.es/> (дата обращения: 25.09.2017).

Лярская В.С., Химич Г.А. La diplomacia pública Web 2:0 en España. Языки и культуры: перспективы развития в XXI веке, Материалы круглого стола РУДН, Москва, 2015. с. 197–202.

Министерство Иностранных дел и Сотрудничества Испании [Электронный ресурс]. URL: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/DiplomaciasigloXXI/Paginas/ProyeccionCultural.aspx> (дата обращения: 25.09.2017).

Правительство Испании [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lamoncloa.gob.es/espana/eh15/politicaexterior/Paginas/index.aspx#instrumentos> (дата обращения: 25.09.2017).

Сизоненко А.И. Культурная составляющая – важный компонент внешней культурной политики Испании. Латинская Америка, № 11, 2007. с. 32–34.

Терентьева Е.Д. Роль Института Сервантеса в распространении изучения испанского языка в мире. Языки и культуры: эффективная коммуникация в условиях глобализации. Материалы межвузовской научно-практической конференции «Обучение иностранным языкам в контексте диалога культур». М., 2013. с. 116–119.

Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России», Вестник МГИМО Университета, Москва, 2012. 25 (4). с. 85–93.

Устав Автономной области Валенсийского сообщества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.justicia.gva.es/documents/19318353/19661297/EACV+castellano.pdf/30d13777-e5c1-4a0e-b2c1-2d15c0e9b72c> (дата обращения: 25.09.2017).

Химич Г.А. Опыт создания первой программы Двойной Магистратуры между Россией и Испанией: 5 лет успешного сотрудничества. Exhibition-seminar “Developments of the leading Russian Universities”. Выставка-семинар «Разработки ведущих российских университетов», мате-

риалы встречи ректоров университетов России и Испании». Spain, Ministry of Education and Science of Russian Federation, 2014. с. 29–31.

Химич Г.А., Терентьева Е.Д. О преподавании испанского языка в Испании в внешней политики страны”. Языки и культуры в эпоху глобализации: особенности функционирования, перспективы развития и взаимодействия. Материалы межвузовской научно-практической конференции, 21 апреля 2016 г. Москва, РУДН. с. 129–139.

Химич Г.А., Терентьева Е.Д. Художественный текст как база для изучения испанского языка в вузе: за и против. «Перспективы развития науки и образования». Сборник статей международной заочной научно-практической конференции. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2014. с. 134–137.

Castro A. La enseñanza de español en España [Электронный ресурс]. URL: http://cvc.cervantes.es/literatura/cauce/pdf/cauce03/cauce_03_011.pdf (дата обращения: 25.09.2017).

Castro J.L. La enseñanza del español como lengua extranjera en Europa: cifras de la situación actual y manifestaciones de los estudiantes [Электронный ресурс]. URL: http://congresosdelalengua.es/valladolid/ponencias/activo_del_espanol/1_la_industria_del_espanol/lujan_j.htm (дата обращения: 25.09.2017).

Cultural Policy in Spain (La política cultural en España). Madrid, 2004, March: Real Instituto Elcano de Estudios Internacionales y Estratégicos. p. 11–12.

Estrategia de Cultura y Desarrollo de la Cooperación Española. Madrid, 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://intercoonecta.aecid.es/Documentos/%20de%20la%20comunidad/Estrategia_cxd.pdf (дата обращения: 25.09.2017).

Herreras J.C. Lenguas y normalización en España. Madrid, 2006, Editorial Gredos. 390 p.

Khimich G.A. People's Friendship University of Russia «La creación del primer Programa de Doble Máster entre España y Rusia: una experiencia de cinco años de trabajo con éxito» // Exhibition-seminar «Developments of the leading Russian Universities». Выставка-семинар «Разработки ведущих российских университетов», materiales del Encuentro de universidades rusas y españolas, Spain, Ministry of Education and Science of Russian Federation, 2014. с. 31–33.

Khimich G., Kargovskaya E., Basmanova A. La enseñanza de la lengua española en la Universidad Rusa de Amistad de los Pueblos // «Cuadernos de Rusística Española», Universidad de Granada, 7, 2011. p. 113–116.

Khimich G., Palacios González S. La literatura y el desarrollo de las competencias comunicativa, léxico-gramatical, literaria y cultural en la clase de español para extranjeros (E/LE). Propuesta didáctica dirigida a estudiantes

rusos // Cuadernos de Rusística Española, 2011, Universidad de Granada, 7. p. 89–101.

Ksenofóntova D. España y Rusia, la actualidad de las relaciones diplomáticas, Rusia beyond the headlines, el 26 de enero de 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://es.rbth.com/internacional/espana/2017/01/16/espana-y-rusia-la-actualidad-de-las-relaciones-diplomaticas_682048 (дата обращения: 25.09.2017).

La Vanguardia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lavanguardia.com/vangdata/20150622/54432960001/cuantos-estudiantes-de-espanol-hay-en-el-mundo.html> (дата обращения: 25.09.2017).

La Vanguardia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lavanguardia.com/vangdata/20150716/54433449266/estos-son-los-paises-con-mas-poder-blando-del-mundo.html> (дата обращения: 25.09.2017).

Nye Jr., Joseph S. La paradoja del poder norteamericano, Taurus, Madrid, 2003. с.30.

Nye Jr., Joseph S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. Public Affairs, 2004. 208 p.

Plan Director de la Cooperación española. Madrid, 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://www.aecid.es/galerias/publicaciones/descargas/libro1_PlanDirector_LR.pdf (дата обращения: 25.09.2017).

Rubio Arostegui A., Ruis-Ulldemolins J. Cultura y políticas públicas después del diluvio. Las ciencias sociales y la refundación de la política cultural. Política y Sociedad, Madrid, UCM, 2015, 52 (1). p. 27–52.

Ruis-Ulldemolins J., Rubio Arostegui A. Presentación. Política y Sociedad, Madrid, UCM, 2015, 52 (1). pp. 9–26.

Turespaña [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tourspain.es/es-es/Paginas/index.aspx> (дата обращения: 25.09.2017).

Vilarrubias M. Un nuevo actor lingüístico en España. El País, 24.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/elpais/2015/04/20/opinion/1429555677_470139.html (дата обращения: 25.09.2017).

Научное издание

**Галина Олеговна Лукьянова
Майя Александровна Егорова
Марина Самуиловна Каменева
Ольга Борисовна Максимова
Татьяна Владимировна Селиванова
Лариса Михайловна Спыну
Екатерина Дмитриевна Терентьева
Галина Александровна Химич**

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Н.А. Ясько*
Компьютерная верстка *Н.В. Маркелова*
Дизайн обложки *Ю.Н. Ефремова*

Подписано в печать 31.10.2017 г. Формат 60×84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 15,34. Тираж 500 экз. Заказ 1696

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. +7 (495) 952-04-41

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
